

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

И.В. Грачёва, Д.В. Бочаров, В.А. Чапышкин

Рязанский край
в историко-литературном
контексте России

Учебное пособие

Рязань 2012

УДК 947
ББК 63.3 2(2=Ряз)
Г 78

Печатается по решению редакционно-издательского совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Научный редактор *Т.В. Федосеева*, д-р, филол. наук, проф.

Рецензенты: *А.Н. Пашикуров*, д-р, филол. наук, доц. (Институт филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета)
Н.В. Мерзлякова, канд. пед. наук, доц. (ОГБОУ ДПО «Рязанский институт развития образования»)

Грачёва И.В.

Г 78 Рязанский край в историко-литературном контексте России : учеб. пособие / И.В. Грачёва, Д.В. Бочаров, В.А. Чапышкин ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – 160 с.

ISBN 978-5-88006-750-3

Учебное пособие по литературному краеведению рассматривает историю культуры Рязанского края как часть общерусской жизни и литературно-художественных исканий.

Адресовано обучающимся в магистратуре, а также преподавателям вузов, учителям-словесникам и всем, кто интересуется историко-культурными традициями Рязанской земли.

Рязанский край, краеведение, Мещера, история культуры, литературный процесс, проза, поэзия, драматургия, мемуаристика, творческие взаимосвязи, литературные прототипы.

ББК 63.3 2(2=Ряз)

ISBN 978-5-88006-750-3

© Грачёва И.В., Бочаров Д.В., Чапышкин В.А., 2012
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие составлено в соответствии с государственным образовательным стандартом для специальности «Филология» и предназначено для литературоведческих курсов магистратуры, базирующихся на региональном компоненте.

Авторами пособия выделено несколько исследовательских направлений. Отдельные параграфы посвящены произведениям и писателям, так или иначе связанным с Рязанской землей и вошедшим в золотой фонд русской классики, другие – литераторам, родившимся на Рязанщине и получившим известность в свое время, хотя и не занявшим лидирующего положения в художественной жизни России, третьи – рязанским реалиям и прототипам в произведениях авторов, лично незнакомых с Рязанью или посещавших ее проездом.

Книга знакомит с малоизвестными, но значительными страницами истории культуры Рязанского края. Диапазон охвата материала – от русского средневековья до рубежа XIX–XX веков. Авторы обращаются к различным аспектам исследуемой темы: к фольклорным традициям как основе художественно-поэтического мировосприятия, к творчеству писателей, ученых и деятелей культуры, так или иначе связанных с Рязанской землей, к проблеме отражения рязанских реалий в произведениях, вошедших в золотой фонд русской классики, и рязанской мемуаристике. О чем бы ни шла речь в учебном пособии, все события частной жизни писателей рассматриваются в связи с общими социально-историческими процессами, с судьбами русского государства в разные эпохи его развития. В книге задействованы документы из Государственного архива Рязанской области (ГАРО).

В пособии выделено три хронологических раздела, обеспечивающих систематизированное изложение материала. В конце каждого параграфа приведены вопросы и задания, которые способствуют развитию профессионального мышления и выработке речевой культуры обучающихся. Общий перечень рекомендуемых источников включает в себя учебные книги, теоретико-литературные и словарно-справочные издания, а также список интернет-ресурсов.

Материалы, представленные в данном пособии, могут быть использованы как в специальном краеведческом курсе, так и в качестве регионального компонента, дополняющего основные литературоведческие дисциплины программы магистратуры. Кроме того, пособие может оказать помощь учителю-словеснику при разработке школьных уроков и факультативов.

В создании пособия приняли участие:

Д.В. Бочаров (2.1; 3.3; 3.5);

И.В. Грачёва (1.2; 1.3; 1.4; 1.5; 1.6; 2.2; 2.3; 2.4; 3.1; 3.4);

В.А. Чапышкин (1.1; 3.2; 3.5).

Глава 1

ФОЛЬКЛОР.

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ И XVII–XVIII ВЕКОВ

1.1. ФОЛЬКЛОР РЯЗАНСКОГО КРАЯ

Устное народное творчество Рязанского края представляет собой неотъемлемую часть русской национальной культуры. Многовековая история, социальный и экономический уклад определили состав и поэтические особенности рязанского фольклора. Летописные источники, данные археологии, этнографии, научные изыскания фольклористов позволили сохранить богатейший художественный материал, представить общую картину развития народного творчества.

В рязанском фольклоре значительное место занимают произведения, связанные с **календарными и семейно-бытовыми обрядами**. Землепашество, скотоводство как наиболее традиционные формы крестьянствования обусловили тесную связь человека с природой, которая в сознании и жизненной практике многих поколений укреплялась при помощи определенных ритуалов. Наиболее популярными в рязанской традиции являются песни, сопровождающие новогодние и рождественские обряды. Чаще всего встречаются ритуальные песни поздравительного содержания с припевами «усень», «таусень», «авсень», которые получили название колядок или усеней. Реже бытуют тексты с рефреном «виноградье» или «коляда».

Хождение по дворам с поздравлениями накануне Нового года традиционно для Рязанской области. Сюжеты рязанских обрядовых песен достаточно разнообразны, как правило, всегда четко соотносились с конкретным персонажем – неженатым парнем, девушкой на выданье, богатым хозяином дома, пожилой женщиной. Группы, обходящие дворы с поздравлениями, могли быть различными по составу и включать в себя только девушек или парней или представлять собой смешанные группы молодежи. Маленькие дети тоже принимали участие в ритуальном действии.

Как и во многих других календарных жанрах, в рязанских усенях главным элементом оказывается припев. Это определяет и характер исполнения, получивший в народе название «кликать таусень», «кричать авсень». Как отмечает известный собиратель и исследователь музыкального фольклора Рязанской области, профессор Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского Н.Н. Гилярова¹, в мелодической

¹ Гилярова Н.Н. Музыкальный фольклор Рязанской области // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1992. С. 8.

структуре припева, обычно четырехмерного, заключено зерно, интонация, часто речевого характера, являющаяся основной для всей песни. Для рязанских усеней характерны закрепленные мелодические формулы квартальной структуры:

Овсень, овсень,
Полетел соколок.
Овсень, овсень,
Через бабушкин дворок.
Овсень, овсень,
Уронил сапожок.
Овсень, овсень,
Красну девушку подай!
Овсень, овсень,
Жениху ширинку шить.
Овсень, овсень,
Недосуг подавать.
Овсень, овсень,
Чего тебе делать?
Овсень, овсень,
Он куда у тебя спешит?
Овсень, овсень,

Он – в обеденку.
Овсень, овсень,
Где обеденка?
Овсень, овсень,
На печи, в уголушке,
Овсень, овсень,
Под ошметочком,
Овсень, овсень,
Под охлопочком.
Овсень, овсень,
Подай кишку-ножку,
Овсень, овсень,
В заднее окошко
Овсень, овсень,
В переднюю дверь,
Овсень, овсень,
Подай поскорей.

Весенние обряды были связаны в рязанской традиции с выкликаньем весны. Из теста выпекались фигурки жаворонков, которые укреплялись на высоком месте или раздавались детям. Участники ритуала, обращаясь к силам природы, закликали:

Весна, весна красная!
Приди, весна, с радостью,
С доброй радостью,
С великой милостью:

С льном высоким,
С корнем глубоким,
С дождями сильными,
С хлебами обильными!

В рязанском музыкальном фольклоре жанр масленичной песни сохранился плохо. Масленица, представлявшая собой незримую границу между зимой и весной, включала на Рязанщине в основном обряды, способствующие изгнанию зимы. Как правило, жгли солому или соломенное чучело (село Степаново Касимовского района), повсеместно катались на лошадях и на санках с гор, пекли блины. Из песен сохранились приуроченные к Масленице лирические протяжные и плясовые.

Реже встречаются в фольклорных записях произведения, связанные с троичко-семицкими обрядами, ритуалами праздника Ивана Купалы.

Издавна большое распространение в Рязанском крае получила семейная обрядовость. Об этом говорит богатое собрание художествен-

ных текстов, относящихся к родинным, свадебным и похоронным ритуалам.

Наиболее полное развитие получил в Рязанском крае свадебный обряд. Во многих районах (Кадамском, Шацком, Скопинском) свадьба сохранила все свои архаические черты: строгую регламентацию подготовки и проведения торжества, участие свадебных чинов (дружки, тысяцкого, свахи, поезжан), ритуальные действия и сопровождающие их фольклорные тексты (причеты невесты, приговорки дружки, свадебные диалоги). Особое место в обряде отводится песенным жанрам, которые составляют основной пласт музыкального фольклора области.

Рязанские свадебные песни делятся на довенечные (они имеют местное название «сокольские»), прощальные, девишские песни; свадебные обыгрывания; корильные. Последние в рязанской традиции имеют двойной смысл: кроме песен-высмеиваний, имеющих общерусское распространение, корнями называют и песни-величания. Тексты свадебных песен отличаются отточенностью поэтических мотивов. Образы их типичны для обрядности средней полосы и юга России. Жениха чаще всего называют «соколом», «сокол», «лебедок», невесту – «перепелушка», «лебедушка». Музыковеды отмечают², что рязанские свадебные песни преимущественно строятся на ангемитонных звукорядах двух типов: м.3, 6.2, 6.2 и 6.2, м.3, 6.2. Эти звукоряды родственны. В основе текста лежит песенный тонический стих. Многоголосие большей частью относится к гетерофонному типу: движение всех голосов скреплено развитием общей мелодической линии, но каждый из них развивается независимо, что способствует образованию по вертикали острых диссонансирующих созвучий. Голоса в партитуре постоянно перекрещиваются. Песни довенечного цикла по своей бытовой функции являются преамбулой свадебного торжества. По своей природе они генетически связаны с плачами (об этом свидетельствуют общие словесные блоки, единая ладовая основа, совпадающие структуры песенного стиха, общий эмоциональный настрой):

Затрубили в трубушку,
Рано по заре,
Рано по заре.
Плакала Настасьюшка
По русой косе,
По русой косе.
Вечер мою косушку
Девушки плели,
Девушки плели.

Вечер мою русую
Золотом вили,
Золотом вили.
Приехала сватушка
Немилостивая,
Стала мою косушку
Рвать, порывать,
Стала мою русую
На две расплетать.

² Гилярова Н.Н. Музыкальный фольклор. С. 101.

Исследованию свадебного фольклора Рязанской области посвящена монография старшего научного сотрудника Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук Е.А. Самоделовой «Рязанская свадьба: Исследование обрядового фольклора»³.

Необрядовый фольклор Рязанского края представлен в основном лирическими и эпическими жанрами, драматические тексты для народного театра не зафиксированы.

Чрезвычайно богата палитра **народной лирики**, охватывающей самые различные стороны жизни. В селах Ряжского района (Журавинка, Петрово, Еголдаево) и в слободах самого Ряжска, как отмечают фольклористы⁴, сохранилось много старинных солдатских песен, свидетельствующих о том, что Ряжск был важным опорным пунктом на границе Рязанского княжества и что воинские гарнизоны стояли здесь и в более позднее время. В некоторых из этих песен упоминаются события, связанные с русско-турецкой войной. Обычная тематика солдатских песен – любовь солдата к родине и отчому дому («Об чем задумался, служивый», «Не в поле ветер веет»), гибель воина в бою («Уж ты поле, мое поле», «Черный ворон»), тяжелая солдатская жизнь («Мужики вы, мужики», «Позавидовал мужик»). В большинстве песен вырисовывается традиционный образ храброго, веселого русского солдата, умеющего защищать Родину.

Зафиксированы оригинальные образцы «удалых» песен о разбойнике Кудеяре, который, согласно преданиям, действовал на территории Сараевского района.

Наиболее популярны на Рязанской земле любовные и семейные песни. Многие из них входят в общерусский репертуар («Снежки белые, пушистые», «Соловей кукушку уговаривал», «Из-за лесу, леса темного»), но встречаются и уникальные, редкие тексты («Туман растуманился», «Под березою, под кудрявою» и др.). Поэтика лирических песен, бытующих в Рязанском крае, в целом достаточно традиционна. Композиция произведения строится, как правило, в форме диалога (реального или воображаемого) или монолога, часто в совокупности с описательно-повествовательной частью в виде экспозиции. Распространены различные виды образного параллелизма (психологический, контрастный), сравнений. Эмоциональность достигается за счет многочисленных повторов, восклицаний, междометий и частиц. Тексты рязанских лирических песен богаты метафорами, фольклорными эпитетами («белая березонька», «горь-

³ Самоделова Е.А. Рязанская свадьба: Исследование обрядового фольклора // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1993.

⁴ Соколова В., Гришин В. Народное поэтическое творчество Рязанской области // Учен. зап. Ряз. гос. пед. ин-та. М., 1965. Т. 38. С. 3–28.

кая полынь», «ясная зоренька», «милый дружок», «частые звездочки»), которые в совокупности со словами, имеющими суффиксы эмоциональной оценки, создают замечательные поэтические образы:

Уж вы ветры, мои ветры,
Вы не дуйте, не бушуйте,
Сине море не колышьте!
Сине море колыхливо,
Белорыбица пуглива.
Красна девка тороплива
За ворота выходила,
Всем подружкам говорила:
– Уж вы милые подружки,
Мне сегодняшней день – скука,
Со милым дружком разлука,

Разлучила нас не воля,
Нас не воля, не охота –
Чужедальная сторонка,
Петербургская дорожка,
Сколько раз по ней ездила,
Сколько слез я по ней вылила!
Во слезах письмо писала,
Мои письма не доходят:
Слуги, верно, не доносят,
Слуги верные – злодеи –
Разлучить меня хотели.

Упоминание в песнях Ростова, Астрахани, Казани, Москвы, Питера связано с географическим положением Рязани, важной ролью водной магистрали – Оки и верховья Дона, по которым можно было спуститься в низовье к большим торговым городам и найти там работу. Близость Москвы и железная дорога до Петербурга давали возможность крестьянам уходить на заработки в эти города.

Эпическое творчество Рязанского края включает в себя преимущественно прозаические формы: **сказки, предания, легенды, былички, бывальщины**. Примечательно, что некоторые герои русского стихотворного эпоса имеют местное происхождение (Добрыня Никитич в былинах, Авдотья-рязаночка, Евпатий Коловрат, Февронья в исторических песнях и преданиях).

В Рязанской области записано четыре варианта сказки о Петре и Февронии Муромских⁵. Бытуют они в селах Ласково и Заборье Рязанского района, а также Криуша Клепиковского района. Эти тексты показывают, что литературная повесть о Петре и Февронии Муромских была известна в народе, так как влияние ее весьма заметно. Тем не менее рязанские варианты сказок об этих героях в большей степени оригинальны.

Типология положительного героя, его помощников и противников, использование изобразительных средств, языковые особенности, как правило, не выходят за рамки общерусской сказочной поэтики, хотя влияние творческой индивидуальности исполнителя несомненно. В рязанских сказках сравнительно мало так называемой сказочной обрядности, которая делает произведение полным чудес и невероятных собы-

⁵ Сказки земли рязанской / подгот. текстов, вступ. статья, примеч. и коммент. В.К. Соколовой. Рязань, 1970. С. 4–5.

тий. Чаще всего они носят социально-бытовой характер и сближаются с народной авантюрной повестью. Большое распространение получили новеллистические истории, повествующие о хитроумном солдате, находчивом мужике, жадной старухе, плутоватом попе. Часто в сказках и бывальщинах фигурируют представители низшей славянской демонологии: черти, домовые, лешие, банники, овинники, русалки. Например, в Пителинском районе была записана такая история: «За селом, на месте школы, есть телятник. Однажды телятницы заметили, что в помещении чистота и коровы ухожены. Никто не мог понять, отчего же, а потом одна женщина пришла в телятник рано утром и увидела маленького серенького старичка, который гладил коров и что-то говорил им. Женщина кашлянула, старичок посмотрел на нее и растаял. Это был домовый. Он-то и убирал все, потому что любит чистоту».

Чрезвычайно интересная информация содержится в рязанских топонимических преданиях, приоткрывающих тайну названий населенных пунктов и природно-географических объектов (рассказы об истории Рязани, Пронска, Касимова, Скопина, деревень Можары, Сысои, Ухорское)⁶.

Рязанское устное народное поэтическое творчество широко представлено и малыми фольклорными жанрами: **пословицами, поговорками, загадками, прибаутками, присловьями**, которыми так многоцветно была украшена речь наших предков. Значительная часть этого бесценного материала вошла в известнейшие сборники народной мудрости, в том числе в собрание В.И. Даля «Пословицы русского народа». Так, всем известны знаменитые выражения «рязанцы косопузые», «рязанцы синебрюхие», «В Рязани – грибы с глазами, их ядять – они глядят», которые вместе с диалектными чертами передают обаяние местного жителя. Рязанские мудрословы говорят: «Деревня родима краше Москвы», «На чужой стороншке рад своей вороншке», «Два дела в одни руки не возьмешь», «И не рад хрен терке, да по ней боками пляшет», «Красота до венца, а ум до конца», «Работай смелее – будешь жить веселее», «Сначала спячка, потом раскачка, а в конце горячка», «Думай дважды, говори раз», «В согласном стаде и волк не страшен», «Невежество хуже темной ночи».

Современный рязанский фольклор продолжает развиваться, о чем свидетельствует творческая деятельность многочисленных самодеятельных и профессиональных коллективов, сохранивших традиции национального искусства. Хорошо известны ансамбли сел Восход, Коте-

⁶ Легенды. Предания. Бывальщины / сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н.А. Криничной. М. : Современник, 1989.

лино, Мелехово, Отрада, Сысои, Секирино, Кутуково, Ермолово, Любониково, Дегтяные Борки Рязанской области. Давние песенные традиции живут в селах Бусаево Клепиковского района, Поплевино Рязанского района и других местах Рязанского края.

Наряду с устоявшимися жанрами классического фольклора отмечается активное бытование произведений устного народного творчества, связанных с новым временем, развитием городской культуры. **Лирическая песня, романс, баллада, анекдот, различные формы народного юмора** широко представлены в записях современного фольклора. Особое место занимает **частушечный жанр**.

Русская частушка в отечественной фольклорной культуре представляет совершенно уникальное явление, в полной мере отражающее все особенности мировоззрения народа. Природный ум, талантливость, находчивость и смекалка, ироничность, великолепное чутье языка как нельзя лучше выразились в этом создании русского гения. Читая и слушая частушки, невольно вспоминаешь бессмертные гоголевские строки о метком русском слове: «Выражается сильно российский народ! <...> Живой и бойкий русский ум не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как паспорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом... <...> Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца и животрепетало, как метко сказанное русское слово»⁷.

Появившись во второй половине XIX столетия, частушки сразу же завоевали огромную популярность, ибо, благодаря своей форме, оказались необычайно универсальным, мобильным жанром, способным выполнить самые разнообразные функции: сопровождать пляску, нести актуальную информацию, служить средством народного самовыражения, быть одним из методов борьбы с социальными и нравственными пороками или просто развлекать, создавать атмосферу праздника. Бескомпромиссность, искренность, эмоциональность частушки делают ее любимой формой народного творчества и сегодня.

Результаты фольклорных экспедиций последних десятилетий, проводимых студентами факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, а также научными группами других учебных заведений страны и исследовательских центров, показывают явную активизацию частушечного жанра. Чем же вызван столь длительный и постоянный интерес к этим произведениям?

⁷ Гоголь Н.В. Мертвые души // Собр. соч. : в 8 т. / по ред. В.Р. Щенрбины. М. : Правда, 1984. Т. 6. С. 108.

Причины стабильной популярности жанра кроются прежде всего в необычайной мобильности частушки, которая способна реагировать моментально на любое событие, что называется, «утром в газете, вечером в куплете». Еще свежи в памяти сюжеты о счастливой колхозной жизни:

Пятилетка, пятилетка,
Пятилетка новая,
Пятилетку выполнять
Я всегда готовая.

а уже на сельской свадьбе в молодежной частушке слышатся иные мотивы:

Ты зачем, миленок мой,
До утра гулял с другой?
Не ревнуй, какая чушь!
Я ей спонсор, а не муж.

Частушка не имеет тематических границ и с одинаковым успехом рассказывает как о проблемах большого общественного значения, так и, по словам известного русского писателя Глеба Успенского, «откликается на каждую малость жизни». По широте тематики, особенностям содержания частушки очень напоминают пословицы.

Истинно народная частушка всегда искренна, почти исповедальна. Любая фальшь, искусственность сразу же бросается в глаза. Повсеместная идеологизация, политизация советского общества коснулась и фольклора, дав толчок к созданию целого ряда безликих, стилизованных под народное искусство произведений, воспевающих новую действительность:

Мы посеем кукурузу,
Раньше не было такой.
Вырастет она в колхозе –
Не дотянешься рукой.

Пой, гармошка, разливайся,
Славь колхозные поля.
На подъем всего хозяйства
Курс нам партия дала.

Между тем фольклорная смеховая культура всегда была альтернативной по отношению к государственной политике, в какой-то мере консервативной ко всем новациям, выражала свойственную русскому народу сдержанность, критичность в оценке идущих сверху преобразований. По этой причине более естественными кажутся те частушки, в которых звучит ирония, в которых «бойкий русский ум» посмеивается над несуразностями жизни, дает собственную, а не навязанную пропагандой точку зрения. Материалы фольклорных экспедиций дают образцы таких произведений:

Ох, в колхозе я была
Всего нагляделась:
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба и мужик.

Полюбила бригадира
На работу не ходила.
Ночь гуляла, день спала
И то ударницей была.

Говорят, в колхозе плохо,
А в колхозе хорошо:
До обеда ищут сбрую,
А с обеда – колесо.

Все ребята как ребята,
А мой милый депутат:
Все ребята при работе,
А мой милый ходит так.

Частушка привлекает своей эмоциональностью. В ней нет места длинным пояснениям, рассуждениям, за которыми можно спрятать свое мнение. Частушки, как и пословицы, запелляционны, конкретны, упрямы, и эта четкость позиции лирического героя, его уверенность, открытость привлекают слушателя, находя в нем непосредственный эмоционально-психологический отклик.

Частушечный жанр как нельзя лучше иллюстрирует одно из основных качеств фольклора как вида искусства – коллективность творчества. Частушки предназначены прежде всего для публичного исполнения и вне его теряют смысл. Известный фольклорист В.П. Аникин по этому поводу совершенно справедливо заметил: «Предельная концентрация немногих, но выразительных и сильных художественных приемов подчинена стремлению донести до слушателей новость, нечто злободневное, некую новизну, повеселить слушателей, погрустить с ними, вызвать участие – словом, пробудить у них сочувствие, сделать их свидетелями чего-либо. Частушка создается для публичного исполнения и утрачивает свой настоящий смысл вне такого исполнения»⁸.

Несмотря на свою внешнюю простоту, частушка способна передавать самую сложную гамму чувств: от тихой грусти о потерянной любви до безграничной радости взаимного понимания, от сожаления и растерянности до удивления и восторга – все оттенки многообразных человеческих эмоций живут в малой поэтической форме. Еще в начале века известный русский философ, искусствовед Павел Флоренский, собирая фольклор в Костромской губернии, обратил внимание на глубину драматического, а порой и трагического подтекста частушки, который скрывается за внешней легкостью и игривостью тона: «...Это шутовское в глубоком и глубокое в шутовском придают частушке дразнящую и задорную прелесть, постоянно напоминающую гейневскую музу. Как и у Гейне, в глубине частушки порою нетрудно разглядеть слезы и боль разбитого

⁸ Аникин В.П. Русский фольклор : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1987. С. 91.

сердца; однако, как и у поэта, так и у народа, эти слезы и эта боль показаны более легкими, нежели они суть на деле»⁹.

Действительно, в раскрытии одной из центральных тем всего фольклора – темы любви – частушка обращается к самым сложным нюансам взаимоотношений мужчины и женщины, не уступающим порой шекспировским страстям:

Неужели в самом деле В речке высохнет вода? Неужели в самом деле Милый бросит навсегда?	Полюбила я его, Тихого-претихого. В тихом озере чертей Полным-полно напихано.

Измена, разлука, сомнение, отсутствие взаимности, преграды со стороны родственников – традиционные мотивы всех песенных фольклорных жанров. Но частушка не стремится к психологической разработке определенной сюжетной ситуации, происходящее в ней событие воспринимается как условное, предполагаемое, и, хотя любовная драма неизбежна, у слушателя остается надежда на благополучный финал в самой жизни.

В контексте всего частушечного творчества Рязанского края доля произведений с серьезным содержанием довольно значительна, но вместе с тем истинной стихией этого жанра является комизм. Частушка практически не знает границ смешного: пародированию, осмеянию часто подвергается то, над чем еще недавно плакали. Намеренное травестирование, снижение высокого начала – излюбленные приемы народного творчества. Это своеобразное лекарство от той трагической безысходности, в которую порой попадает человек:

Не найти такой березы, Чтобы листик не резной. Не найти такого парня, Чтобы бегал за одной.	Говорят, что я тоскую, Знаю – исстрадалася: Было сорок килограмм, Шестьдесят осталось.

Народная изобретательность в создании комического эффекта не имеет пределов. В частушке гиперболизированы изъяны внешности героев, абсурдны ситуации, оригинальны сравнения, ироничны характеристики. Игра слов, диалектизмы являются характерными чертами фольклорных миниатюр.

Объектом иронии в частушке может быть и сам лирический герой, что весьма характерно для рязанской традиции, раскрывающей внутреннюю свободу, добродушие, беззлобность русского человека, его способность посмеяться над собственными слабостями и недостатками:

⁹ Флоренский П. Избранные работы. М., 1993. С. 54.

И работаю, работаю,
Работы не боюсь:
Если правый бок устанет,
Я на левый повернусь.

Слава богу, понемногу
Стал я разживаться:
Продал дом, купил ворота,
Стану запираяться.

В частушке удивляет совершенство и законченность формы. Маленький экспромт поразительно гармонично вошел в систему фольклорных жанров, стал за короткий срок одной из популярнейших форм устного народного творчества. Павел Флоренский писал: «Будучи импрессионистической лирикой, по существу, частушка необходимо получает форму небольшого, замкнутого в себе более или менее изящно сложенного целого. Четверостишие частушки самодавлеющее; его нельзя продолжить, его нельзя сократить. Частушка законченна в себе и определена несколько не менее, нежели сонет или газель или японская танка»¹⁰. Сравнение с устоявшимися формами мировой поэзии малых жанров весьма примечательно. Обаяние частушки, ее простота и бесхитрость, за которыми кроются глубокая жизненная философия и знание человека, чистый русский язык, лаконичность и точность поэтической образности ставят ее на один уровень с другими мировыми шедеврами малой лирической поэзии.

Милашка, лебедь белая,
Куда с ведерком бегала?
Милый мой, не за тобой –
На колодец за водой.

Ой, подруженьки, гуляйте
Вечерами дольше;
Наша молодость не лето:
Не вернется больше.

Следует отметить, что не все тексты, бытующие в рязанском фольклоре, можно отнести к произведениям искусства. Среди безбрежного разнообразия частушек встречаются и грубые подделки, ремесленные упражнения бесталанных «любителей поэзии», удовольствие которых заключено в максимальном использовании грубых, нецензурных слов, пошлости. В этих произведениях нет главного – той поэтической «изюминки», без которой не может быть настоящей частушки. Этот жанр никогда не тяготел к пуританской благочестивости, в его арсенале всегда находилось крепкое словцо, ядреная шутка, без которых фольклор немислим. Но все это только тогда становилось поэзией, когда было естественным, необходимым для выражения определенной мысли, создания нужного образа, то есть когда торжествовал принцип соразмерности и сообразности, когда народный автор чувствовал гармонию слова. Говоря о своеобразии лексики частушки, нельзя не вспомнить примечательные слова Ф.М. Достоевского, высказанные им в «Днев-

¹⁰ Флоренский П. Избранные работы. С. 55.

нике писателя»: «Наш народ не развратен, а очень целомудрен, несмотря на то, что это, бесспорно, самый сквернословный народ в целом мире, – и об этой противоположности, право, стоит хоть немножко подумать»¹¹.

Действительно, частушке отнюдь не свойственна дидактичность, морализм, поучение. Но в совокупности всех произведений незримо присутствует определенная нравственная позиция. Балагурство, удальство, бесшабашность, грубоватая чувственность, ерничанье – это своеобразная карнавальная маска, которую надевает лирический герой-лицедей, подобно древнему скомороху, чтобы повеселить публику. В глубине души таятся чувства сильные и глубокие:

Мне не надо пуд муки,
Мне не надо сита:
Меня милый поцелует –
Я неделю сыта.

Мне не надо пуд гороху,
Мне – одну горошину
Мне не надо девок много,
Мне – одну хорошую.

Старики нам надоели,
Хочется пожить одним.
Поженились, отделились,
А обедать ходим к ним.

Есть таланты на Руси,
Можно быть уверенным.
Коль народ еще смеется,
Знать, не все потеряно.

Разнообразие тем, сюжетов и образов рязанских частушек, их поэтическое совершенство позволяет говорить о сохранении классических фольклорных традиций и огромного творческого потенциала русского народа. Произведения устного народного поэтического творчества требуют бережного отношения и научного изучения.

История рязанской фольклористики насчитывает около двух столетий. Многие произведения, записанные на Рязанщине, вошли в известнейшие антологии народной поэзии М.Д. Чулкова, П.В. Киреевского, П.В. Шейна, И.А. Худякова, А.Н. Афанасьева, Н.Е. Ончукова. Публикации музыкального фольклора Рязанской земли появились лишь во второй половине XIX века. Из-за близости к такому промышленному и культурному центру, как Москва, Рязанская губерния оказалась за пределами внимания как Музыкально-этнографической комиссии при Московском университете, так и Песенной комиссии при Русском географическом обществе. Первая серьезная заявка была сделана Н.М. Лопатиным и В.П. Истоминым в 1888 году в сборнике «Русские народные лирические песни». В начале XX века появляются издания напевов, записанных И.В. Некрасовым и Ф.М. Истоминым в селах, расположенных в бассейне рек Дона и Оки. К сожалению, хоровые об-

¹¹ Достоевский Ф.М. Собр. соч. : в 10 т. М., 1965. Т. 8. С. 135.

работки Некрасова ни в коей мере не учитывали особенности народной уникальной партитуры. Пользовался этими материалами и композитор А.К. Лядов.

В советское время рязанские песни появляются в репертуаре хора имени Пятницкого, а затем и в сборниках, посвященных его творчеству. Своеобразие репертуара Рязанской области, особенно ее мещерского региона, отражено в сборнике С. Пушкиной и В. Григоренко «Приокские народные песни». В последнее двадцатилетие внимание музыковедов концентрируется на проблемах рязанского многоголосия. В «Образцах народного многоголосия» (под ред. И. Земцовского) один из разделов посвящен песням села Котелино Кадомского района. Детализированное воспроизведение приемов народного многоголосия было осуществлено С. Пушкиной в разделе сборника «Русские народные песни в многомикрофонной записи», посвященном песенному фольклору села Секирино Скопинского района. В 1979 году в сборнике «Двадцать русских народных песен» составитель Е.В. Гиппиус опубликовал пять образцов звукозаписей З.В. Эвальд, сделанных ею в 1935 году в центральных районах области. Большой вклад в изучение музыкального фольклора Рязанского края внесла Н.Н. Гилярова, подготовившая ряд ценнейших песенных сборников с нотами и научным комментарием. Знаменательным событием стало появление грампластинок и компакт-дисков с записями народных произведений в исполнении фольклорных коллективов Рязанской области.

Большую работу по изучению местного народнопоэтического творчества проводило Рязанское краеведческое общество в 1920-е годы. С 1951 года кафедра литературы Рязанского педагогического института приступила к планомерному собиранию и изучению фольклора, направляя в районы области студенческие экспедиции. Эта деятельность продолжается и в настоящее время. Итогом работы стал фольклорный архив при кафедре литературы РГУ имени С.А. Есенина, включающий в себя текстовые, магнитофонные и цифровые записи произведений устного народного творчества самых различных жанров. Этот материал активно используется в научных и учебных исследованиях. Серьезная работа по собиранию и изучению фольклора Рязанского края проводится сотрудниками Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, преподавателями музыкального колледжа им. Г. и А. Пироговых, Рязанского заочного института (филиала) Московского государственного университета культуры и искусств, работниками Рязанского областного центра народного творчества, краеведами. Собранный материал позволяет говорить о необходимости издания Свода рязанского фольклора, который поможет сохранить для потомков замечательные образцы русской народной поэтической культуры.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каковы особенности поэтики и жанровое многообразие рязанского фольклора?
2. Опишите жанровый репертуар и поэтику рязанских сказок.
3. Какие топонимические предания Рязанского края вы знаете?
4. Какое влияние рязанский фольклор оказал на древнерусскую литературу?

1.2. РЯЗАНСКИЕ МОТИВЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В русских летописях сведения о Рязани и Рязанском крае отрывочны и неполны. Если в Рязани и велось собственное летописание, то все первоисточники погибли во время татаро-монгольского нашествия. По другим же летописям невозможно даже установить, когда возник город Рязань. Одно из самых ранних упоминаний о нем дается в **Лаврентьевской летописи** под 1096 годом, где рассказывается, как сын Владимира Мономаха Изяслав отнял у князя Олега Черниговского Муром и Олег искал поддержки в Рязани. У Олега и Изяслава началась жестокая междоусобица, закончившаяся гибелью Изяслава. Несомненно, уже тогда Рязань была крупным и богатым городом (кстати, в Лаврентьевской летописи наименование Рязань – мужского, а не женского, как сейчас, рода: описывая злоключения Олега, автор использует такие выражения, как «иде к Рязаню», «выбеже из Рязаня» и т.д.). В 1095 году, как свидетельствует запись в Следованной Псалтыри XVI века, хранящейся в Рязанском областном историко-архитектурном музее-заповеднике, «заложен бысть град Переславль Резанской около церкви святого Николы Старого». В записи уточняется, что город стоял на «озере быстри». Возможно, имелось в виду название озера Быстрое¹².

Летописные упоминания о Рязани чаще всего повествуют о ситуациях, характерных для жизни Древней Руси: княжеских раздорах, опустошительных набегах врагов-кочевников. Например, в **Никоновской летописи** под 1155 годом есть запись: «Того же лета приходиша татарове в Рязань на Хапорт и много зла сотвориша, овех избиша, а других в плен отведоша». А в следующий 1156 год «приходиша половци на Рязань на Быструю Сосну, и многих пленивше идоша во своа; и не дошедшим им своих, оплошишася, погоня же за ними прииде на спящих, и полон отполони, и их изби»¹³. В той же летописи под 1208/09 годами

¹² Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М. : Наука, 1965. С. 68.

¹³ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 9. С. 205, 207.

рассказывается о том, как князь Владимиро-Суздальский Всеволод по прозванию Большое Гнездо пытался посадить на рязанский престол одного из своих сыновей – Ярослава. Вначале Всеволод полонил многих рязанских князей, забрав их во Владимир, и рязанцы поневоле согласились принять Ярослава, дав ему клятву верности, скрепленную крестоцелованием. Но вскоре рязанцы восстали, людей Ярослава «поковаша, а иных в погребы засыпаша и измориша, а иных повешаша». Сам Ярослав, прячась от своих строптивых подданных, послал к отцу за помощью. Всеволод, «слышав сие, иде к Рязани и с детьми своими, и пришед ста у града. <...> И повеле князь великий Всеволод всем людем выйти из града со всем добром легким, а с прочим со всем добром их зажже град их и посад весь, и иде к Белуграду их, и того сожже посады, такоже и другыя грады сожже и посады, а люди рязанския все выведе с собою в Володимер, и розосла всех по градом своим, а Рязанскую землю всю пусту сотвори, и грады, и власти, и села пожже, и скот посече...». Только после смерти Всеволода в 1213 году его сын и наследник Юрий смилостивился над опальными рязанцами и «выпусти Рязанских князей и епископа их Арсения, и отпусти их в их отчину в Рязань... и вся люди рязанския идоша кождо во свояси»¹⁴.

Но иногда упоминаются необычные события, поразившие воображение современников. Так в Никоновской летописи под 1135 годом записано: «Убиен бысть в Рязани тысяцкий Иван Андреевич, нарицаемый Долгий». В середине XIX века М. Макаров в «Заметках о землях Рязанских», ссылаясь на древние, не сохранившиеся до наших дней источники, пояснял обстоятельства гибели рязанского тысяцкого. Он слыл «мужем неверным», ссылался со степняками и оказывал им тайную помощь при их набегах на рязанские пределы. В декабре 10 числа, когда народ спешил к молебну, разразилась гроза, и Иван был «убит громом». Испуганные горожане решили, что «вору по делом господь бог пожаловал муку». Отчасти этот рассказ подтверждается одним из кратких летописных сообщений о необычной зимней грозе в 1135 году: «Тое же зимы погрене, месяца декабря в 10»¹⁵.

Рассказывают летописи и о драме, разыгравшейся в 1217 году в селе Исады. Рязанские князья Глеб и Константин пригласили родичей для обсуждения вопроса о распределении уделов. Но во время пира с помощью спрятанных половцев перебили своих братьев и их приближенных. Повествователь Лавретьевской летописи называет Глеба и Константина «проклятыми», сравнивая их с Каином.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 10. С. 59–60.

¹⁵ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. С. 78.

В **Новгородской I летописи** рассказывается, как в 1237 году «приидоша иноплемьници, глаголемии татарове, на землю Рязаньскую <...> послаша послы своя, жену чародеицю и два мужа с нею, к князем рязаньским просяче у них десятины во всемь: и в людех, и в князех, и в коних, во всяком десятое». Появление женщины в качестве полномочного посла, ведущего переговоры, было настолько необычным для русских людей того времени, что они заподозрили, будто татарская посланница обладала какими-то особыми колдовскими чарами, с помощью которых пыталась воздействовать на рязанцев. Князья рязанские, пронские и муромские заявили татарским послам: «Олна нас всех не будеть, тоже все то ваше будеть»¹⁶. Тогда татары осадили Рязань. Князь Владимиро-Суздальский Юрий Всеволодович, узнав об этом, послал на помощь рязанцам своего сына Всеволода с лучшим воеводой Еремеем. Их войско соединилось с дружиной рязанского князя Романа Ингоревича. Но события развивались стремительно. Рязань, несмотря на отчаянное сопротивление, пала. Татары, двинувшись дальше, настигли у Коломны полки Всеволода. В жестокой сече Еремей и князь Роман были убиты. Всеволод с остатками дружины поспешил назад.

Об этих же событиях рассказывается в **«Повести о разорении Рязани Батыем в 1237 году»**. Повесть входила в свод, посвященный рязанской святыне – иконе Николы Зарайского. Кроме повести свод заключал в себе сообщение о том, как образ Николы был перенесен из Корсуня (Херсонеса) в Зарайск «служителем» этой иконы Евстафием. Третьей частью свода являлось родословие всех служителей иконы, начиная с Евстафия и кончая его преемниками в XVI–XVII веках, четвертой – стало повествование о чудесах, связанных с образом Николы Зарайского. В легенде о перенесении образа Николы говорится, что тот явился во сне Евстафию, требуя перенести его икону на Русь, а затем приснился рязанскому князю Федору Юрьевичу, велел ему достойно встретить принесенную святыню. Вместе с тем Никола предрекал Федору, его будущей супруге и их сыну «царствие небесное», достигнутое через мученическую кончину. «Повесть о разорении Рязани» и раскрывает подробности этой трагедии.

Повесть не является документальным свидетельством о событиях татаро-монгольского нашествия, так как написана почти через столетие после падения Рязани, поэтому в тексте много неточностей и противоречий. Князь Всеволод Пронский и Давид Муромский, названные среди участников битвы с Батыем, скончались гораздо ранее. Олег Красный, по повести замученный в плену у Батыя, на самом деле был им поща-

¹⁶ Новгородская I летопись. М. ; Л., 1950. С. 74–75.

жен, в 1252 году отпущен на свободу и умер в 1258 году. Особенно курьезно воспринимаются причитания князя Ингваря Ингоревича, который, приехав в разрушенную татарами Рязань и плача над погибшими родственниками, восклицал: «По что аз преже вас не умрох?»¹⁷. В реальности он и умер прежде них около 1220 года. Упомянутый в финале повести князь Кир Михаил Пронский, которого якобы Ингварь «посади на отца его отчине», на самом деле погиб еще ранее в Исадах.

Если автору повести не хватало подлинных сведений о событиях 1237 года, то он широко использовал фольклорные и легендарные источники. Так, в контексте повести одной из причин нападения Батыя на Рязань стала ссора грозного хана с князем Федором Юрьевичем, который приехал к Батыю с дарами и «молением великим» не воевать Рязани, но услышал требование: «дай мне, княже, видите жены твоей красоту». Князь Федор «посмеяся» и заявил: «Аще нас преодолеши, то и женами нашими владети начнеши». Смелый ответ стоил князю жизни, а его княгиня Евпраксия, узнав о гибели мужа, бросилась вместе с маленьким сыном Иваном из своего высокого терема на землю. Этот рассказ имеет устнопоэтическое происхождение (в летописях ни князь Федор Юрьевич, ни его жена не упоминаются) и перекликается с **былиной о Даниле Ловчанине**. В былине речь идет о том, как князь Владимир Киевский погубил Данилу, позарившись на красоту его жены, но та, оставаясь верной мужу, покончила самоубийством. Кроме того, повествование о кровопролитном сражении, которое предваряла ссора из-за знатной красавицы, неожиданно напоминает древнегреческий эпос, согласно которому причиной Троянской войны стала Елена Прекрасная. «Повесть о разорении Рязани» утверждает, что Евпраксия отличалась не только красотой, но и необычным для русской княгини происхождением. Утверждается, что она была «от царьска рода». В повести о перенесении образа Николы она названа «царевной». Д.С. Лихачев, комментируя текст «Повести о разорении Рязани», отмечает, что «до середины XIII века на Руси царями назывались только византийские императоры»¹⁸. И хотя не сохранилось никаких летописных свидетельств, возможно, автор повести, стремясь подчеркнуть авторитет рязанских князей, хотел поведать о престижном династическом браке, заключенном между Федором Юрьевичем и женщиной, связанной родственными узами с византийской правящей династией.

Поэтикой фольклора пронизаны и плач князя Ингваря Ингоревича, и проходящий через всю повесть лейтмотив «единой смертной ча-

¹⁷ Воинские повести Древней Руси / под. ред. В.А. Андриановой-Перетц. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 9–19.

¹⁸ Там же. С. 326.

ши», которую пришлось испытать всем рязанцам. Фольклорные источники стали основой **рассказа о Евпатии Коловрате**, имя которого также не зафиксировано ни в одной летописной хронике. В повести он изображен согласно традициям богатырского эпоса с помощью различных приемов гиперболизации: Евпатий проезжает насквозь несметные татарские полки и, сменяя затупленные мечи, так «нещадно» сечет врагов, что сам Батый его «возбоялся». Он одерживает победу в поединке с татарским богатырем. Одолеть Евпатия татарам удалось только с помощью камнеметных орудий. Воины же его дружины бьются «един с тысящею, а два с тьмою». Возможно, что реальным прототипом Евпатия стал владимирский воевода Еремей, после падения Рязани вступивший в отчаянную, неравную схватку с татарами и погибший на поле боя. А прозвище Коловрат, по смыслу означающее «солнцеворот», — отголосок воспоминаний о том, что татары осадили Рязань 16 декабря, а взяли 21, в то время, когда русский народ обычно справлял праздник Солнцеворота (10 декабря по старому, 22 декабря по новому стилю). Потому и стал лейтмотивом повести символ «общей чаши», получивший горький смысл: вместо круговых пиршественных «общих» чаш, которые обычно пенились на веселых пирах в это время, по рязанской земле лилась потоками кровь. Приход недобрых гостей превратил светлый праздник в погребальные поминки.

Похвала роду рязанских князей, завершавшая повесть, связана с традициями древнерусских некрологов, писавшихся по принципу: о мертвых или ничего, или хорошо (что нашло отражение уже в «Повести временных лет»). Автор награждает рязанских князей всяческими добродетелями, говоря, что они были и «сердцем легки», и к «боярам ласковы», и «братолюбивы». Но сам предшествующий текст повести противоречит этому: во время посольства рязанцев к Батыю именно боярин Федора Юрьевича (видимо, недовольный княжеской «лаской») в отместку поведал тайком хану о красоте княжеской жены. Что касается до «братолюбия», щедрости на «пированья» и «государские потехи», то русские люди еще не забыли драму, разыгравшуюся в рязанских Исадах незадолго до татарского нашествия. Однако в сознании автора повести мужественная гибель рязанских князей, до конца защищавших родную землю в 1237 году, искупала прошлые грехи их рода.

В «Повести о разорении Рязани» ощущается влияние «**Слова о полку Игореве**». Обращение князя Юрия к соратникам: «Лучше нам смертью живота купити, нежели в поганой воле быти», — напоминает слова князя Игоря: «Лучше убитому быти, нежели полоненому быти». Кроме того Юрий прямо связывает свою родословную с героем «Слова о полку Игореве», говоря, что идет сражаться «за отчину отца нашего великого

князя Игоря Святославича». На самом же деле рязанские князья были потомками Игоря Ольговича, принадлежавшего к иной ветви черниговских князей. Но сходство исторических трагедий (поражение Игоря привело к опустошительному набегу половцев на Русь, а поражение рязанских князей открыло путь на русскую землю татарам) в представлении автора ассоциируется и с прямым родством героев этих произведений.

В произведениях **Куликовского цикла** рассказывается о конфликте князя Дмитрия Донского и князя рязанского Олега Ивановича, который вместе с литовцами намеревался примкнуть к силам Мамаю. С одной стороны, возвышение Москвы и ее стремление объединить русские земли под своей эгидой угрожало независимости Рязанского княжества. Олег же, князь вспыльчивый, надменный, «суровейший», как называли его летописцы, менее всего желал покориться московскому князю. С другой стороны, рязанские земли оказывались первыми на пути татарских воителей, то и дело устраивавших опустошительные походы на Русь. Отбиваться же от несметных татарских полчищ рязанцам было не в состоянии. В различных летописных источниках повествуется, что в 1373 году «приидоша татарове ратью из Орды от Мамаю на Рязань, на великого князя Олга Ивановича Рязанского, и грады его пожгоша и людей многое множество избиша и плениша, и со многим полоном отъидоша во свояси»¹⁹. А в 1337 году «татарове взяша град Переяславль Рязанский, а сам князь Олег из рук убежа изстрелян»²⁰. **«Повесть о битве на реке Воже»** рассказывает, как в 1378 году Мамай послал на Русь своего воеводу Бегича с «многими воями». Князь Московский Дмитрий выступил навстречу и, «переехав за Оку, вниде в землю Рязанскую и сретошася с татары у реки у вожжи»²¹. Битва кончилась полным разгромом и бегством татар. Помощником Дмитрия в этой битве был Даниил Пронский, командовавший одним из флангов русского войска. Узнав о позорном поражении Бегича, Мамай «взъярился злобою»: «И тоя же осени, собрав останочную силу свою и совокупи воя многы, поиде ратью вборзе, без вести, изгоном на Рязанскую землю. А князь великий Олег не приготовился бе и не стал противу их на бой, но выбежал из своея земли, а град свой поверже и пребыша за Оку реку. Татарове же пришедше и град Переяславль и прочии грады взяша и огнем позгоша,

¹⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 11. С. 19.

²⁰ Полное собрание русских летописей. СПб., 1851. Т. 5. С. 237.

²¹ «Повесть о битве на реке Воже», «Сказание о Мамаевом побоище» и «Повесть о нашествии Тохтамыша» цитируются по изданию: Памятники литературы древней Руси. XIV – середина XV века / сост и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачёва. М. : Худож. лит., 1981. С. 92–95, 132–189, 190–207.

и волости и села повоеваша, а людей много посекоша, а иныя в полон поведоша...». Такие жестокие уроки заставляли Олега, смилив гордыню, всячески угождать татарским правителям, чтобы обезопасить свое княжество.

В «Сказании о Мамаевом побоище», одном из самых значительных памятников Куликовского цикла, повествуется, как князь Олег, услышав, что Мамай двинулся на Русь со всеми ордынскими силами, поспешил предложить ему свои услуги. В посланной грамоте он называл себя «данником» Орды и молил: «Меня же, раба твоего Олга Резанского, держава твоя пощадит, царю». И в то же время он надеялся, что Мамай поможет ему вернуть Коломну, издавна бывшую предметом споров между Москвой и Рязанью. Но когда Олег узнал, что Дмитрий сумел собрать ратников со всех концов русской земли, что к нему присоединились соседи Олега – князья Муромский и Мещерский, что сам Сергей Радонежский благословил русских на эту битву, он понял, что просчитался. И не желая брать на себя ответственность за неверное решение, «нача опалятися и яритися» на своих приближенных, обвиняя их в том, что они не сумели вовремя разведать обстановку, тогда и он бы поступил иначе. После победы на Куликовом поле Олег, «слышав яко хочет князь великий послати на него рать, убояся и побеже из своего отчины и с княгинею и с бояры, и резанцы добиша челом великому князю, и князь великий посади на Резани свои наместники». Видимо, отношения с подданными у Олега тоже складывались непросто. Рязанцы устали от гневливого нрава и своевольных авантюр князя, который не защищал их ни от Москвы, ни от татар, а только то и дело «бегал» от тех и других.

В Никоновской летописи сообщается, что Олег после Куликовской битвы скрывался на границе с Литвой, ожидая, чем кончится дело. Так как он был женат на сестре Литовского князя Ягайла, то в случае неблагоприятного для него поворота событий мог рассчитывать на убежище в Литве. Только в 1381 году, заключив невыгодный для себя договор с Москвой, Олег смог вернуться в Рязань. А в 1382 году на Русь двинулся хан Тохтамыш, возглавивший Золотую Орду.

В «Повести о нашествии Тохтамыша» говорится: «А князь Олег Рязанский сrete царя Тахтамыша преже даже не вниде в землю Рязанскую, и бив ему челом, и бысть ему помощник на победу Руси». Он якобы советовал хану, «како бес труда взяти камен град Москву, како победити и издобыти князя Дмитрия. Еще же к тому обведе царя около всей своей отчине, Рязанские земли...». А потом «указа ему вся броды, сущаа на реце на Оце». Олег явно старался уберечь свое княжество от разорения, тем более, что на Дмитрия, не сумевшего в этот раз объединить русские силы для отпора, надеяться не приходилось. Тохтамыш

взял приступом Москву, разграбил ее и сжег. А потом, пройдя опустошительным походом по ближайшим городам и селам, «взя землю Рязанскую, и огнем пожже, и люди посече, а инии разбегошася, и множество безчисленное поведе в Орду полона. Князь же Олег Рязанский то виде и побеже». Дмитрий, ездивший за подмогой то в Переяславль-Залесский, то в Кострому, вернулся в разоренную Москву и всю свою ярость обрушил на Олега: «Князь Дмитрей посла свою рать на князя Олга Рязанского. Олег же во мнозе дружине едва утече, а землю его Рязанскую до останка взяша и пусту створиша – пуще ему бысть и татарские рати». Сообщение о карательном походе московских дружин на Рязань зафиксировано и в летописях. О личности и мотивах поступков князя Олега велось немало споров. Но несомненно: его отношения с Москвой были настолько сложными, что потребовалось вмешательство Сергия Радонежского. В 1385 году Сергей отправился в Рязань. Результатом его переговоров стал брак сына Олега Федора и дочери Дмитрия Софьи, положивший конец вражде двух княжеских родов.

В XVI веке известным писателем-публицистом Ермолаем, постриженным в монахи под именем Еразма, была создана **«Повесть о Петре и Февронии»**. Ермолай приехал в Москву в конце 40-х – начале 50-х годов из Пскова и получил должность протопопа одного из дворцовых соборов (Спаса на Бору). В это время митрополит Макарий предпринял составление огромного 12-томного свода духовной литературы под названием «Великие Четьи Минеи», которые должны были стать годовым кругом чтения для христианина. Основу этого труда составляли жития святых. Ермолай был привлечен к работе по составлению свода и получил заказ написать жития местночтимых рязанско-муромских святых. Имена Петра и Февронии в текстах муромских церковных служб упоминались еще в XV веке, но официально они были канонизированы на церковном соборе 1547 года. Сам Ермолай признавался, что письменных источников, подробно рассказывающих об этих святых, он не нашел и вынужден был пользоваться устными преданиями. В конце повести Ермолай обращался к читателю: «До помяните же и мене прегрешного, списавшего сие, елико слышах, неведыи, аще инии суть написали»²².

В основу повести легли два популярных сюжета, известных не только в русском, но и в мировом фольклоре: волшебная сказка о борьбе со змеем и новеллистическая сказка о мудрой деве. В отрывке же, повествующем о том, как Феврония, плывшая с князем из Мурома, поняла

²² Повесть о Петре и Февронии / подгот. текстов и исслед. А.П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 209–223.

смысл взглядов, которые на нее бросал один из их спутников, и мудрой речью сумела устыдить его, ощущаются и переклички с псковскими легендами о княгине Ольге (нашедшими отражение в другом памятнике XVI века – «Степенной книге»).

В повести воплотились идеи одного из самых значительных публицистических трактатов Ермолая-Еразма «Благохотящим царям правительница и землемерие». Ермолай утверждал, что главным социальным слоем, на котором зиждется благосостояние всего государства, являются «ратаи» (пахари), поэтому он требовал от царя таких реформ, которые удовлетворяли бы потребности не «единых вельмож», но прежде всего крестьянства. Ермолай считал необходимым оградить крестьян от боярских и чиновничьих притеснений, уменьшить и строго регламентировать размеры оброков и пошлин. В «Слове о рассуждении любви и правды» Ермолай утверждал, что нельзя одновременно исполнять законы христианской любви и наживаться за счет чужих трудов. Он писал: «Всяко богатство от властвующих коварств насилием или некими ухищрениями много збираемо, от своего же труда много богатства никому же не мощно собрати»²³. Корнем всех зол в государстве, и социальных, и нравственных, он называл «сребролюбие».

Ермолай выступал с гуманистическим призывом строить взаимоотношения в обществе, опираясь не на ложные социальные ориентиры (богатство, родовитость, сословные привилегии), а на евангельские заповеди любви и милосердия, предлагал ценить человека не по его социальному положению, а по его личным качествам. По этой причине так ярко подана в повести тема неравного брака, в котором крестьянская девушка оказалась достойной супругой и соправительницей князя, порой даже превосходящей его в мудрости.

Крестьянка Феврония входит в повесть с работой в руках (княжеский гонец, прибывший в рязанское село Ласково, застаёт ее за ткацким станком) и уходит, с сожалением, оставляя незаконченную работу (весть о том, что князь Петр умирает, застала ее в тот момент, когда она вышивала покров для церкви). Готовясь добровольно последовать за князем в мир иной, Феврония втыкает в последний стежок иголку, заботливо обвертев вокруг нее нить. Эта поэтическая деталь перерастает в символ: Феврония оставила свою работу в таком виде, словно надеялась, что ее кто-нибудь продолжит и закончит. И автор, рассказывая о своих героях, словно надеялся, что найдутся преемники и тем жизненным принципам, которыми руководствовались святые князь и княгиня. Представление автора о том, что крестьянство – источник всех благ для

²³ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М. : Наука, 1958. С. 131.

жизни человеческого общества, также находит символическое переосмысление в повести. От Февронии словно исходит благодать животворных природных сил: она исцеляет князя от смертельной болезни, по ее благословению срубленные ветки, на которых повар повесил котлы, готовя трапезу, получают вторую жизнь и снова покрываются листвой.

Ермолай-Еразм жил в сложную эпоху становления русского абсолютизма. Служа в кремлевской церкви, он был свидетелем острой политической борьбы, развернувшейся между Иваном Грозным и боярством. «Повесть о Петре и Февронии» отражает его реакцию на эти события. Боярам в повести дается самая негативная оценка: они заботятся не о благе княжества, а о собственном честолюбии, изгоняя Февронию только из-за того, что их жены не хотели быть под началом у простолюдинки. После отъезда Петра и Февронии каждый из бояр сам рвется к власти, и начинается кровавая междоусобица, от которой страдает весь Муром. Автор называет бояр «злочестивыми», «неистовыми», «наполнившимися безстыдией». Он считает «самодержавство» – единую, централизованную власть – залогом порядка и благополучия. Но, видимо, и в правлении Ивана Грозного не все вызывало сочувствие Ермолая. Недаром, приводя в качестве образца для правителя деяния Петра и Февронии, он отмечает, что те, «ко всем любовь равну имуща», жили, «истиною и кротостию, а не яростию правяще».

Таким образом, «Повесть о Петре и Февронии» оказалась весьма далекой от традиционных канонов жития и наполненной злободневным публицистическим смыслом. Видимо, поэтому митрополит Макарий не включил ее в «Великие Четьи Минеи». Забраковано было и другое произведение Ермолая – «**Повесть о рязанском епископе Василии**». В ней рассказывалось, как жители Мурома изгнали епископа Василия, поддавшись дьявольским козням. Дьявол в облике девицы то показывался горожанам в окнах дома Василия, то выходил из его дверей, что вызвало их возмущение непотребной жизнью духовного пастыря. Но авторитет Василия был восстановлен чудесным образом. Изгнанный епископ подошел к Оке, расстелил на воде свою мантию, вступил на нее с образом Богородицы в руках – и мантия быстро понесла его против течения в Рязань, где его с почетом встретил рязанский князь. Повесть вышла краткой, сам Ермолай пояснял: «Хотел бо распространити и не свем (не ведаю), како написати, понеже оттуду уже многа лета преидоша, и аз о том не добре сведе...»²⁴. Не только Ермолай не располагал достаточными сведениями о Василии, но и современные исследователи спорят, о каком епископе идет речь: по летописным источникам известно два епископа, носящих

²⁴ Повесть о Петре и Февронии. С. 327.

это имя: один умер в 1295 году, а второй был поставлен в епископы в 1356 году (современная церковь склоняется к первому варианту). Составленный Ермолаем текст не удовлетворил Макария, хотя впоследствии его содержание в переработанном виде было использовано в «Житии муромского князя Константина». Ермолай даже обращался с личным посланием к царю, жалуясь на недоброжелательство и притеснения царских приближенных, но поддержки он не получил. Вскоре он принял постриг и, видимо, покинул негостеприимную Москву.

Однако «Повесть о Петре и Февронии» произвела на царя большое впечатление. В 1552 году, отправившись в Казанский поход, Иван Грозный остановился в Муроме, чтобы устроить смотр собранным войскам. Посетив собор Рождества Богородицы, где находилась гробница Петра и Февронии, царь Иван долго молился, прося у святых поддержки в столь рискованном и исторически важном начинании. После победы над Казанью Грозный, веря в оказанную ему свыше помощь, не пожалел казны для реставрации муромских церквей и монастырей и прежде всего для строительства нового каменного собора Рождества Богородицы над ракой с мощами Петра и Февронии (взамен старого, обветшавшего). Собор был расписан великолепными фресками, иллюстрирующими житие Петра и Февронии. Иван прислал собору храмовую икону, драгоценный образ, «писанный на золоте»²⁵. Наследник Грозного царь Федор Иоаннович дал вклад в собор – вышитый покров на гробницу Петра и Февронии, изображающий этих святых. По преданию, покров был сделан в мастерской его супруги царицы Ирины, сестры Бориса Годунова, которая сама была искусной вышивальщицей.

В рязанском селе Ласково издавна существовал культ Петра и Февронии, но имел весьма своеобразную направленность. Фольклорные легенды, записанные в разное время в Ласкове, подчеркивают внешнюю непривлекательность Февронии («страшная девка», «девка-вековуха») и странности ее поведения («дурочка»). Жители Ласкова смеялись над ней и князем, который не нашел себе лучшей невесты. Уезжая в Муром, обиженная Феврония закляла село: «Ни прибавки, ни убавки» (или: «Не болить вам и не мнить»). Они поверили в вещий ум Февронии только когда стало сбываться ее пророчество: численность жителей Ласкова с годами оставалась неизменной. Таким образом, эти легенды восходят не к традициям повествования о прекрасной, мудрой святой деве, а к народным рассказам о юродивых и их необычных поступках²⁶. В некоторых вариантах ласковских легенд упоминалась местная достопримечательность –

²⁵ Масленицын С.И. Муром. М. : Искусство, 1971. С. 11.

²⁶ Повесть о Петре и Февронии. С. 35–49.

куст орешника, около которого якобы молилась «дурочка» Феврония и возле которого песок стал целебным. В XIX веке в день памяти Петра и Февронии (25 июня по старому стилю) из Солотчи в Ласково совершался ежегодно крестный ход. Легенды о Февронии в соединении с другими народными сказаниями послужили основой для оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии».

Представление о жизни Рязанской земли XV–XVII веков дает изданная мемуарная литература, авторами которой являлись иностранцы, побывавшие в то время на Руси. Так венецианец А. Контарини, путешествовавший по Московии в конце XV века, писал: «Мы <...> прибыли в город, называемый Рязань; он принадлежит князьку, жена которого приходится сестрой великому князю московскому». Речь здесь идет о князе рязанском Василии Ивановиче, женатом на сестре Ивана III Анне. Престижный династический брак свидетельствовал об авторитетности рязанских князей. Однако жизнь русского средневекового города (довольно богатого по тем временам) венецианцу, привыкшему к роскоши каменных палаццо, представлялась курьезом: «Дома в этом городе все деревянные, так же, как и его кремль. Здесь мы нашли и хлеб, и мясо в изобилии, и даже русский напиток из меда». Позднее Контарини убедился, что экзотический для него «напиток из меда» на Руси заменяет западно-европейское виноделие: «Вина в этих местах не делают. Нет так же никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки»²⁷.

Вслед за Контарини многие западные путешественники отмечали поражающий их контраст. С одной стороны – непритязательность быта русских, которые, даже имея богатство и привилегированное положение, жили в деревянных домах, спали на лавках и лежанках, хлебали свой обед деревянными ложками из деревянных чаш и глиняных горшков, парадную одежду бережно передавали из поколения в поколение. А с другой стороны – иностранцы изумлялись изобилию и немыслимой дешевизне съестных припасов. И Рязань в этом отношении занимала одно из первенствующих мест среди центральных районов Руси. С. Герберштейн, прибывший на Русь при Василии III в составе австрийского посольства, сообщал о Рязани: «Эта область плодороднее всех прочих областей Московии, как говорят, в ней отдельные зерна хлеба производят два, а иногда и больше колосьев, стебли их разрастаются так густо, что ни лошади не могут без труда пройти через них, ни перепелки вылететь оттуда. Там великое изобилие меду, рыб, птиц, зверей и древесные пло-

²⁷ Россия XV–XVII веков глазами иностранцев / сост. Ю.А. Лимонов. Л. : Лениздат, 1986. С. 19, 22.

ды гораздо превосходнее плодов московских; этот народ в высшей степени смелый и воинственный»²⁸. Рязанцам, чьи земли граничили с Диким Полем, в самом деле приходилось все время быть начеку и не забывать воинской науки. Герберштейн отмечал, что предприимчивые русичи знают особые хитрости, с помощью которых в Москве и окрестных землях выращивают огромные и удивительно вкусные дыни.

А. Олеарий, приехавший на Русь в XVII веке, так же свидетельствовал об особенном природном богатстве рязанских земель: «Эта провинция... будучи чрезвычайно плодородна, по хлебопашеству, скотоводству и дичи, превосходит все соседние провинции». К этому времени, вероятно, жители Руси в совершенстве освоили все премудрости садоводства. Олеарий рассказывал о «великолепных» яблоках, грушах, сливах, вишнях, смородине. Из рязанских городов внимание Олеария особенно привлек Касимов, где он видел каменный дворец татарских князей и «магометанский храм». Юный татарский хан Рес-Кичи учтиво обменялся с иноземными путешественниками дарами: они послали ему французской водки и табаку (с которым он, наверно, не знал, что делать); он же в ответ с радушной щедростью передал им со своими посланцами двух овец, бочонок пива, мед, сливки, масло и прочие припасы. Но личная встреча не состоялась. Посланцы просили извинения за то, что хан не может принять путешественников в своем дворце, так как это «вызвало бы неудовольствие воеводы». Демонстрируя полную вассальную преданность новой династии Романовых, осторожный хан не хотел давать даже поводов для подозрений в нелояльности. Зато до Олеария дошли слухи, будто царские придворные намекали хану, «что если бы он принял русскую религию и дал себя окрестить, то великий князь не отказал бы ему в выдаче своей дочери за него. Он однако будто ответил, что теперь он еще слишком молод (ему было всего 12 лет), но когда он придет в лучший возраст и разум, то он готов дать ответ»²⁹. Впоследствии хан действительно крестился, получив имя Василия Арслановича, и был женат на русской. Конечно, царскую дочь за него не выдали. Его супругой стала Марья Никифоровна Плещеева, принадлежащая к русской знати. Не случайно одну из своих дочерей Евдокию они выдали за брата царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной Мартемьяна.

Литературные памятники Древней Руси открывают нам не только особенности исторической жизни людей прошлого и бытовых традиций, но и их своеобразное мировосприятие, когда человек ощущал свое

²⁸ Россия XV – XVII веков глазами иностранцев. С. 91.

²⁹ Там же. С. 416, 418.

неразрывное единство с окружающей его природой, с обычаями, идущими от далеких предков, со своей неповторимой национальной культурой, которую берегли и хранили как великую, наследственную ценность.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. «Повесть о разорении Рязани Батыем» и русские летописи.
2. Образ Олега Рязанского в древнерусской литературе.
3. «Повесть о Петре и Февронии» и рязанские предания.

1.3. ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА ЦАРИЦЫ СУМБЕКИ

В «Казанской истории», литературном памятнике XVI века, повествующем о том, как Иван Грозный покорил Казань, большое внимание уделяется касимовскому хану Шах-Али (Шигалею, как называет его автор), который принимал самое деятельное участие в этих событиях. Касимов, старинный русский город, ранее носил название Городец Мещерский. Но на его историческую судьбу, как и на его новое название, оказали влияние процессы, происходившие в середине XV века в далеком от него Казанском царстве. Развернувшаяся в Казани борьба за ханский престол закончилась драмой: царевич Махмутек убил своего отца и одного из братьев, в котором видел наиболее сильного конкурента. Другие его братья, Касим и Якуб, бежали со своими близкими на Русь, прося московского князя Василия II (Темного) принять их в свое подданство. В 1452 году Василий пожаловал в удел царевичу Касиму Городец Мещерский, ставший с тех пор на двести с лишним лет маленьким татарским ханством, владыки которого служили московским князьям как самые преданные вассалы. В XVI веке причудливая вязь исторических случайностей и закономерностей переплела судьбы касимовского хана Шах-Али и последней казанской царицы Сумбеки.

По мере того, как укреплялось и набирало силы Московское государство, Казань по отношению к Москве вела все более хитрую и сложную политику дипломатического лавирования, то вступая в союз с крымскими ханами и разоряя окраины Руси опустошительными набегами, то демонстрируя готовность принять на свой престол ставленника Москвы. Для Шах-Али Казань стала поистине роковым городом. Юному касимовскому хану было всего 14 лет, когда весной 1519 года великий московский князь Василий III по договору с казанцами послал его править этой мятежной и коварной землей. Через два с лишним го-

да в результате переворота Шах-Али был позорно изгнан вместе со своим воеводой. Но и это было счастьем, так как некоторые казанцы настаивали на его смерти. С трудом добравшегося до Москвы, натерпевшегося страха и лишений юношу Василий III обласкал и окружил подчеркнутым вниманием и почетом. С. Герберштейн, посланник австрийского императора, приехавший в Москву в 1526 году, сразу заметил то особое положение, которое занимал в придворной иерархии Шах-Али. Послы участвовали в великокняжеской охоте, и Герберштейн сообщал, что рядом с Василием III «с правого боку его ехал изгнанный казанский царь, татарин, по имени Шиг-Алей». Василий первым начал охотничью потеху, дав знак спустить за зайцем свою любимую собаку. Его же придворным пришлось сдерживать свои страсти. Герберштейн повествует: «Вначале никому не дозволялось спустить охотничью собаку, кроме царя, Шиг-Алея и нас». Охота закончилась пиром в раскинутых шатрах. Послов пригласили в шатер великого князя. «При нашем появлении он сидел на седалище из слоновой кости, – рассказывает Герберштейн, – с правой стороны его был царь Шиг-Алей, а мы сели напротив...»³⁰.

Однако вскоре Шах-Али сполна изведаль гнев московского владыки. Василий III, раздосадованный тем, что возмужавший касимовский хан стал проявлять излишнюю самостоятельность в политических делах, в 1533 году сослал его в заточение на Белоозеро. Возможно, там, на чужой северной земле, и пришлось бы узнику кончить свои дни, если бы после смерти Василия III он не понадобился московским властям для очередного дипломатического хода. Мать Ивана IV Елена Глинская, ставшая регентшей при малолетнем сыне, посоветовавшись с приближенными боярами, в 1535 году решила вернуть Шах-Али из ссылки. Московский двор встретил касимовского хана неожиданными почестями. Едва недавний опальник выбрался из саней у дворцового крыльца, как к нему с радушными приветствиями поспешили первые люди государства: боярин князь Василий Васильевич Шуйский и боярин князь Иван Федорович Телепнев, всесильный фаворит царицы. Хана провели в царские покои. На торжественной аудиенции пятилетний царь Иван, важно исполнявший свои державные обязанности, милостиво посадил Шах-Али рядом, «с правой руки», и пожаловал его дорогой шубой. Когда Елена Глинская принимала у себя жену Шах-Али Фатьму-Султан, разделившую с мужем заточение, Иван также пришел ее поприветствовать и, чтобы подчеркнуть уважение к гостье, даже выучил несколько

³⁰ Россия XVI–XVII веков глазами иностранцев / сост. Ю.А. Лимонов. Л. : Лениздат, 1986. С. 144–145.

татарских слов³¹. Десять лет царский двор, оказывая всяческие милости касимовскому хану, приберегал эту «шахматную фигуру» для решающей игры.

В 1546 году в Казани взяла верх политическая группировка, которая ориентировалась на союз с Москвой. Казанцы, изгнав своего правителя, крымского хана Сафа-Гирея, обратились к Ивану IV, выражая согласие принять на свой престол его ставленника. Тогда-то и настала очередь Шах-Али. «Казанская история» утверждала, что царь «принудил его идти на царство» и Шах-Али отправился в Казань «великою печалью одержим»³². «Казанская история» рисует касимовского хана как верного царского помощника, который всегда готов послужить Руси и исполнить любое царское повеление, даже если бы за это и пришлось заплатить собственной жизнью. Тревожные предчувствия не обманули хана. Приехав в Казань в качестве правителя, он с первых же дней оказался почетным пленником, и только бегство спасло его от гибели. А на его место вновь вернулся Сафа-Гирей.

В третий раз казанцы, напуганные военными приготовлениями в выросшем недалеко от Казани Свияжске, в 1551 году предложили компромисс: они вновь приглашали на правление Шах-Али с условием, чтобы он взял в жены Сумбеку, правившую в Казани после смерти мужа, хана Сафа-Гирея. Шах-Али согласился (или ему приказано было это сделать, недаром в «Казанской истории» говорится, что он не сразу дал ответ, а должен был «посоветоваться»). Версия о возможном политическом компромиссе с помощью брака Шах-Али и Сумбеки подтверждается историческими документами. Отец Сумбеки, влиятельный ногайский мурза Юсуф, писал в ту пору Ивану Грозному: «А ныне хотим с Шигалеем царем в дружбе и свойстве быти и дочь свою хотим за него дати»³³. Но по легенде, воспроизведенной в «Казанской истории», во время праздников по случаю свадебного сговора царица Сумбека послала своему «суженому» необычные дары: отравленное угощение и пропитанную ядом одежду. Однако знавший толк в азиатских хитростях хан был осторожен. Угощение царицы сначала предложил своей собаке, а роскошную рубаху, собственноручно шитую Сумбекой, велел надеть на приговоренного к смерти раба. И собака, и раб погибли на глазах своего госпо-

³¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 297–306.

³² Памятники литературы древней Руси. Середина XVI века / под ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачёва. М. : Худож. лит., 1986. С. 300–565.

³³ Моисеева Г.Н. Казанская царица Сююн-Бике и Сумбека «Казанской истории» // Тр. отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР. Т.12. М. ; Л., 1956. С. 178.

дина. Тогда помолвка была расторгнута и Москва потребовала немедленной выдачи строптивой царицы в качестве пленницы.

Если в этой легенде кроется хоть малая доля истины, то зачем так стремилась Сумбека погубить Шах-Али? Зачем с бесповоротной решимостью рвала все сети дипломатических хитросплетений, которые с таким трудом создавал ее отец? Зачем пошла наперекор решению казанской знати, которая видела в ее браке с Шах-Али единственную возможность сохранения независимости Казани? Надеялась ли она, что сама сумеет противостоять Москве? Хотела ли сохранить престол за своим малолетним сыном, который потерял бы всякое право на наследование, если бы в Казани утвердился род Шах-Али? Или, быть может, она боялась заслуженной мести касимовского хана? Существует версия, что именно она, прекрасная и коварная дочь ногайского мурзы, стала виновницей гибели Джан-Али, младшего брата Шах-Али.

Через десять лет после первого изгнания Шах-Али из Казани при Василии III казанцы в 1531 году обратились к московскому князю с предложением прислать к ним в качестве правителя Джан-Али (Яналея), юношу тихого и кроткого, как характеризует его «Казанская история». Ему удалось продержаться в Казани почти пять лет. Джан-Али просил у Москвы разрешение посватать дочь Юсуфа Сумбеку. Руси союз с Ногайской ордой был выгоден, и царь дал согласие на этот брак. Но вскоре Сумбека стала в письмах жаловаться отцу и братьям на мужа. Посланный с дипломатическими поручениями в Ногайские улусы Д. Губин тайно предупредил царя Ивана IV: «А к Юсуфу, государь, ис Казани дочь присылала, Яналеева царица. Сказывают, государь, Яналей-царь ее не любит. И Юсуф, государь, сказывают, послал к казанским князем, чтобы Яналея-царя с Казани сослали, а дочь его ему отдали»³⁴. Однако Москва не успела принять ответных мер. Ночью во дворце казанских царей придворные убили спящего Джан-Али. Убийство, скорее всего, санкционировалось самим Юсуфом и, вероятно, не только потому, что невнимание Джан-Али к Сумбеке он счел оскорблением фамильной чести. Исследовательница Г.Н. Моисеева полагает, что между Юсуфом и крымским ханом Сафа-Гиреем, стремившимся утвердиться в Казани, мог существовать тайный сговор. Юсуф помог Сафа-Гирею расчистить дорогу к казанскому престолу, впоследствии всячески поддерживал его в распрях с казанцами и при необходимости даже давал свое войско, а Сафа-Гирей в свою очередь обязался завещать казанский престол сыну, родившемуся от его брака с Сумбекой. Для Москвы же делали вид, будто все произошло случайно и Сафа-Гирей, захватив в плен Сумбеку,

³⁴ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях. С. 326.

не успевшую уехать к отцу после гибели Джан-Али, насильно сделал ее своей наложницей. Брат Сумбеки с притворным огорчением сообщал Ивану о бесчинствах Сафа-Гирея, сваливая на него заодно и смерть Джан-Али: «Да еще брата нашего Яналея-царя убил, да сестру нашу в полон за себя взял...». В Москве и впрямь поверили этому, и Иван соболезновал Юсуфу: «Сафакирей, крымский царевич, пришед крымских людей изменою, Яналея-царя убил, а дочь твою взял и многую ей сорому учинил, как писати непригоже...»³⁵. Однако Сафа-Гирей, имевший уже несколько жен, отдавал Сумбеке явное предпочтение, всячески подчеркивал ее особые привилегии (вовсе не как военной добычи, а как царицы). Брак с Сафа-Гиреем сулил Сумбеке блестящую будущность. Вот-вот должен был родиться долгожданный сын, которого Сафа-Гирей обязался объявить единственным своим преемником (Сумбека была уверена, что родит непременно мальчика). Но все погубила непредвиденная случайность. Сафа-Гирей, отважный и удачливый воин, властный и предприимчивый правитель, пал жертвой не дворцового заговора, не военного конфликта, а собственной неумеренности. Однажды, умытаясь после слишком обильной попойки, он поскользнулся на мокром полу и сильно ударился головой об «умывальный теремец». В тот же день он скончался, завещав царство Сумбеке. Она уверенно приняла бразды правления и, когда у нее родился сын Утемеш-Кирей, объявила его казанским царем. Ее поддержал глава крымских воинов, служивших Сафа-Гирею, улан Коцак. Судя по тому, что «Казанская история» приписывала Сумбеке страсть к Коцаку, «величавому и свирепому», ей, видимо, нравились личности сильные и воинственные. Возможно, именно этим привлек ее и Сафа-Гирей, представлявший полную противоположность ее первому мужу, кроткому и скромному Джан-Али. Уж не оговорила ли его Сумбека намеренно, чтобы любой ценой добиться развода? И не от нее ли исходила инициатива союза ногайцев с Сафа-Гиреем? Ведь все началось с ее писем, в которых она стремилась восстановить отца против Джан-Али. Альтернативой же, в силу сложившейся тогда исторической обстановки, мог стать только Сафа-Гирей.

В политических делах Сумбека проявляла необычную для женщин того времени решительность и самостоятельность. Став после смерти Сафа-Гирея полновластной правительницей Казани, она надеялась противостоять Москве, укрепляя город и собирая войско. Предложенный отцом брак с Шах-Али был для нее нежелателен не только потому, что отстранял ее и ее сына от власти, и не только потому, что Шах-Али вряд ли простил бы ей смерть брата. Помимо всего прочего, новый претендент

³⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях. С. 401.

на руку Сумбеки был крайне непривлекательным: коротконогий, с «толстым чревом», с отвислыми ушами и редкой бородкой. По свидетельству летописца, он наделен был исключительным умом, но воином был плохим: из-за своей полноты «не могий скоро на конях ездити, разумичен же царь преизлишне, но не храбр сый на ратях...»³⁶. В самом ли деле царица противилась этому браку вплоть до покушения на постылого жениха, или Иван спешил удалить с политической арены опасную фигуру, но по требованию Москвы казанцы вынуждены были выдать свою царицу русским воеводам. «Казанская история» повествует: «И хотела царица убить себя, но не смогла, ибо крепко берег ее блюстителъ». Сумбеку отправили в Москву с почетом: «И повели ее в приготовленный для нее царский струг... Посередине струга было сделано помещение для царицы – стеклянный теремок, светлый, как фонарь, покрытый золочеными досками, в котором, как свеча, сидела царица, видя во все стороны. С нею отправил воевода тридцать благородных и красивых женщин на утеху царице». Горько рыдала Сумбека, прощаясь со своим царством: «И положили ее в теремке на царскую ее постель, словно больную или пьяную, упившуюся, как вином, беспробудною печалью». И не могли ее утешить воеводы, хотя наперебой обещали ей и почет при московском дворе, и богатство, и достойного ее жениха...

А через год, когда Иван Грозный с победой возвратился из казанского похода, Сумбека неожиданно стала женой Шах-Али. Мотивы этого брака в документах той поры излагаются весьма противоречиво и туманно. «Казанская история» повествует, что это был ее добровольный выбор, объясняемый знатностью касимовского хана и особым покровительством, которое ему оказывал царь. В переписке Ивана Грозного то выдвигается подобная версия, то утверждается, что инициатива исходила от Шах-Али. Скорее же всего, Грозный, не желая лишаться такого ценного «трофея» и отпускать Сумбеку к отцу, а может, и раздраженный гордой непреклонностью царицы, упорно отказывающейся принять православие, с мстительным расчетом устроил этот брак, выдав Сумбеку за столь ненавистного ей человека, который, в свою очередь, тоже затаил против нее недобрые чувства. В одном из ранних писем к Юсуфу, настойчиво просившему отпустить к нему дочь с внуком, Иван общал: «А Сафагиреев царев сын Утемеш-Кирей-царь за отца своего грубость ныне у нас на Москве. А мати ево Сююнбек-царица к нам же приехала, а Шигалей-царь у себя ее держать не захотел. И мы тебя для дочь твою Сююнбек-царицу пожаловали великим своим жалованием, платьем и ествою издоволили <...> И впредь хотим ее за Шигалеем-

³⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 82.

царем учинити»³⁷. И это – несмотря на то, что Шах-Али, видимо, сразу от нее отказался, «у себя ее держати не захотел».

Современники знали, как горька была для Сумбеки «честь» стать навязанной касимовскому хану супругой. «Казанская история» рассказывает: «И взял царь Шигалей в жены казанскую царицу, но не любил он ее, несмотря на ее красоту <...> и жила она у него, запертая, в отдаленной и несветлой комнате, словно в темнице, и не сходилась он с нею спать...». Если хан не уморил в сердцах ее голодом, то только «слова ради к нему о ней самодержца». До Юсуфа даже дошли слухи о смерти дочери, якобы замученной в доме Шах-Али, и он с тревогой писал об этом Ивану, угрожая разрывом дипломатических отношений. Царь отправил Юсуфу успокоительное письмо и тут же послал Шах-Али предупреждение, что к нему в Касимов приедет посланец от Юсуфа, которому необходимо продемонстрировать благополучие Сумбеки: «А будет Сююнбек-царице пригоже от себя к отцу и к матери своей послати грамоты о своем здоровье известити и о их здоровье вопросити, и ты бы ей велел послати грамоты, каковым пригоже быти...»³⁸. Именно – «каковым пригоже быти» и никак иначе. Шах-Али должен был лично проверить содержание письма и копию отправить царю. Юсуф собирался послать в Касимов одного из своих сыновей, чтобы тот наверняка выведал, как живет его сестра. Но эта поездка не состоялась. В 1554 году отец Сумбеки был убит своим братом Исмаилом, рвавшимся к власти, и теперь уже некому было давать отчет о судьбе касимовской затворницы. Разлучили Сумбеку и с ее сыном, которого Иван оставил при своем дворе, окрестил, дав новое имя Александр, и велел обучить русской грамоте. Но царевич, выросший сиротой, умер, едва достигнув семнадцати лет. Успела ли Сумбека оплакать своего сына? И сколько сама она прожила в касимовском доме Шах-Али?

В истории Сумбеки немало тайн, но последняя загадка – где была похоронена скончавшаяся в Касимове легендарная «красно-солнечная» царица, о которой «Казанская история» сообщала: «не было ей равной в Казани по красоте среди жен и девиц»? Кажется, где же еще искать ее могилу, как не в сохранившемся доньине мавзолее Шах-Али (если только она не умерла ранее 1555 года – времени возведения мавзолея). Но нашлось ли в родовой усыпальнице хана место для той, которую он и при жизни отверг и содержал не как жену, а как отданную под надзор пленницу? В.В. Вельяминов-Зернов, в середине прошлого века изучавший состояние мавзолея Шах-Али, сообщал, что, судя по остаткам над-

³⁷ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях. С. 365.

³⁸ Там же. С. 401.

гробий, там было девять захоронений (обломки десятой надгробной плиты, как полагают, попали в мавзолей случайно). Кроме самого Шах-Али и его любимой жены Булак-Шад, по отрывочным, полустершимся надписям удалось установить шесть имен родственников Шах-Али. Девятая же могила – безымянная. Она-то и дает до сих пор повод для новых легенд. Рассказывают, будто бы Шах-Али не велел писать на надгробии имя Сумбеки, чтобы никто не нашел ее следов и чтобы сама память о ней затерялась в веках... Узнаем ли мы когда-нибудь истину? Откроет ли нам история последнюю загадку прекрасной и коварной Сумбеки?

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чем вызвано особенное внимание автора «Казанской истории» к личности касимовского хана Шах-Али? За что его ценили правители Московского государства?

2. Чем, по вашему мнению, объяснялась противоречивость авторского отношения к казанской царице Сумбеке? Что в ее нравственном облике могло привлекать и отталкивать автора? Что заставляло сочувствовать ей?

3. Почему покорение Казани воспринималось современниками как самая значительная политическая акция Ивана Грозного?

4. Сопоставьте два характера женщин-правительниц, запечатленных в литературе XVI века: образ царицы Сумбеки и образ княгини Февронии.

1.4. «ДРУГ МОЙ ИЛАРИОН...» (Люди и судьбы XVII столетия)

Семнадцатый век на Руси недаром называли Смутным временем. Не успели еще забыться дворцовые перевороты, польская интервенция, народные бунты, как при «тишайшем» царе Алексее Михайловиче церковные реформы патриарха Никона вновь раскололи Русь на два враждующих лагеря. Раскол был не просто движением в защиту старой веры, это был и социальный протест низов против гнета и произвола властей, жестко регламентирующих нормы не только общественно-политической, но и духовной жизни. Борьба шла яростная и бескомпромиссная. Распался кружок «ревнителей благочестия», группировавшийся вокруг богомольного царя, и его участники Никон, Аввакум и Иларион, когда-то вместе сокрушавшиеся о погрязшем в грехах и зло-

бе человеческого мире, сами стали заклятыми врагами. Смута была не только в общественной жизни, но и в умах и душах людей. Никон, выдвинутый на патриаршество кружком «ревнителей благочестия», начав реформы церкви, встретился с отчаянным сопротивлением оппозиции, которую возглавили его бывшие соратники, и среди них был протопоп Аввакум, один из самых авторитетных вождей старообрядчества. В царской семье началось «великое нестроение». Старшая сестра царя Ирина Михайловна и царица Марья Ильинична заступались за Аввакума. Сам царь Алексей Михайлович был обуреваем противоречивыми чувствами: официально он санкционировал карательные меры, применяемые к мятежнику, однако тут же старался смягчить для Аввакума наказания и, веря в чудодейственную силу строптивного протопопа, втайне испрашивал у него благословения для себя и своей семьи.

Разошлись пути Аввакума и друга его молодости Илариона. Оба были родом из нижегородских земель и там начинали свой путь. Иларион сначала служил священником в сельце Лысково, но, овдовев, постригся в Макарьевский нижегородский монастырь, где вскоре стал игуменом. Аввакум почитал Илариона за то, что он «добро жил»³⁹, и нередко заезжал к нему. Когда серьезно заболел брат Аввакума Евфимий, Аввакум отправился к Илариону, прося вынуть просвиру за здоровье брата и крепко надеясь, что молитва Илариона поможет его исцелению. Тогда они были единомышленниками и Аввакум впоследствии с умилением вспоминал совместные ночные бдения с Иларионом, когда оба, забыв про сон и докучавшие тучи комаров, соединяли сердца и души в горячих молитвах. Запомнилось Аввакуму, как Иларион однажды чуть не пострадал из-за ревностного стремления служить святым истинам: когда он еще священствовал в Лыскове, в одном из дворов его встретили градом камней. Позднее в «Книге бесед» Аввакум напомнит Илариону о его подвигах в борьбе с «бесовскими кознями»: «А ты, мила голова, нарочит бывал и бесов молитвою прогонял. Помнишь, камением тем в тебя бросали на Лыскове том у мужика тово, как я к тебе приезжал!»⁴⁰ Стал ли Иларион со временем более осмотрительным, проявил ли обычную дисциплинированность, беспрекословно подчиняясь всему, что диктовалось сверху, устранился ли участи Аввакума, сосланного за выступления против Никона в Тобольск, или просто не устоял перед соблазнительной возможностью сделать карьеру – чужая душа потемки. Однако, приняв сторону Никона, он быстро пошел в гору. Никон, тоже

³⁹ «Житие» Аввакума цитируется по варианту: Пустозерская проза / сост. М.Б. Плюхановой. М. : Моск. рабочий, 1989. С. 47.

⁴⁰ «Книга бесед» и письма Аввакума цитируются по изданию: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 94.

нижегородец по происхождению, явно благоволил к своему земляку. Сначала Иларион был переведен из Макарьева в Нижний Новгород, став архимандритом Печерского монастыря, а спустя год получил от Никона грамоту, в которой извещалось: «...обретохом Печерского монастыря, что в Нижнем, преж бывшего архимандрита Иллариона достойна... законного архиепископа градам Резани и Мурому поставити...»⁴¹. В 1657 году Иларион прибыл в Переяславль Рязанский. Последовавшая вскоре размолвка царя с «собинным другом» Никоном не повлияла на судьбу Илариона. Он умел в самых сложных обстоятельствах держаться на гребне политической волны и с такой же легкостью превратился в ревностного противника Никона, с какой прежде порвал с Аввакумом. Зато он добился почета и славы, стал ближним советчиком царя. А в это время друг его Аввакум скитался по сибирской земле, мерз, голодал, хоронил умиравших от тягот ссылки детей, стойчески выносил преследования воевод, не прекращая своих яростных обличений и завоевав в народе иную, горькую славу – пророка и страстотерпца.

В одной из поучительных бесед Аввакум, наслышанный об успехах Илариона, приводил апокрифическое сказание о Мелхиседеке, царском сыне, который, отвергнув мирские блага, вел смиренную жизнь отшельника и аскета. «Друг мой Иларион, архиепископ Резанский. Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился, ездя! Да еще был царские породы. А ты хто? Вспомяни-тко, Яковлевич, попенок!» – обращался Аввакум к бывшему задушевному другу. – «В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи унеятки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать! Недостоин суть век твой весь Макарьевского монастыря единыя нощи. Помнишь, как на комарах тех стояно на молитве?»

После десятилетней ссылки Аввакума вновь вернули в Москву, соблазняя лаской и почестями. «Все глядят, все добры, всякой боярин в гости зовет», – рассказывал Аввакум в «Житии». Сам царь милостиво принял его, оказывая Аввакуму подчеркнутое уважение и даже предлагая стать своим духовником: «В походы ходя мимо двора моего, благословляясь и кланяясь со мною, сам о здоровье меня спрашивал часто. В иную пору, миленькой, и шапку уронил, поклоняясь со мною. И давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними в вере соединился». Но Аввакум оказался неподатливым и, выведя из последнего терпения своих ласкателей, был отправлен в новую ссылку на Мезень.

⁴¹ Пискарев А.И. Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854. С. 81.

Вместе с Аввакумом в Москве появился его новый ученик – юродивый Федор. Выросший в зажиточной семье, Федор добровольно дал обет юродства и «бродил в одной рубашке и босиком на Устюге годов с пять, зело велику нужду терпел от мраза и от побой». Аввакум встретился с ним по дороге из Сибири и, отдавая ему явное предпочтение перед другими юродивыми, с восхищением отзывался о нем в «Житии»: «Зело вера и ревность тепла ко Христу была; не видал иного подвижника и слезоточца такого». Признав Аввакума своим учителем, Федор был предан ему всей душой. В Москве Аввакум именно Федору поручил передать свое послание в собственные царские руки. «Он же дерзко к корете приступил и, кроме царя, письма не дал никому». Затем в кремлевском соборе Федор, «пришел пред царя, стал перед ним юродством шаловать» и так досадил «тишайшему», что был отправлен под начало в Чудов монастырь. Однако царь вскоре «честно Федора приказал отпустить». Видимо, и царю он, как и его учитель, внушал тайное уважение.

В то время, как Аввакум с семьей бедствовал на далекой Мезени, Федор, вероятно, за какое-то отменно дерзкое «шалование» в Москве был выслан на исправление в Рязань. Через полтора года Аввакума опять привезли к Москве и, стараясь уговорить («Долго ли тебе мучить нас? Соединись с нами!»), держали в разных монастырях. В Боровском Пафнутьеве монастыре к Аввакуму тайно проник Федор, только что вырвавшийся с подворья рязанского архиепископа, где «милая голова» Иларион увещевал его свойственными тому времени аргументами. В «Житии» Аввакум передает рассказ Федора: «Был-де я на Резани у архиепископа Лариона, скован сидел, и зело-де жестоко мучили меня. Реткой день плетьми не бивше пройдет...». Изнемогшего от голода и побоев и уже готового сдаться пленника спасло, как он считал, чудо. Однажды ночью он обнаружил, что его оковы легко снимаются и, как нарочно, не заперты дверь тюрьмы и ворота подворья. Видимо, даже среди приближенных рязанского архиепископа нашлись тайные сторонники Аввакума, устроившие побег его ученику. А когда на рассвете на дороге, ведущей к Москве, его настигла посланная Иларионом погоня, то всадники проехали мимо, упорно «не замечая» Федора и в то же время громко разговаривая о его розыске, словно предупреждая незадачливого беглеца, чтобы не брел он среди бела дня по большой дороге. Тем не менее «вразумления», полученные Федором на рязанском архиепископском дворе, произвели на него настолько сильное впечатление, что он просил у Аввакума разрешения не возвращаться больше в Рязань и тайно скрываться в Москве, отказавшись на время от подвига юродства.

Церковный собор 1666/67 годов стал кульминационным пересечением жизненных путей трех бывших соратников: опального патриарха

Никона, опального раскольникового вождя Аввакума и успешно делающего карьеру Илариона, которого Никон так усердно продвигал на беду себе и который на соборе, не жалея красноречия, обличал своего бывшего покровителя. Обряд низложения Никона сопровождался сценами такого драматического накала, что слабонервный царь даже не решился при сем присутствовать. Вологодский архиепископ Симон, преданный Никону и сказавшийся больным, чтобы не видеть его падения, был насильно доставлен на собор и плакал, не таясь. Прочесть приговор Никону было поручено Илариону, что тот и исполнил твердым и звучным голосом, не дрогнув под тяжелым взглядом недавно всесильного владыки. Исполненный горечи и ярости, Никон пытался возражать против предъявленных ему обвинений, «делал личные обращения к Илариону», адресуя ему гневные «укоры»⁴². Но патриарх александрийский Паисий поспешил закончить обряд, сорвав с Никона патриарший клобук.

Однако к дьякону московского Благовещенского собора Федору, обвиненному, как и Аввакум, в еретичестве, Иларион проявил неожиданную снисходительность, согласившись передать его челобитную в царские руки. Впоследствии в письме к царю Федор напоминал: «Да взял у меня, государь, Рязанской архиепископ Иларион челобитну о великом Божии и твоем государеве деле, – хотел донести до тебя, государя: донес ли? – не ведаю»⁴³. Федор напрасно сомневался. Иларион выполнил обещание, хотя это и было довольно рискованно. Но Федора это не спасло от жестокой расправы. Когда решалась участь Аввакума, Иларион пытался повлиять на бывшего друга: «Аввакум милой, не упрямясь...». Но протопоп был непреклонен. За бурным объяснением на соборе последовала новая, последняя ссылка – пятнадцатилетнее заточение в земляной тюрьме Пустозерска вместе с дьяконом Федором и другими соузниками. Лишенный сана Никон был сослан простым монахом в северный Ферапонтов монастырь. Иларион же вскоре будет возведен в сан митрополита Рязанского и Муромского, для чего будет учреждена рязанская митрополия. На торжественной церемонии посвящения Илариона в столь высокий сан присутствовал сам царь, который оказывал Илариону подчеркнутое внимание и «здравствовал ему в митрополитех»⁴⁴. В жалованной Илариону грамоте особо отмечались его заслуги по борьбе с раскольниками. Церковные и светские власти высоко

⁴² Николаевский П.Ф. Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на московском соборе 1666 года. СПб., 1886. С. 47.

⁴³ Материалы по истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. М., 1881. Т. 6. С. 43.

⁴⁴ Материалы для истории рязанской епархии. Прибавление к Рязанским епархиальным ведомостям. 1879. № 16. С. 419.

оценили выступления на соборе Илариона и Павла Крутицкого, споривших с «противомудрствующими» и успешно их «посрамляющих и одолевающих здравым своим разумом и крепким истинным ответом»⁴⁵. Правда, в одном из писаний Аввакума вырисовывается несколько иная картина «крепких ответов» Илариона и Павла: «Помните, чаю не забыли, – как я бранить стал, а вы меня бить стали. Разумныи! Мудрены вы со дьяволом!» Аввакум словно иронизировал над торжественно-официозным стилем грамоты. Впрочем, разрешение политических или богословских споров с помощью «силовых приемов» было вполне в духе того времени.

После приговоров, вынесенных церковным собором, Алексей Михайлович со свойственной ему непоследовательностью тайно посылал и к Аввакуму и к Никону своих приближенных, прося благословения и у еретика-раскольника, и у его грозного оппонента. Аввакум рассказывал, что перед ссылкой ему передали государеву просьбу: «Где ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!». Сердобольный Аввакум, памятуя о своих прежних приятельских отношениях с царем, жалел его, как заблудшую овцу: «Я и ныне, грешной, елико могу, молюся о нем». Никон, к которому перед ссылкой явился царский посланец с теплыми шубами и просьбой благословить царя, гневно отверг дары и в благословении отказал. Впоследствии в ссылке каждый из них в тайне надеялся, что именно ему удастся все-таки овладеть сердцем царевым и повернуть на свой лад течение русской жизни. Но их обоих заменил царю Иларион. Аввакум объяснял это не иначе, как могущественными дьявольскими кознями. «Сдружился ты с бесами теми, мирно живешь, в карете с тобою же ездят и в соборную церковь и в Верх к царю под руки тебя водят», – укорял Аввакум в «Книге бесед» Илариона.

Хотя власти благоволили к Илариону, взаимоотношения нижегородского «варяга» и его рязанской паствы складывались, видимо, непросто. Известна, например, грамота, в которой «смиренный Иларион», митрополит Рязанский и Муромский, требовал у воеводы из Шацка военной силы для приведения к послушанию непокорных подчиненных: «...и будет, которые попы, и дьяконы, и причетники церковные казначею нашему... в чем будут чиниться не послушны, и тебе б, Воину Калининковичу, нашего ради благословения, пожаловать: на тех ослушников казначею нашему... давать своих приставов, сколько человек пригоже»⁴⁶. А тут еще постоянные опустошительные набеги крымских татар, после которых со всех концов шли к Илариону слезные челобитные, взываю-

⁴⁵ Пискарев А.И. Древние грамоты и акты Рязанского края. С. 94.

⁴⁶ Пискарев А.И. Древние грамоты и акты Рязанского края. С. 85.

щие о помощи. Были у Илариона и другие заботы. В наследство от прежнего архиепископа ему достались хлопоты о строительстве в рязанском кремле второго этажа епископских палат, прилегающей к палатам домово́й церкви Иоанна Предтечи, надворных построек. На соборную колокольню был заказан новый колокол в 215 пудов. Иларион с рвением занялся всем этим, словно соперничая со своим сподвижником Павлом Крутицким, который на своем подворье тоже возводил ансамбль сказочно-пышных «храмин». Став, как Павел, митрополитом и стремясь соответствовать своему высокому положению, Иларион прилежно занимался самообразованием, слыл человеком начитанным, даже брал уроки греческого языка. Подавая пример милосердия, по субботам великого поста и на пасху Иларион торжественно шествовал в большую городскую тюрьму для раздачи милостыни.

А в это время Никон, всеми забытый, но не смиривший уязвленной гордыни своей, ставил на далекой северной земле каменные кресты с вызывающими надписями: «Никон, Божию милостию Патриарх, постави сей крест Господень, будучи в заточении за слово божие и за святую церковь на Белоозере в Ферапонтове монастыре в тюрьме»⁴⁷. «Божиею милостию патриарх...» – в этом звучало не только высокомерное неприятие человеческого суда, но и горькое ощущение своего одиночества: те, кого считал друзьями, вместо помощи, первыми забросали камнями. Что же говорить о противниках? Позднее, в 1676 году Аввакум, узнав о смерти Алексея Михайловича и воцарении Федора, в челобитной новому правителю о помиловании, не удержавшись, выскажет свое заветное желание насчет «никониан»: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю... Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы никониан».

Безудержное властолюбие Никона, желавшего даже величаться «великим государем», вызвало ответную, столь же безудержную ненависть к нему и его сторонникам. Именем Бога действовал Никон, преследуя и казня своих оппонентов, именем Бога собирался Аввакум «рассечь начетверо» Никона. Бунташная вольница Степана Разина, наводившая ужас на все Поволжье своими кровавыми погромами, тоже стремилась освятить свои действия именем Бога. С этой целью к Никону, «Божией милостию патриарху», тайно проникли казаки-разинцы, уговаривая его примкнуть к их движению и для начала убить приглядававшегося за ним пристава, разграбить монастырь и с казной бежать с ни-

⁴⁷ Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 1. С. 307–308.

ми на Волгу. Никон отказался⁴⁸. А вскоре правительство беспощадно расправилось с разинцами (также присвоив себе право божественного возмездия).

Тем временем юродивый Федор, оправившись от полученных от Илариона «вразумлений», жил в Москве на подворье боярыни Морозовой. И тут тоже проявил строптивость, «всем домом мутил», как жаловалась в письмах Аввакуму Морозова. Так что Аввакуму в пустозерском заточении пришлось заочно разбираться в конфликтах своих «духовных детей». Одна из причин раздоров заключалась в том, что боярыня, рачительно устраивая родовое гнездо для своего сына, ненаглядного Иванушки, которого собиралась женить, стала, по мнению Федора, скупа на милостыню. В свою очередь Морозова, раздраженная упреками и нравоучениями Федора, жаловалась Аввакуму на его «высокоумье великое». В конце концов, разобиженный Федор ушел из дома Морозовой и отправился на Мезень, где отбывала ссылку семья Аввакума. Аввакум, крепко веря в своего ученика, в письме жене Настасье Марковне просил, чтобы Федор попытался наладить связь с мятежным Соловецким монастырем, вставшим за «старину» и осажденным царскими войсками. Когда-то, стремясь оградить своего любимца от преследований, Аввакум посоветовал ему расстаться с демонстративно-вызывающим рубищем юродивого и надеть мирское платье. Но нрава под платьем не скроешь. Да Федор и не собирался скрывать. В 1670 году он был казнен за еретичество на Мезени. Через год в Москве арестовали боярыню Морозову и ее сестру княгиню Урусову.

Когда И. Суриков писал свою знаменитую картину «Боярыня Морозова», знакомясь с материалами, повествующими о расколе и писаниями Аввакума, возможно, Федор послужил одним из прототипов юродивого, изображенного сидящим на снегу. Для Сурикова важна была не столько хронологическая точность, сколько стремление передать дух эпохи и народных настроений. На его картине в толпе, провожающей скованную боярыню, среди тех, кто явно злорадствует или тайно сочувствует, находится все же один человек, открыто и бесстрашно поднявший ей в ответ руку с двоеперстием. И этот тип непримиримого протестанта очень напоминает Федора. Недаром Аввакум, стремясь поддержать Морозову в тяжелом испытании и посылая тайком ей письма в тюрьму, напоминал о его самоотверженном подвижничестве. Чтобы заставить Морозову и Урусову отказаться от своих убеждений, власти опять прибегли к помощи Павла Крутицкого и Илариона. В одном из древних списков «Повести о боярыне Морозовой» рассказывается: «К Феодоре же часто приежжаше митрополит Иларион Рязанский. Она

⁴⁸ Николаевский П.Ф. Жизнь патриарха Никона в ссылке. С. 77.

же тако мужествене с ним стязовашася, яко и вельми ему посрамлену бывати и безответну множицею отходити»⁴⁹. Упорства сестер не смогли сломить ни убеждения, ни пытки. Нераскаившиеся «духовные дочери» Аввакума были обречены на медленную голодную смерть в земляной тюрьме Боровска.

Когда Иларион в 1671 году ездил увещевать Морозову, его «безответность» (если она в самом деле имела место) объяснялась не только беспомощностью перед стойкой раскольницей, но и крайней внутренней озабоченностью. Оказалось, что крамола зрела прямо под его бдительным оком, в центре Рязани, в то время, как он стремился ее изводить в дальних пределах. Ранее, в 1665 году Иларион послал донесение в Москву, в Тайный приказ, сообщив, что ему ведомо, будто в лесах под Вязниками, недалеко от Владимира, скрываются злостные еретики, учение которых опасно для церкви и государства. Москва отреагировала незамедлительно: «Великий государь указал послать в Переславль-Залеской для поимки разбойников полковника и голову московских стрельцов Аврама Лопухина...». Под его командованием отряд в 200 стрельцов прочесывал мещерские, муромские, костромские, нижегородские леса, громя обнаруженные раскольничьи скиты. С дороги Лопухин слал донесения: «А я, холоп твой, по лесам и по болотам с сотниками и со стрельцами ездил и из деревень мужиков проводников беру, и мужики, государь, ведая те кельи, не скажут про них, и я... бью, а что выбью, то и укажут». О захваченных же в плен раскольниках он сообщал: «Многие, государь, не едят дней по семи и осьми и больше, лежат голодом, безмолствуют за караулом... Пытал и клещами жег, и на пытке... безмолствуют, не говорят ничего, и имян себе не скажут»⁵⁰.

Другие пустынные, не желая сдаваться стрельцам, оказывали отчаянное вооруженное сопротивление, а в безвыходном положении забирались в кельях и сжигали себя. Под Вязниками был схвачен один из раскольничьих наставников старец Вавило, оказавшийся выходцем из Рязанского уезда. На допросах с пристрастием он «стоял упорно», умело отводя вину или подозрения от других и бесстрашно беря все на себя. Дерзко отрицая все светские и духовные авторитеты, Вавило заявлял: «Да и церковь де ныне не в церковь и святители не в святители» – и «на царское величество хулы износил». «А иные непристойные и страшные речи говорил, чево и писать невозможно», – отмечал в расспросном листе оробелый писец⁵¹. Следствие по его делу продолжалось недолго, дерзкая крамола была налицо, и через несколько дней Вавило

⁴⁹ Повесть о боярыне Морозовой / подгот. А. Мазунин. Л., 1979. С. 138.

⁵⁰ Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в 17 веке. М., 1986. С. 146, 148.

⁵¹ Там же. С. 165, 225.

был приговорен к сожжению. Остальных раскольников также ожидал суд скорый и немилостивый.

Вероятно, именно эту карательную экспедицию имел в виду Аввакум, обвиняя Илариона: «Сколько христиан прижег и пригубил злым царю наговором!» И вот теперь, в марте 1671 года в самом Переяславле Рязанском объявилось неслыханное политическое «воровство». На главной площади, к вящему соблазну горожан, висел подметный лист с изображением непристойных «демонских ликов», под которыми были подписи «антихрист», «царь», «патриарх». Из Москвы приехала следственная комиссия со строгим наказом: «доискиваться про то воровство всякими сыски накрепко, велеть и пытать, чтоб единолично доискатца до пряма». С апреля 1671 по январь 1672 года следователи волочили рязанских людишек по допросам, рьяно разыскивая смутьянов, среди которых оказались и подьячие разных приказов, и стрелецкие дети. Для Илариона это было хлопотное время. Но когда выяснилось, что к «воровству» причастен сын попа и подьячий «домовых духовных дел» Илариона, у того и вовсе голова пошла кругом. Подробное изучение этого инцидента позволило исследователям сделать вывод, что в Переяславле Рязанском «действовал молодежный кружок вольнодумцев из подьяческой, служилой среды и белого духовенства. Все его участники были грамотными, и некоторые из них умели рисовать, каллиграфически писать и сочинять стихи»⁵². Неизвестно, поверили судьи оправданиям виновных, что они это сделали «с молодомия и с немисли», или Иларион не желал выносить сор из избы и заступился за молодых вольнодумцев, но приговор был неожиданно мягким. Всех, подвергнув торговой казни (сечению кнутом на площади), распустили по домам, и только главному зачинщику Авдею Епихину отсекали кисть левой руки.

И вдруг словно что-то сломалось в душе Илариона – в Москву полетели гонцы со странными посланиями. Иларион просил сложить с него высокий сан митрополита и отпустить его назад, в Макарьевский монастырь, чтобы там «жизнь скончати в покаянии». Словно и впрямь дошли до его сердца укоризненные слова Аввакума: «Недостойн суть век твой весь Макарьевского монастыря единыя нощи». В пышных и сумрачных покоях недавно отстроенных епископских палат создавал Иларион свое исповедальное «заветное писание», в котором были знаменательные строки: «...все житие мое изжих в суетах и злобах»⁵³. Было ли это поздним горьким прозрением или подобное покаяние диктовалось лишь этикетом смиренного самоуничтожения? Ведь и Аввакум

⁵² Румянцева В.С. Народное антицерковное движение. С. 143.

⁵³ Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской иерархии и всех церковных дел сея епархии. М., 1820. С. 136–150.

в своем «Житии» писал: «Не знаю, как коротать дни. Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю!». Однако Аввакум не свернул с избранного пути и не усомнился в своем праве указывать путь «духовным чадам». Не сомневался в своей правоте и Никон, все еще надеявшийся возвратить хоть малую долю прежнего величия и славы. Иларион же стремится вернуться к своим истокам, в Макарьев, словно торопясь начать все сначала, и «ужасается зело», видя, «яко время ко исправлению сокращается». Всю жизнь энергично боровшийся с расколом, Иларион перед порогом смерти вдруг начал осознавать, что есть нравственные человеческие ценности, которые выше преходящей суетности политической и идеологической борьбы. И может быть, тень мятежного Аввакума, друга-врага, вставала перед глазами Илариона, сожалевшего: «...и от вас, ближних моих, многии зело оскорблях, озлоблях и соблазнях окаянным житием моим, о них же, злых, ныне от глубины сердца моего умиляюсь...».

Доконала ли Илариона отчаянная выходка молодых рязанских оппозиционеров, счел ли он навалившиеся болезни божьим наказанием или просто устал от вражды мира сего, только как ни пытались царь и патриарх его отговаривать, он все же добился разрешения вернуться в Макарьев. В мае 1673 года в сопровождении почетной стражи Иларион поплыл на струге из Москвы прощаться с Рязанью. Оказалось, что это – прощание с жизнью. В то время, как струг подплывал к Переяславлю, Илариону стало плохо, и когда его вынесли на рязанский берег, он не мог уже говорить «и ничем не владел». Торопясь записать свою исповедь, Иларион в смутных предчувствиях боялся именно такого конца: «или внезапно смертный час найдет на мя, или сила отъимется глаголаня...». Илариона похоронили в Архангельском соборе Рязанского кремля со всеми подобающими почестями. Отпевание вел Павел Крутицкий, приехавший в Переяславль Рязанский проститься со своим сподвижником. Чувало ли его сердце, когда в сиянии свечей и клубах ладана возглашал он торжественные и печальные слова панихидной молитвы, что и его собственная жизнь уже на исходе? Вскрытая после смерти Илариона духовная грамота донесла до современников его «самое заветное слово»: «Живите не чреву и мамоне, но Богу... Мир имейте между собою, любовь храните, друг другу пособствуйте...».

Но если бы умели люди «любовь хранить» и «друг другу пособствовать», возвышаясь душой над большими и малыми распрями своего времени, если бы умели вовремя, а не на исходе жизни осудить губительное «братоненавидение», «суеты и злобы», иссушающие сердца и вытесняющие из жизни человеческой добро и красоту!.. Аввакум,

в своей земляной тюрьме переживший Илариона почти на девять лет, сам испивший горькую чашу страданий и находивший нежные, проникновенные слова, чтобы оплакать погибших единомышленников или поддержать далеких «духовных чад», «горемык миленьких», в то же время отчаянно ссорился со своим товарищем по несчастью, дьяконом Федором, сидевшим в соседней земляной яме.

Когда-то Сергей Радонежский, решив возвести Троицкий собор, жемчужиной которого станет впоследствии «Троица» Рублева, дал такое наставление: «...дабы воззрением на святую Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего». Но таковы уж жизненные парадоксы, что именно толкование сущности Троицы для Федора и Аввакума стало причиной ожесточенной вражды. И если бы их догматические споры сводились только к словесным перепалкам! Ночами узники умудрялись вылезать через оконца из своих земляных тюрем, чтобы тайком навещать друг друга. Это в их горькой жизни было единственным утешением. И вот Федор в письме к сыну рассказывал: «Некогда в полночь выходил из ямы вон окном, якоже и он, Аввакум, в тын, и их посещал и прочих братию вне ограды. И то хождение мое нелюбо ему стало: сотнику сказал он. Сотник же, Андрей именем, враг бысть, мздоимец, и на мя гнев имел за некое обличение. И в то время велел меня ухватить стрельцом в тыну, нага суца. И яша мя, и начаша бити зело без милости двумя дубцы великими стоящага и все тело мое избиша нагое до крови <...> И посем связаша руце мои опако, и к стене привязали и знобили на снегу часа с два. А друзи мои зряще мя и смеющесе!» Но самым страшным для Федора было то, что его окно заковали решеткой, лишив его возможности общения с соузниками. «...И нужно ми бысть в то время и горько зело...» – жаловался Федор. Сколько душевных и умственных сил уходило на эти мелкие дразги: то Федор послал челобитную царю с жалобой на Аввакума, то Аввакум в отместку «научил стрельца просечь борозду» к окну Федора, и весенние воды затопили его темницу чуть не по колено... «Что се, Господи, будет? – в горестном недоумении сокрушался Федор. – Тамо в Москве, клятвы (проклятия – И.Г.) вси власти налагают на мя за старую веру и на прочих верных, и zde у нас между собою стали клятвы и свои друзи мене проклинают за несогласие с ними в вере же!»⁵⁴.

А в это время по всей Руси отчаянно боролись за свои убеждения и самоотверженно шли на гибель их единомышленники. В январе 1679 года в верховьях реки Тобола поп Дометиан подвиг на самосожжение 1 700 старообрядцев. В феврале этого же года в рязанском Богослов-

⁵⁴ Пустозерская проза. С. 228, 225.

ском монастыре разыгралась скандальная история: «Ссылочный чернец Михаил Микулин говорил в трапезе при всей братии многие неистовые раскольничьи слова про крестное знамение и сказал: «Есть де за ним слово и дело Божие и государево». Михаила под усиленной стражей доставили в Москву к патриарху. В своих объяснениях на допросах он ссылался на какие-то весьма соблазнительные в политическом отношении «видения» крестьянина Гаврилки Нефедова. Патриарх указал: Михаила держать в рязанском монастыре «под крепким началом и письма его сжечь», «сновидца же Гаврилку вкинуть в особую тюрьму, чтобы никаких бредней не рассказывал и простоумных не прельщал». Михаил, отправленный под усиленным конвоем назад в Рязань, объявил голодовку. Изможденный допросами и тяготами предшествующей ссылки, он продержался недолго: «...как домовые дети боярские везли того чернца с Москвы, он дорогою никакой пищи не принимал, и от того не доехав Переяславля Рязанского за тридцать верст... без покаяния умер»⁵⁵. Вероятно, с искоренением раскольничьих учений связан и обыск, произведенный месяц спустя в рязанской вотчине Василия Колычева по указу нового рязанского митрополита Иосифа.

Род Колычевых был весьма известен, многие его представители занимали высокие административные посты в XVI–XVII веках. Но прославился этот род и своими оппозиционными настроениями: на Руси популярно было имя Филиппа Колычева, осмелившегося противостоять самому Ивану Грозному и поплатившегося за это жизнью. Вероятно, и над Василием висело какое-то серьезное обвинение, если митрополит обратился к таким крутым мерам. Посланные для обыска священник и подъячий духовного приказа отчитывались: «Ездили мы в деревню Лушки в дом к Василью Михайлову сыну Колчеву. А велено нам у него Василья в дому пересмотреть всякие ево письма, и будет в тех ево Васильевых письмах объявятся которые письма непристойные, и те письма велено нам взять в Переяславль Рязанской. И мы у него Василья Колычева в дому всякие письма пересматривали, и нашли мы только у него Василья в письмах тетрадь в десь скорописную: сказание о птицах...»⁵⁶. Оценки этой рукописи в грамоте не дано, но, видимо, не ради птиц было написано это сказание: в таких безобидных с виду рукописях нередко таился крамольный подтекст.

В 1682 году Аввакум и дьякон Федор вместе с другими союзниками Лазарем и Епифанием были сожжены «за великие на царский дом хулы». Через две недели скончался санкционировавший эту расправу царь Фе-

⁵⁵ Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской иерархии. С. 166–167.

⁵⁶ Пискарев А.И. Древние грамоты и акты Рязанского края. С. 31.

дор Алексеевич. Сторонники Аввакума восприняли это как возмездие, как знамение, подтверждающие правоту их пророка. Ведь так в свое время объяснял и сам Аввакум смерть царя Алексея Михайловича, последовавшую через неделю после того, как царские войска разгромили Соловецкий монастырь, вставший за «старую веру». И вновь по всей Руси перекатывались волны распрей и мятежей. Во время стрелецкого бунта в Москве в 1682 году одним из духовных вождей восставших стал ученик Аввакума игумен Сергей, к которому написаны многие письма Аввакума из пустозерского заточения. Сергей преклонялся перед Аввакумом, называя его «огненным умом». Смущенный его восторженной похвалой, Аввакум писал ему: «Ты говоришь, огненный во мне ум. И я сопротивляюсь (прости!): облазился, реку, ты, чернец, и в кале тинне помышляешь сокровенну быти злату и серебру. И ты, игуменушко, не ковыряй впредь таких речей». Но Сергей жадно ловил каждое слово своего духовного учителя, настойчиво прося: «Батюшко, отпиши что-нибудь!». Тайком он пытался переслать Аввакуму то деньги, то подарки, а после казни Аввакума ревностно продолжил его дело. Вместе с Никитой Пустосвятом Сергей возглавил челобитчиков, явившихся в царские палаты с требованием устроить принародное прение о вере. Как у Аввакума, в характере Сергея неукротимая ярость обличителя социальных и нравственных пороков сочеталась с глубокой человечностью. Именно Сергей спас от смерти протопопа Василия, которого патриарх Иоаким опрометчиво выслал на площадь перед Грановитой палатой читать народу свое «слово», направленное против Никиты Пустосвята. Толпу, готовую растерзать Василия, остановил Сергей, резонно заявив, что Василий – лишь исполнитель воли патриарха и не должен расплачиваться за чужие вины. По свидетельству современников, царица Софья оценила гуманность Сергея, хваля его за то, «что не дал попа народу убить»⁵⁷.

Вместе с Пустосвятом Сергей явился в Грановитую палату, где были назначены прения с церковными властями о вере в присутствии Софьи и царевичей Ивана и Петра. Бурная полемика в духе времени закончилась врукопашную. Царствующие особы, оскорбленные сей непристойностью, спешно покинули палату. Но Софья не забыла роковых слов, прозвучавших в толпе неистовых расколоучителей: «Пора де, государыня, давно вам в монастырь, полно де царством тем мутить»⁵⁸. Никита Пустосвят вскоре был схвачен и казнен на Лобном месте Красной площади. Сергей чудом избежал той же участи. Может, ему зачлось спасение протопопа Василия. Современники же утверждали, что его уберег

⁵⁷ Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М. : наука, 1969. С. 223–224.

⁵⁸ Там же. С. 229.

от казни всесильный тогда князь Иван Хованский, втайне симпатизировавший крамольнику и поспешивший поскорее отослать его в Спасский монастырь Ярославля. Но через несколько месяцев и Хованский, обвиненный в государственной измене, сложил голову на плахе. И когда в 1685 году вышел правительственный указ, санкционировавший уже-сточение преследований расколоучителей (как потенциальных вдохновителей народных смут), у Сергия уже не было заступников. Патриарх повелел выслать Сергия к рязанскому митрополиту Павлу со строгим наказом: «Держать его в ближнем монастыре, вскинув в земляную тюрьму, под крепкою стражею, и никому к нему не ходить, и чернил и бумаги не давать...»⁵⁹. Несколько месяцев Сергия «смирjali» в Рязани на митрополличьем дворе, а затем Павел указал заточить его в Солотчинский монастырь. На этом сведения о Сергии обрываются. Скорее всего, ученик протопопа Аввакум кончил свои дни в подземелье Солотчинского монастыря, изнемогая от голода, тюремного сумрака и одиночества.

Но сквозь тьму вражды и озлобления, как отсвет неугасимого душевного тепла, как сокровенный завет современникам и потомкам, несли древние письма такие простые, но так трудно воплотимые в жизнь истины:

«Живите не чреву и мамоне, но Богу... Мир имейте между собою, любовь храните, друг другу пособствуйте...» (Иларион).

«Пещися вам подобает: како сына и дочь во благоразумие привести, како к любви Божии привлещи... на милость и любовь к человеку научить...» (Аввакум).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте в «Житии протопопа Аввакума» рассказ юродивого Федора о его пребывании в Рязани. Почему Илариону так важно было, чтобы Федор отрекся от своих убеждений?

2. Свое избавление Федор воспринимал как чудо, ниспосланное свыше. Было ли, по вашему мнению, это на самом деле «чудом»? Можно ли связать следующие факты: побег Федора и деятельность кружка рязанских вольнодумцев?

3. Что привлекало Илариона и Аввакума друг к другу? И что отталкивало? Как вы думаете, если бы не начались церковные реформы, сумели бы Аввакум и Иларион сохранить свою дружбу до конца дней? Или конфликты между ними были бы неизбежными? (Проанализируйте

⁵⁹ Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской иерархии. С. 136–150.

особенности их характеров, жизненных целей, их отношение к правящей власти и т.д.)

4. Чем, по вашему мнению могло бы быть вызвано добровольное отречение Илариона от сана митрополита и стремление вернуться в Макарьевский монастырь?

1.5. ПУТЬ СТРАДАНИЯ И ЛЮБВИ («Записки» Н.Б. Долгорукой)

С городом Касимовом и его окрестностями связана память о нескольких трагических женских судьбах. В XVI веке – это история окончившей жизнь в Касимове казанской царицы Сумбеки, в XVII веке – безвинное угасание в дальней касимовской вотчине Афимьи Всеволожской, опальной невесты Алексея Михайловича⁶⁰. В XVIII веке более месяца провела в ссылке в касимовских местах Наталья Борисовна Долгорукая. И только голос последней дошел до нас, повествуя о тех испытаниях и переживаниях, которые выпали на ее долю. «Записки» Н.Б. Долгорукой – один из самых ранних образцов русских женских мемуаров.

Наталья Борисовна была дочерью известного фельдмаршала Петровской эпохи Б.П. Шереметева. По семейным преданиям, Шереметев после смерти первой супруги очень горевал и дал обет окончить жизнь в монастыре. Но Петр I такое намерение не одобрил, заставил фельдмаршала чаще бывать на ассамблеях, где собирались веселые женские компании, и при этом шутил, что Шереметев сможет не раз еще жениться. И впрямь – запала тому в сердце миловидная 35-летняя А.П. Нарышкина, вдова дяди Петра I Льва Кирилловича. Несмотря на свой 60-летний возраст, Шереметев сыграл новую свадьбу. От второго брака у него родились сыновья Петр и Сергей и дочери Наталья, Вера, Екатерина. Последней исполнилось 3 месяца, когда Шереметев скончался. Наталье тогда было 5 лет, а в 14 лет она лишилась матери. Впоследствии Наталья считала, что все беды, которые в дальнейшем обрушились на нее, любимицу родителей, были ниспосланы свыше как искупление грехов отца, нарушившего свой обет перед церковью ради мирских радостей.

«Записки» Долгорукой открываются многозначительной фразой: «Не всегда бывают счастливы благороднороджденные»⁶¹. Принадлежа

⁶⁰ См. подробнее: Грачёва И.В. «Русский Вальтер Скотт» // Вс. Соловьёв Касимовская невеста. Рязань, 1992. С. 5–12.

⁶¹ «Записки» Н.Б. Долгорукой цитируются по изданию: Записки и воспоминания русских женщин 18 – первой половины 19 века / сост. Г.Н. Моисеева. М. : Современник, 1990. С. 71.

к знатной фамилии и имея богатое приданое, она уверилась в том, что ее непременно ожидает счастливая будущность. Мать баловала Наталью и не жалела средств на ее образование. «Я очень имела склонность к веселью», – признавалась Наталья. Смерть матери была первым горем, оставившим в ее душе глубокий след. Сохраняя годовой траур, Наталья отказалась от всех развлечений, рассталась с веселыми подругами, держала себя строго и чопорно, блюдя честь семьи. «В тогдашнее время не такое было обхождение: в свете очень примечали поступки знатных молодых девушек; тогда не можно было мыкаться, как в нынешний век», – писала Наталья. И признавалась: «Я свою молодость пленила разумом, удерживала на время свои желания в рассуждении том, что еще будет время к моему удовольствию». Казалось, она не ошиблась. Через год к ней посватался один из самых завидных женихов в государстве – фаворит Петра II Иван Алексеевич Долгорукий. Молодой князь – красавец, щеголь, веселого нрава и весьма галантный в обхождении – сразу очаровал Наталью. В конце декабря 1729 года в московском доме Шереметевых на Воздвиженке состоялось их обручение. «Вся императорская фамилия была на нашем сговоре, – вспоминала Наталья, – все чужестранные министры, наши все знатные господа, весь генералитет...». А на улице возле ворот толпились московские зеваки, «столько было народу, что вся улица заперлась» и кареты не могли проехать. Помолвленных засыпали дорогими подарками; только брат невесты подарил Ивану 6 пудов серебра (старинную посуду, кубки, чаши). Перстень Ивана стоил 12 тысяч рублей, перстень Натальи – 6 тысяч.

Любовь Ивана, аккуратно ездившего к невесте в ожидании венчания, казалась такой искренней и нежной. Наталья писала: «Я признаюсь вам в том, что я почитала за великое благополучие, видя его к себе благоклонна... и я ответствовала, любила его очень». Девочка-невеста не знала, что за воротами их дома ее обожаемый жених ведет такую жизнь, что даже друживший с ним испанский посол герцог де Лириа вынужден был признаться: «Поведение князя Долгорукого, фаворита царя, с некоторого времени так дурно, что я опасюсь, что он мало-помалу потеряет благоволение его величества». И это несмотря на то, что сам же посол чуть ранее писал: «Расположение царя к князю Ивану таково, что царь не может быть без него ни минуты; когда на днях его ушибла лошадь и он должен был слечь в постель, его царское величество спал в его комнате». Однако Ивану надоело в холод и ветер гоняться с борзыми по полям, сопровождая Петра, страстно любившего охоту. Красавца-князя, которому исполнился 21 год, увлекли амурные утехы. В этом 14-летний мальчик-царь не мог быть ему достойным компаньоном. И Иван, по рассказу де Лириа, все чаще бесцеремонно бросал своего повелителя,

чтобы «наедине предаваться собственным удовольствиям и наслаждениям»ж.⁶² Князь М.М. Щербатов высказывался более резко и определенно: «Князь Иван Алексеевич Долгорукий был молод, любил распутную жизнь и всеми страстями, к каковым подвержены молодые люди, не имеющие причины обуздывать их, был обладаем. Пьянство, роскошь, любодеяние и насилие» были основой его жизни в то время⁶³. Даже гости, приехавшие к его матери, если той не было дома, становились жертвами неумеренного сластолюбия царского фаворита. Иван, не скрываясь, держал в любовницах жену князя Н.Ю. Трубецкого и с собутыльниками издевался над мужем. Жаловаться на Ивана было некому.

Наталья не догадывалась, что сватовство к ней Ивана было лишь одним из средств к достижению выгод и удовлетворения его честолюбия. Когда Петр II начал проявлять особую благосклонность к П.И. Ягужинскому, Иван намеревался свататься к его дочери. Но по мере того, как усиливалось влияние Долгоруких на малолетнего императора, самомнение Ивана возросло настолько, что он начал открыто ухаживать за цесаревной Елизаветой Петровной, не обращая внимания на ревность Петра II, тоже увлекшегося миловидной и веселой своей теткой. Де Лириа доносил в Испанию: «Отец фаворита думает женить царя на своей дочери, а тщеславие фаворита доходит до того, что он задумывает жениться на принцессе Елизавете»⁶⁴. Посол даже слышал, будто бы Иван сделал ей формальное предложение, но Елизавета уклонилась от прямого ответа, однако все-таки напомнила зарвавшемуся фавориту о той дистанции, которая их разделяет. Обручение императора Петра II с сестрой Ивана Екатериной, на котором настояли Долгорукие, было верхом их триумфа. Но сторонние наблюдатели заметили признаки, свидетельствующие о возможности их скорого падения. Петр был явно недоволен, что его принуждают к раннему браку. Кроме того, Екатерина во время обряда обручения, увидев графа Милезимо, которого любила, не смогла скрыть волнения, что вызвало явное раздражение Петра. Де Лириа писал: «Наблюдая церемонию, я заметил, что его царское величество делал все как-то равнодушно, не смотрел в лицо своей невесте и не показал ни малейшего признака любви к ней». Более того, до посла дошли слухи, «что однажды ночью царь был на свидании с принцессой Елизаветой и оба вместе они долго плакали, после чего монарх будто бы сказал своей тетке, чтобы она потерпела, что дела-де переменятся».⁶⁵ Видимо, чувствуя, к чему клонится дело, Иван Долгорукий

⁶² Де Лириа Письма о России в Испанию // Восемнадцатый век. М., 1869. Кн. 2. С. 100, 61, 147.

⁶³ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. М. : Наука, 1983. С. 39.

⁶⁴ Де Лириа Письма о России в Испанию. С. 114.

⁶⁵ Там же. С. 188, 191.

и поспешил заручиться поддержкой русской знати, породнившись с Шереметевыми.

Свадьбы императора и Долгорукого предполагалось сыграть одновременно. Но Петр II заболел оспой и в ночь с 18 на 19 января 1730 года, накануне дня свадьбы, скончался. Наталья рассказывала: «Как скоро эта ведомость дошла до ушей моих, что уже тогда со мною было – не помню; а как опомнилась, только и твердила: «Ах, пропала, пропала!». На счет будущности человека, с которым она хотела связать свою судьбу, она не питала никаких иллюзий: «Я довольно знала обыкновение своего государства, что все фавориты после своих государей пропадают: чего было и мне ожидать?». Родные Натальи, спеша отречься от компрометирующего знакомства с Долгорукими, срочно подыскали ей другого жениха. Но юная невеста решительно воспротивилась расторжению помолвки с Иваном: «Я такому бессовестному совету согласиться не могла, а так положила свое намерение, когда сердце одному отдав, жить или умереть вместе...». Наталья к любви относилась очень серьезно, считая, что это редкий дар небес, который посылается один раз на всю жизнь и в котором человеку придется отчитываться перед Богом. Она осуждала легкомысленные побуждения «сегодня любить одного, а завтра – другого», не ведая, что именно так строил свою жизнь ее жених.

Восшествие на престол Анны Иоанновны оправдало самые худшие предположения о будущности Долгоруких. Фаворит Анны Бирон сразу возненавидел их и публично пообещал: «Дома той фамилии не оставлю!». Напуганная родня Натальи отдалилась от юной невесты, с безрассудным самоотвержением идущей навстречу своей гибели. Когда она отправилась в подмосковное имение Долгоруких Горенки, где должно было состояться ее венчание с Иваном, только две старушки, дальние родственницы, решились ее сопровождать. Да и то, привезя ее в дом жениха, поспешили откланяться. Со слезами покинула Наталья родной дом, со слезами вступила в дом мужа, где собралась вся родня Долгоруких: «И пуще мне стало горько: привезли меня, как самую бедненькую сироту...». А на третий день после свадьбы прибыл нарочный из Сената с указом о ссылке Долгоруких в их дальние имения. «Как я выехала из отцовского дому, с тех пор целый век странствовала», – писала Наталья.

По наивности Наталья надеялась, что Долгоруких скоро простят, и в дорогу взяла лишь самое необходимое. Иван же, хотя и был намного ее старше, оказался еще более легкомысленным: он позаботился лишь о том, чтобы забрать с собой пять любимых верховых лошадей. Только в дороге Наталья поняла и то, насколько иллюзорны ее надежды на помощь свекра. Она и не догадывалась, что еще в то время, когда ее жених был фаворитом Петра, начался его бурный конфликт с отцом. Де Лириа

в 1728 году писал, что Алексей Григорьевич Долгорукий «завидует царской милости к сыну и желает его падения <...> Не проходит дня, чтобы он не бранился с сыном...». В 1729 году он записывает, что Алексей Долгорукий пытается сделать фаворитом другого сына, Николая, а Екатерина Долгорукая «ненавидит» Ивана: «Меня уверяли, что она поклялась погубить его»⁶⁶. Общее несчастье не сблизило их. В дороге Алексей Долгорукий и его супруга заботились о всех своих детях (сыновьях Николае, Алексее и Александре, дочерях Екатерине, Елене и Анне), но Ивану категорично заявили, что он должен ехать на своем коште. Во время остановок на ночлег для палатки Ивана отводили самое худшее место. Особенно тяжелым стал путь, когда миновали Коломну и через Егорьевский уезд двинулись к Касимову, в шести верстах от которого в Селищах было поместье Долгоруких. Стоял апрель, густые и заболоченные мещерские леса были переполнены талой водой: «как постель сымут – мокра, иногда и башмаки полны воды». Наталья старалась не жаловаться и во всем угождать капризной родне мужа: «Мне как ни было тяжело, однако принуждена дух мой стеснять и скрывать свою горесть для мужа милого; ему и так тяжело, что сам страдает, при том же и меня видит, что я его ради погибаю». А Иван пришел в такой азарт от обилия мещерской дичи, что забыл разом и свои бедствия, и жену. Страсть к охоте даже на время помирила их с отцом. То и дело Долгорукие останавливались, мужчины, пересев на свежих коней и спустив собак, с гиканьем и свистом скрывались за перелесками. Однажды Иван в пылу погони чуть не утонул, угодив в глубокую речку.

В касимовской глухомани разбойничали лихие люди. Когда Долгорукие остановились на ночлег в одной из деревень, мужики пожаловались, что недавно разбойники сожгли соседнюю деревню, а этой ночью обещали наведаться к ним. Всю ночь Долгорукие не спали: перепуганные женщины молились, мужчины лили пули, заряжали ружья, готовясь к обороне. Но, видимо, появление в деревне хорошо вооруженного обоза остановило разбойников. А на одном из вечерних привалов душу Натальи смутило странное, недоброе знамение: «...Когда мы ужинали, то мы все видели, что два месяца возшло; ординарный большой, а другой подле него поменьше, и мы долго на них смотрели».

Когда добрались до Селищ, выяснилось, что старый помещичий дом не может всех вместить. Наталье с мужем пришлось уйти на деревню и ночевать в сарае у мужика. Так прошел почти месяц. Однажды в июне после обеда в усадебном доме Наталья подошла к окну и замерла в испуге, увидев вдали на пыльной дороге скачущих верховых. К их

⁶⁶ Де Лириа Письма о России в Испанию. С. 80, 193.

крыльцу приближался офицер в сопровождении отряда солдат. Она рассказывала: «...Упала на стул, а как опомнилась, увидела полны хоромы солдат. Я уже ничего не знаю, что они объявили свекру, а только помню, что я ухватилась за своего мужа и не отпускаю от себя; боялась, чтоб меня с ним не разлучили». Капитан-поручик А. Макшеев прибыл с приказанием везти опальников в ссылку в далекий Березов. Неделю они жили в Касимове в ожидании корабля. А потом начался долгий тяжелый путь: Ока встретила их бурей, на одной из северных рек корабль чуть не затонул. Когда же высадились на сушу – то тряские каменистые дороги выматывали последние силы, то холодные дожди поливали с утра до вечера. Остановки же полагались только на ночлег. Наталье, ожидавшей ребенка, было особенно тяжело. Даже Макшеев начал сочувствовать своим поднадзорным и, когда в Тобольске сдавал их другой команде, при прощании с ними даже прослезился. Долгорукие, вдруг осознав, что их испытания по-настоящему только начинаются, тоже разрыдались: «И так мы все плакали, будто со сродником расставались».

В Березове их приказано было держать в остроге под крепким караулом, никого к ним не допуская и не разрешая даже переписки. А кругом – унылая местность, холод, дикари, которые носят олени шкуры, питаются сырой рыбой и ездят на собаках. «Избы кедровые; окончины ледяные вместо стекла; зимы 10 месяцев или 8; морозы неслосные, ничего не родится, ни хлеба, никакого фрукту – ни же капусты». Тут Наталья вконец упала духом: «Тогда я плакала, для чего меня реки не утопили!» Вскоре умерла, простудившись в дороге, свекровь. У Натальи родился первенец Михаил. Ивана же словно подменили: он начал усердно молиться, раздавал милостыню... Не почувствовал ли он, что все, что случилось с ним, – возмездие свыше? Ведь именно здесь, незадолго до их приезда, скончался Меншиков, попавший сюда не без содействия Ивана. Теперь же сам Иван оказался на его месте. Записки Натальи обрываются на рассказе о приезде в Березов. Видимо, о том, что случилось дальше, ей даже через много лет было тяжело писать.

После смерти в 1734 году Алексея Григорьевича Иван стал главой семьи. К нему вернулась прежняя самоуверенность и беспечность. Он сдружился с офицерами местного гарнизона, с удовольствием участвуя в их кутежах и попойках. Долгоруким начали делать послабления: в остроге их навещали знакомые, сами они тоже выезжали в гости. Так, например, они ездили на девичник к посадскому, и Наталья подарила невесте серебряные позолоченные серьги и камку на платье. Иван завел дружбу и с местным воеводой И. Бобровским. Когда у Натальи родился второй сын Борис (вскоре умерший), его крестной матерью стала жена воеводы. В острожном пруде Долгорукие развели гусей, уток и лебедей:

для утешения и для хозяйства. Женщины увлеклись вышиванием (впоследствии у них нашли 21 икону, вышитую шелками на камке и бархате). Жизнь налаживалась. Но в 1738 году в Петербург был прислан донос подьячего О. Тишина о «непристойных словах», которые захмелевший Иван высказал об императрице. По одним преданиям, Тишин мстил за то, что заносчивая Екатерина ответила презрительным отказом на его ухаживания и пожаловалась офицерам, друзьям Ивана, которые жестоко избили Тишина. По другим – сама Екатерина, так и не простившая Ивану прошлых размолвок, подучила младшего брата Александра сказать на него «слово и дело». Началось расследование, которое открыло еще один тайный грех Долгоруких – намерение сделать подложное завещание от имени Петра II с целью возведения на престол его невесты. Завещание было подписано рукой Ивана, который мастерски копировал почерк Петра. Но пустить его в ход побоялись. Александр, увидев, к чему привел его донос, пытался покончить самоубийством, но его спасли.

Августовской ночью 1738 году Ивана с братьями Николаем и Александром увезли в Тобольск на допросы, а затем переправили в Шлиссельбург. В записной книжке Натальи, где сохранились отрывочные заметки, по которым она намеревалась дописать «Записки», говорилось: «Отняли у меня жизнь мою, беспримерного моего милостивого отца и мужа, с кем я хотела свой век окончить, и в тюрьме ему была товарищ; эта черная изба, в которой я с ним жила, казалась мне веселее царских палат; но попусшением Божиим за грехи мои и злодейством сестры его родной и брата его лишилась». Ивана увезли тайно, не позволив даже проститься с женой. До этого его на несколько месяцев отделили, держали в кандалах, прикованным к стене, под строгим караулом. Наталье только изредка, подкупив часового, удавалось передать ему еду. В записной книжке она рассказывала: «Я не знала, что его уже нет; мне сказывают, что его-де увезли. Что я делала? Кричала, билась, волосы на себе драла; кто ни попадет встречу, всем валюсь в ноги, прошу со слезами: помилуйте, когда вы христиане, дайте только взглянуть и проститься. Не было милосердного человека, ни словом меня кто утешил, а только взяли меня и посадили в темнице и часового примкнувши штык поставили»⁶⁷. Родившийся после этого третий сын Дмитрий всю жизнь страдал душевной болезнью. Не знала Наталья и о том, что ее ненаглядный Иванушка был казнен в ноябре 1738 года в Новгороде. Увезенных с ним братьев сослали в каторгу, Алексея отдали в матросы. Затем и сестер заточили по монастырям. В конце 1739 года Наталья послала Анне слезное прошение, умоляя: если муж жив, то позволить быть с ним вместе, если же нет, то постричь ее в монастырь. Только

⁶⁷ Долгорукий И.М. О кн. Н.Б.Долгорукой // Русский архив. 1867. № 1. С. 60–61.

по ответу Анны, дозволившей ей вернуться в Москву, она поняла, что мужа больше не увидит.

В 1740 году, в тот день, когда Наталья с двумя сыновьями прибыла в Москву, ее вновь встретил всеобщий траур: скончалась императрица Анна. Хотя молодой вдове по приезду было всего 26 лет, она на всю жизнь осталась верной памяти мужа и заботилась лишь о том, чтобы устроить жизнь сыновей. Еще 17 с лишним лет прожила она в Москве. Старшего, Михаила, записала в полк и успела дважды женить. Младшему же, Дмитрию, становилось все хуже, и в начале 1758 года она уехала с ним в Киев, ища помощи у святых угодников. В том же году она постриглась в монастырь, 26-летний сын хотел последовать ее примеру. Однако императрица Екатерина II не разрешила, написав Наталье: «...Я позволяю сыну вашему князю Дмитрию жить по желанию его в монастыре; а постричься в рассуждении молодых его лет дозволить нельзя, дабы время как его в раскаяние, так и нас об нем в сожаление не привело. Доброжелательная Екатерина». Дмитрий поселился в Киеве в Никольском монастыре и в 1769 году за два дня до смерти принял тайный постриг. Наталья в записной книжке желчно констатировала: «В нынешнем веку надобно красть царство небесное»⁶⁸. Сама она пережила сына лишь на два года. Их похоронили в Киево-Печерской лавре, недалеко от входа в соборную церковь. По преданию, когда в 1767 году Наталья приняла схиму, она со слезами бросила в Днепр перстень, которым когда-то обручилась с Иваном. Но от воспоминаний о нем отречься так и не смогла. Возможно, со временем она услышала о муже много такого, о чем раньше и не подозревала. Но она ничего не хотела знать и ничему не хотела верить, в ее «Записках» он представлял таким, каким она увидела его глазами 15-летней влюбленной девочки: «Он рожден был в натуре ко всякой добродетели склонной,... никому зла не сделал и никого ничем не обидел, разве что нечаянно». Она ни разу не пожалела, что отдала ему руку и сердце, признаваясь: «Во всех злополучиях я была своему мужу товарищ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всех бедах, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла».

Другое дело, был ли достоин легкомысленный повеса князь Иван такой преданной любви. Но после того как М.И. Невзоров в 1810 году в «Друге юношества» напечатал «Записки» Долгорукой, пленительный образ женщины, такой слабой и неопытной, но умеющей так любить и быть такой терпеливой в испытаниях, волновал русских писателей. В 1815 году С.Н. Глинка опубликовал повесть «Образец любви и верности супружеской, или Бедствия и добродетели Н.Б. Долгорукой, дочери

⁶⁸ Долгорукий И.М. О кн. Н.Б.Долгорукой. С. 4–5.

фельдмаршала Б.П. Шереметева, супруги князя И.А. Долгорукого». В 1823 году могилу Натальи посетил А.С. Пушкин, упомянув о ней в «Полтаве». И.И. Козлов написал о Долгорукой поэму. Ее пример воодушевлял жен декабристов, следовавших в Сибирь за своими мужьями. К.Ф. Рылеев, посвятивший судьбе Долгорукой одну из своих «Дум», предварил ее словами:

«Нежная ее любовь к несчастному своему супругу и непоколебимая твердость в страданиях увековечили ее имя».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы думаете, оправдано ли восхищение русских писателей Натальей Долгорукой и их преклонение перед женщиной, которая свою беззаветную любовь отдала человеку с довольно непривлекательной репутацией?

2. Почему в конце думы Рылеев сравнивает героиню со «свечой»?

3. В поэме Н.А. Некрасова «Русские женщины» есть строка: «Но мир Долгорукой еще не забыл...» Что общего виделось поэту между судьбами его героинь и Натальи Долгорукой?

4. Как вы думаете, почему для своего произведения Рылеев из всей биографии героини выбирает именно сцену перед пострижением?

1.6. РЯЗАНСКИЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ НОВИКОВА (М.И. Невзоров)

В 1779 году известный журналист и общественный деятель Н.И. Новиков поселился в Москве, чтобы осуществить свою заветную мечту: взяв в аренду типографию Московского университета, он начал претворять в жизнь широкую программу просвещения России. Новиков стал выпускать газету «Московские ведомости» и книги самого различного содержания: здесь была русская и западная художественная классика, литература по различным отраслям наук, лечебники, пособия по основам рационального хозяйствования. Стремясь возродить в россиянах чувство патриотизма и уважение к великому прошлому своей земли, Новиков издал серию материалов по отечественной истории под названием «Древняя Российская Вивлиофика». Он же создал первую литературную энциклопедию – «Опыт исторического словаря о российских писателях». Для распространения газеты, книг и журналов Новиков организовал целую сеть книготорговых предприятий не только в Петербурге и в Москве, но и в 16 провинциальных городах. Географический

диапазон был самым широким: Архангельск, Симбирск, Рига, Смоленск, Полтава, Рязань, Ярославль, Казань. Можно сказать, что именно стараниями Новикова русская провинция стала читающей.

Новиков объединил вокруг своего дела даровитых и инициативных помощников, создавших «Дружеское ученое общество», через которое оказывали помощь талантливым, но малоимущим юным провинциалам, предоставляя средства и свои квартиры для их обучения в Московском университете. Вскоре Новиков оказался не только одним из признанных лидеров литературно-общественного движения, оппозиционно настроенного по отношению к правительству Екатерины II, но и центром целого «созвездия» друзей, учеников и последователей, каждый из которых был личностью незаурядной, глубоко оригинальной и искренне стремился все силы отдать на пользу отечеству. Недаром Новикова называли «апостолом добра».

Среди первых студентов-провинциалов в 1779 году в Москву приехал Максим Иванович Невзоров, рекомендованный Рязанской духовной семинарией. Он происходил из среды духовенства, рано лишился отца и всю жизнь с горячей признательностью вспоминал о своей матери, женщине простой, но чуткой сердцем и мудрой. Невзоров признавался, что всему лучшему, что изначально было заложено в его душе, он во многом обязан матери, ее наставлениям и ее глубокой, но требовательной любви. Другим светлым воспоминанием детства навсегда стала для него щедрая рязанская природа и река Ока. Впоследствии он писал: «Будучи воспитан и выращен на ее берегах, при одном ее воспоминании чувствую я странное некоторое удовольствие. Недавно, читая записки Лопухина, был я равнодушен почти везде, но, когда, описывая окрестности Мурома, рассказывает он, что видел на берегах Оки множество растений, называемого Божиим деревцом, то вдруг некоторый огонь радости разлился по всему моему телу, от того только, что я видал то же растение на берегах ее близ города Рязани»⁶⁹. В Москве Невзоров начал прилежно слушать лекции на двух факультетах: в 1783 году окончил с золотой медалью юридический, а в 1788 году, по окончании медицинского в качестве одного из лучших выпускников, по ходатайству Новикова был послан за границу. Вместе с ним отправился Василий Яковлевич Колокольников, учившийся в университете по рекомендации Вятской семинарии. Средства на эту поездку дал член «Дружеского ученого общества» И.В. Лопухин. Студенты присоединились к обозу русских купцов, отправившихся за товарами на ярмарку в Лейпциг. С неутомимой любознательностью они стремились познакомиться с достижениями западной науки: два года

⁶⁹ Безсонов П.А. Максим Иванович Невзоров // Русская беседа. 1856. Т. 3. С. 88.

слушали лекции в Лейденском университете и, успешно выдержав аттестационные испытания, получили звание докторов медицины (в России тогда еще не существовало инстанций, имевших право присваивать это звание). Не удовлетворясь достигнутым, они отправились затем в знаменитый университет в Геттингене. Интересы Невзорова были разносторонними: он слушал курсы естествознания и богословия, великолепно изучил иностранные языки, увлекся литературой. Колокольников вскоре вернулся в Лейден, чтобы продолжить занятия медициной. Однако через четыре месяца получил от знакомого из Геттингена сообщение, что Невзоров «отчаянно болен и ипохондричает в высочайшей степени».

Когда Колокольников примчался спасать друга, то узнал, что тот перенес жестокую нервную горячку, причины которой так и остались неизвестными. Профессора уверяли, что необычайно старательный русский студент просто заучился, соседи по квартире втихомолку сплетничали о романтической истории неразделенной любви. От самого Максима узнать что-либо было вовсе невозможно. Колокольников рассказывал: «Ни со мною, ни с приходящими не говорил он почти ни слова». В конце концов Колокольникову уже не важно было, что именно произошло; он беспокоился, как бы друг, находящийся в состоянии глубокой меланхолии и отказывающийся даже от еды, не погиб: «...Дней через шесть, в которые он ничего не ел и не пил, насилу мог я его склонить, чтобы кусок хлеба съел...»⁷⁰. Позднее биограф Невзорова П.А. Безсонов предположил, что причиной нервного срыва стало «колебание негодующего нравственного чувства», когда слишком впечатлительный студент, успевший в кругу «Дружеского ученого общества» узнать искренность и бескорыстие человеческой доброты, вдруг столкнулся с жестким западным прагматизмом, завуалированным лицемерно-холодной благопристойностью. Сам Невзоров потом расскажет, как потрясла его сцена, когда известный, богатый профессор богословия и древних языков не позволил бедному студенту посещать свои лекции только потому, что тот не мог за них заплатить. «Я уверен, – писал Невзоров, – что хотя бы он был славный знаток языков, толкуя Священное писание, где случится в нем слово «милость», объяснял его на всех языках... но означенный студент всегда будет думать, что г. профессор не знает совсем, что есть в существе и в самом деле милость и любовь к ближнему...»⁷¹.

Колокольников старался расшевелить Максима, пробудить в нем интерес к жизни, вытаскивал его на прогулки. Преодолеть душевный

⁷⁰ Попов А.Н. Новые документы по делу Новикова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 2. С. 138–139.

⁷¹ Безсонов П.А. Максим Иванович Невзоров // Русская беседа. 1856. Т. 3. С. 89–90.

кризис Невзорову помогли не только заботы друга, но, по собственным его признаниям, привитая с детства, глубокая и искренняя религиозность. Вскоре он поправился настолько, что приятели уже подумывали ехать в Париж, чтобы слушать лекции в Сорбонне. Однако развернувшиеся во Франции революционные события, перераставшие в обоюдный кровавый террор враждующих лагерей, остановили их. Да и Лопухин, от которого они получали деньги и перед которым отчитывались о своих делах, предостерегал их от этой рискованной поездки. Тогда новоиспеченные доктора решили возвратиться домой, но едва они пересекли российскую границу в феврале 1792 года, как тут же были схвачены тайной полицией и доставлены в Петербург. Сначала их держали в Александро-Невской лавре, потом перевезли в Петропавловскую крепость. Допросы вел грозный начальник Тайной канцелярии С.И. Шешковский, при упоминании одного имени которого люди падали в обморок. Шешковский усиленно старался добыть компромат на членов «Дружеского ученого общества» и прежде всего – на Новикова. Вопросы составляла сама Екатерина II. Правительство, напуганное революционными событиями во Франции, увидело в новиковских воспитанниках чуть ли не эмиссаров якобинцев (хотя они во Франции и не были). Невзоров позднее вспоминал: «Смешнее же всего и грешнее то, что покойный С.И. Шешковский в Алексеевском равелине при петербургской крепости допрашивал нас и, конечно, по повелению, от чего произошла французская революция...»⁷².

Положение арестантов осложнялось тем, что их подозревали в причастности к образовавшимся в России масонским ложам, которые, по мнению Екатерины, были лишь ширмой для готовящегося антиправительственного заговора (впоследствии сам Лопухин на допросе сознался, что принял Колокольников и Невзорова в масоны накануне их отъезда за границу). Сдержанный и рассудительный Колокольников давал лаконичные и уклончивые показания, умело защищая себя и своих друзей. Зато экспансивный и желчный Невзоров выкидывал такие штуки, что даже выдавшего вида Шешковского доводил чуть ли не до судорог. Отвечать на вопросы он категорически отказался, а при напоминании, что находится в Тайной канцелярии, где и не таким языки развязывали, заявил: «Я не знаю, что такое Тайная, пожалуй, схватят и в лес завезут в какой-нибудь стан... да скажут, что это Тайная – и допрашивать станут». Шешковский снизошел до того, что показал ему допросные листы, написанные рукой Екатерины, но услышал дерзкий ответ: «Я не знаю руки Ее величества, может быть вы заставили написать жену свою да

⁷² Боголюбов В. Н.И. Новиков и его время. М., 1916. С. 442.

кажете мне ее руку вместо государыниной». «Да знаешь ли ты, кто я?» – не выдержал домашний кнутобойца императрицы. «И того не знаю. – Я Шешковский. – Слышал я про Шешковского, а вы ли он – не знаю; да впрочем мне с Шешковским никакого и дела быть не может», – как ни в чем не бывало ответствовал подследственный⁷³. Позднее Невзоров рассказывал, как Шешковский пытался инкриминировать ему обвинение в том, что он привез с собой из-за границы религиозно-философскую книгу, которую петербургский митрополит Гавриил счел богопротивной. «Преосвященный Гавриил, – говорил я, – как угодно, так и судит, а я не почитаю ее таковою». «Но преосвященнейший Гавриил, – возразил мне Степан Иванович, – эти дела лучше тебя знает!». Ответ Невзорова был неожиданным: «Ежели на том свете доведется мне послану быть в Ад, а преосвященнейший Гавриил от этого меня избавит и вместо меня пойдет во Ад сам, тогда может быть соглашусь думать так, как думает его преосвященство. Но ежели во Ад мне должно будет самому идти, а преосвященнейший Гавриил идти за меня туда откажется, то в таком случае, чтоб мне позволено было думать по-своему!». Обескураженный Шешковский не нашелся, что возразить⁷⁴.

В докладе, присланном Екатерине из Тайной канцелярии, о Невзорове сообщалось, что «оный на деланные вопросы по следственному делу о нем и о его товарищах тайному советнику Шешковскому ни о чем ответственность не хотел». Максим заявил, что будет говорить только в присутствии куратора Московского университета И.И. Шувалова. А крайняя мера, к которой обычно прибегал Шешковский, пригрозив, что упрямого арестанта будут сечь кнутом, произвела на сей раз неожиданный эффект: «он с азартом говорил, я-де теперь в ваших руках, делайте, что хотите, выведите меня на эшафот и публично отрубите голову!». Такая горячая готовность немедленно сложить голову на плахе ради Новикова и его дела вконец озадачила Шешковского. Он сдался, вопреки своим правилам пошел даже на уступки подследственному, привез его в дом Шувалова, но состоявшийся там разговор не дал ожидаемых результатов. На Новикова и его друзей компромата добыть не удалось. Зато в беседе с Шуваловым Невзоров заявлял, что монахи Александро-Невской лавры, допустившие, чтобы в святом месте безвинно держали тайных пленников, лицемеры и «иезуиты», что охранявшие арестантов солдаты и офицеры заодно выполняли миссию шпионско-соглядатаев. Невзоров даже высказывал подозрения, что на него пытались воздействовать гипнозом и в еду подмешивали какие-то особые

⁷³ Записки сенатора И.В. Лопухина М. : Наука, 1990. С. 63.

⁷⁴ Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. Петроград, 1916. С. 284.

«составы». Шувалов счел это болезненным бредом. Возможно, отчасти так и было. Однако Колокольников вскоре по неизвестной причине тяжело заболел, был отправлен в больницу и там скончался. Невзорову объявили высочайшую милость: императрица повелела его освободить и подыскать ему должность врача. Вместо благодарности строптивый арестант взбрыкнул в очередной раз: «Я-де, может быть, доктором-то и быть не хочу, а желаю быть подьячим, ведь насильно к должностям не определяют»⁷⁵. Тут уж окончательно решили, что он «в уме помешан», и бедолагу отправили в сумасшедший дом.

В апреле 1792 года был арестован Новиков и без суда заключен личным указом императрицы в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет. Следственной комиссией, упорно искавшей тайную типографию, где могла печататься запрещенная литература, осталось неизвестным, что такая действительно существовала в дальнем сельце Новикова Пехлеце под Рязанью, иначе дело могло обернуться еще хуже. В тюремном каземате Новикова начали одолевать тяжелые болезни. От неминуемой гибели его спасла скоропостижная кончина Екатерины и воцарение в 1796 году Павла I, который в срочном порядке отменял распоряжения нелюбимой и не любившей его матери. Получив свободу, больной, разбитый и вконец разоренный Новиков уже не мог принимать активного участия в общественной жизни и до конца дней уединился в своем имении Авдотьино Бронницкого уезда.

В 1798 году сенатор И.В. Лопухин выхлопотал у Павла разрешение забрать Невзорова из сумасшедшего дома к себе, «с тем, чтобы он за него и за поведение его отвечал»⁷⁶. Тут и выяснилось, что уверенность следователей Екатерины в неменяемости строптивного арестанта не соответствовала действительности. В 1800 году Невзоров помогал Лопухину в проведении senatorской ревизии по нескольким губерниям. В поездке он вел записи, интересуясь самыми различными сторонами провинциальной жизни (экономикой, историей, этнографией, фольклорными традициями и т.д.). На основе этих наблюдений он издал вскоре книгу «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург». В 1801 году он получил должность инспектора при Московском университете и карьера его пошла стремительно: он дослужился до чина коллежского советника. Но более всего, как и Новикова, его привлекали возможности университетской типографии, которую он и возглавил в 1805 году. Невзорова особенно удручало распространение в России легковесной литературы, по его мнению, возбуждающей лишь плотскую похоть, но ничего не

⁷⁵ Попов А.Н. Новые документы по делу Новикова. С. 138–139.

⁷⁶ Там же. С. 141–143.

дающей для души и ума. Считая, что прежде всего необходимо заботиться о полноценном, серьезном воспитании молодого поколения, Невзоров с 1807 года начал издавать журнал «Друг юношества».

На страницах этого журнала Невзоров, как когда-то Новиков, выступал против бездумного подражания иностранцам, ратовал за развитие русской национальной самобытности, призывал служить пользе отечества, осуждал праздность и мотовство дворянской элиты, учил милосердию и любви к ближнему. Читатели присылали ему деньги для организации помощи нуждающимся, вполне полагаясь на его честность и бескорыстие. Ему доверяли и политические тайны. Исследователь Ю.М. Лотман обнаружил среди бумаг Невзорова «Краткое наставление Русским Рыцарям», документ, связанный с проектом создания тайной организации «Орден Русских Рыцарей», предтечи будущих декабристских организаций⁷⁷.

Жил он очень скромно. Вид коллежского советника, состоявшего в дружбе с людьми именитыми и влиятельными, получавшего значительное жалование и вечно ходившего пешком, в поношенной фризовой шинели, обедавшего в дешевых трактирах, любившего поговорить с простонародьем, порой весьма шокировал современников. Зато другие преклонялись перед его подвижничеством. П.А. Безсонов писал, что Невзоров был «весь предан вопросам просвещения, до последнего вздоха»⁷⁸.

Когда в военную грозу 1812 года начались перебои с поступлением средств в казну Московского университета, Невзоров пожертвовал на университетские нужды четыре тысячи рублей, а потом отдал шесть тысяч типографским работникам, не получившим жалованья. Узнав о решении сдать Москву французам, он намеревался остаться, чтобы по возможности спасти от разгрома университетскую типографию. Однако разбушевавшиеся московские пожары заставили его изменить свои планы и позаботиться прежде всего о людях. Невзоров жил по-прежнему в доме Лопухина (который все-таки считал за лучшее заблаговременно уехать подальше). Собрав всех слуг и дворовых, Максим Иванович под покровом вечерней темноты вывел их из Москвы и почти сутки добирался с ними до подмосковного имения Лопухина. Там он продолжал увлеченно работать над подготовкой очередных изданий. Как только французы покинули Москву, Невзоров вернулся в разгромленный город и, вложив свои средства, запустил типографию в такую интенсивную работу, что уже в 1813 году она дала 50 тысяч рублей дохода.

⁷⁷ Азадовский М.К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. Кн. 1. С. 610.

⁷⁸ Безсонов П.А. Максим Иванович Невзоров. С. 88.

Однако начальство ценило не эту самоотверженность, а те качества, которые сам Максим Иванович глубоко презирал: подобострастное низкопоклонство и смиренное умение угождать начальственным вкусам. И в 1816 году Невзорову пришлось подать в отставку. Но он не сдавался, и время от времени общество потрясали, словно разрывы мощных снарядов, его резкие и откровенные письма, бесстрашно направленные в высшие инстанции (их копии тут же расходились по рукам). В 1820 году он обратился к министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну, другу Александра I, возмущаясь тем, что правящие верхи после страшного потрясения, пережитого Россией в 1812 году, заботятся не о помощи бедствующему народу, а о том, чтобы урвать в свои карманы то, что еще можно разграбить в государстве. «После такого изнурения и всеобщего опустошения и разорения можно ли что-нибудь придумать естественнее того, чтобы народу всему, а особливо опустошенным от неприятеля селам, городам и Москве дать отдохнуть в невозвратимых их почти потерях, утешить, стараться доставить им первые потребности жизни», – писал Невзоров. Но неудержимая алчность обогащения русских вельмож была такова, что, по словам Невзорова, даже «французы, сделавшие в Россию нашествие в 1812 году, поступками своими относительно к нашим соотечественникам в сравнении с нами могут названы быть благодетелями». Благотворительная помощь, которую самоотверженно собирали доброхоты, уходила совсем в иные руки: «две трети у бедных отняли, смею сказать, сожрали князья Хованские, госпожи Всеволожские, Салтыковы и другие, подобные им, которым совсем не следовало бы получать из сих пожертвований». И без того разоренный народ задушили «разными налогами страшными». «И для чего же? – возмущался Невзоров. – Для того, чтобы роскошь только усилить... во всех правительственных учреждениях строим, украшаем и распространяем более и более за счет ближних, которым, кроме великого вреда, пользы от того почти нет никакой!». Обыватель расплачивается и за роскошные особняки местного начальства, и за содержание раздутых чиновничьих штатов, и за срочное показное украшательство городов по случаю приезда высочайших особ. Государственные же люди, «пользуясь и жалованием, и обширными казенными квартирами, большею частью ничего не делая, ликуют на счет бедного и изнуренного народа!». А правительство, вместо того, чтобы «облегчить подданных, уменьшивши с них подати и другие тягости, а не умножая их», преследует тех, кто пытается защищать народные интересы. «Не слова и представления истинных сынов отечества, а дела нестерпимые правящих производят мятежи», – заключал Невзоров. И предсказывал: «Всех таких поступков и действий ес-

тественным следствием должен быть всеобщий ропот...» (Это предупреждение прозвучало как раз накануне декабристского восстания)⁷⁹.

Вскоре петербургский митрополит Серафим получил не менее скандальное послание Невзорова, который упрекал церковные власти в том, что они служат не Богу, а либо своим корыстным интересам, либо суетным и неправедным интересам земных властей. Невзоров писал, что в древности паломники, приходившие в монастыри, узнавали о том, какими деяниями прославились их подвижники. Раньше смиренная простота и аскетичность монастырского быта была залогом душевной чистоты монахов. «Что ж делают ныне, когда придут посетители в монастырь? Им показывают богатые огромные здания, множество серебра и золота, парчей, жемчугов и драгоценных камней! А монахи все выглажены, выряжены, с кудрявыми длинными волосами, с искусством по плечам расположенными, сыты, статны, молоды, дородны, одним словом: прелесть на вкус многих. Но если надобно смотреть золото, серебро и драгоценности, то можно для сего идти в серебряный ряд, к богатым мастерам золотых дел, купцам и ювелирам, — и чтоб видеть наряженную, выглаженную и распысканную человеческую фигуру, то можно идти на Кузнецкий мост в Москве и там смотреть разряженных французских мадам и мамзелей, чем в какую-нибудь лавру смотреть разряженных монахов», — иронизировал Невзоров⁸⁰. Эти едкие и отличающиеся тонкой наблюдательностью выступления Невзорова на много лет предвосхитили писания «гениального еретика» Л.Н. Толстого, протестовавшего против бездушно-показной обрядности официальной церкви. С.П. Жихарев с благоговейным изумлением писал знакомому, что неукротимый Максим Иванович направил митрополиту письмо, «наполненное громкими и дерзкими истинами», но ему, «несмотря на невероятную дерзость, ничего не было. Есть истины, которые и обнаружить опасно»⁸¹. Для таких поступков, действительно, нужно было иметь большое мужество. Почти в это же время, в 1824 году, рязанский помещик А.П. Дубовицкий за религиозное вольнодумство был арестован и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Узнав об этом, Невзоров выступил с письмом в его защиту (хотя заранее было ясно, что Дубовицкому это не поможет, а Невзорову грозит серьезными осложнениями).

В своих сочинениях Невзоров оставил немало странных, пророческих предсказаний. Например, наблюдая усиление экономической и военной мощи Германии, он уподоблял ее новому Вавилону, от которого будет исходить опасность для окрестных стран, предвидел ее гордели-

⁷⁹ Гробов А. О настроениях общественных // Голос минувшего. 1913. № 12. С. 271–275.

⁸⁰ Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. С. 284.

⁸¹ Жихарев С.П. Записки современника. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 695.

вое возвышение, а потом бесславное падение, связанное с вмешательством России: «...Можно говорить решительно, что от Севера не только будет избавление многим странам от ига нового Навуходносора, но изыдет яркий луч и прольется свет истинного просвещения на Европу и другие страны мира»⁸².

О личной жизни Невзорова известно немного. Казалось, он пренебрегал возможностями устройства личного счастья: не наживал богатств, не приобретал имений, все, что у него было, раздавал нуждающимся. Известно лишь, что его связывала скромная и чистая дружба с вдовой М.И. Дудышкиной. После московских пожаров 1812 года она была разорена, и Невзоров, как мог, помогал ей, заботливо воспитывал ее сына Никандра, который под влиянием своего наставника увлекся литературой и даже начал писать стихи. В 1827 году Невзоров скончался. Друзья нашли в его квартире всего несколько копеек. Современники, увлеченные новыми кумирами и идеалами, о нем скоро забыли. И только Дудышкина, храня благодарную память о нем, поставила на его могиле скромный памятник.

Невзоров всю жизнь стремился помочь другим, сам же никогда не искал ни протекций, ни высокого покровительства, отклоняя даже заботы влиятельных и богатых друзей и следуя излюбленному принципу: «лучше положиться на собственные свои силы, если же их не достанет, так Бог помощник»⁸³.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как отразились черты русского века Просвещения в судьбе и характере М.И. Невзорова?
2. Почему свой журнал Невзоров решил адресовать прежде всего юношеству?
3. Переключка эпох: оппозиционные взгляды М.И. Невзорова и Л.Н. Толстого.

⁸² Безсонов П.А. Максим Иванович Невзоров. С. 119–120.

⁸³ Жихарев С.П. Записки современника. С. 264.

Глава 2 ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX

2.1. ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПОЭТЕССА (Анна Бунина)

Творчество Анны Петровны Буниной, поэтессы, писательницы и переводчицы начала прошлого века, было широко известно ее современникам. Произведения Буниной печатались в ведущих журналах России, часто издавались отдельно и пользовались популярностью у читателей. В числе первых она была избрана почетным членом авторитетного литературного общества «Беседа любителей русского слова». За заслуги перед отечественной словесностью портрет поэтессы был помещен в зале собраний Российской Академии наук. Поэзия Буниной получила высокую оценку К.Н. Батюшкова, А.А. Бестужева-Марлинского, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, В.К. Кюхельбекера и других видных литераторов того времени. Они признавали Бунину первой значительной русской поэтессой, считали ее талантливой сочинительницей, ищущей свой путь в литературе.

Анна Петровна Бунина родилась 7 января 1774 года в селе Урусове Ряжского уезда Рязанской губернии (ныне Липецкая область). Ее семья принадлежала к древнему дворянскому роду, вписавшему в отечественную историю немало славных имен, среди которых и имена выдающихся русских литераторов В.А. Жуковского и И.А. Бунина. Подтверждение этого факта родства трех замечательных поэтов находим у самого И.А. Бунина, который с гордостью писал: «Я происхожу из старинного дворянского рода, давшего России немало видных деятелей как на поприще государственном, так и в области искусства, где особенно известны два поэта прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский...»¹. И еще одно свидетельство писателя: «О роде Буниных я кое-что знаю. Род этот дал замечательную женщину начала прошлого века, поэтессу А.П. Бунину, и поэта В.А. Жуковского (незаконного сына А.И. Бунина)...»². Остается добавить, что в близких родственных отношениях писательница состояла и со всемирно известным ученым-путешественником П.П. Семёновым-Тян-Шанским, а А.А. Ахматова в своей автобиографической прозе утверждала: «...первая русская поэтесса Анна Бунина была теткой моего деда Эразма Ивановича Стогова»³. Но,

¹ Бунин И.А. Семеновы и Бунины // Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1967. Т. 9.

² Цит. по: Гончаров Ю. Воспоминания Паустовского. Предки Бунина. Воронеж : Центр.-чернозем. книж. изд-во, 1972. С. 81.

³ Ахматова А.А. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 240.

как показывают исследования, Бунина приходилась в действительности более дальней родственницей деду Ахматовой.

Отец будущей писательницы – прапорщик Петр Максимович Бунин – не дослужился до высоких чинов. Он рано отошел от службы и занялся хозяйством, в чем добился немалых успехов. Его имение считалось одним из красивейших и благоустроенных в губернии. И не без основания. Подтверждением этому служит автобиографическое стихотворение Буниной «Хоть бедность не порок...». Стихотворение содержит немало любопытных черт, характеризующих отлаженный быт семейства Буниных. Например, в нем сообщается, что в помещичьих садах, благодаря тщательному уходу, произрастали редкие для средней полосы растения:

Лимоны, персики, тюльпаны и лилеи
В горшочках и в грунту,
С плодом и на цвету,
У батюшки мово считались за крапиву!
Орехи кедровы, миндаль, —
Ну, словом, все свое! Ни даже черносливу
Купить не посылали вдаль
На зимнюю трату!
Все в садике росло, хотя не по климату.

В своем родовом поместье Бунина пробыла очень недолго. Когда девочке исполнилось лишь 14 месяцев, умерла ее мать. По строгим обычаям того времени, дочери вдовцов не могли воспитываться в родительском доме, и поэтому детство и юность поэтессы прошли в деревне ее тетки, а затем у старшей сестры. Здесь Анна Бунина получила свое первоначальное образование. Четыре правила арифметики, основы русской грамматики, вышивание, плетение соломенных обоев – вот и все «науки», которые считались в ту пору необходимыми для женщины. Обучение иностранным языкам, рисованию, музыке, танцам было в основном доступно только в столичных городах, а о том, чтобы попасть в Смольный институт благородных девиц, считавшийся тогда лучшим учебным заведением для девушек, Бунина могла только мечтать.

Девочка быстро и без труда справлялась с несложной учебной работой, родственники не докучали ей излишним вниманием, и большую часть времени она была предоставлена сама себе. «Мне, можно сказать, не дано никакого воспитания, – вспоминала поэтесса о своих ранних годах, – я была отпущена ловить хорошие и дурные примеры без указателя»⁴. Но этот момент биографии писательницы не стоит воспринимать однозначно. Домашнее

⁴ Бунина А.П. Письмо к Д.М. Бунину // Дамский журнал. № 1. 4. XXXIII. 1883. С. 15.

воспитание при всей его ограниченности имело и положительное влияние на формирование поэтического мышления Буниной. Благодаря ему, как утверждает широко известный в свое время литератор и историк Д. Мордовцев в книге «Русские женщины нового времени», Бунина, «без сомнения, и сохранила свою индивидуальность, которая... значительно стиралась при институтском воспитании»⁵. Большинству ее сверстниц, обучавшихся в столицах, не были так близки и понятны ни удивительный мир русской природы, с детства окружавший Бунину, ни фольклорные песни и сказки, которыми так богата Рязанщина. Девочка не знала того характерного для России конца XVIII века дворянского воспитания, которое прививало пренебрежение ко всему национальному. Все это и помогло ей обрести самостоятельность в восприятии действительности, сохранить естественность чувств, понять и на всю жизнь полюбить народную культуру, а без таких качеств Бунина никогда не смогла бы стать яркой и самобытной русской поэтессой.

Литературные склонности будущей писательницы проявились довольно рано. Уже в тринадцатилетнем возрасте Бунина пробует слагать стихи. К сожалению, ее первые поэтические опыты не сохранились. Домашние не отнеслись серьезно к этому увлечению, но стремление Буниной заниматься стихотворчеством не угасло. Она много читала, пыталась заниматься самообразованием. С нетерпением ждала Бунина поездок в Москву, к своему старшему брату Василию Петровичу. Здесь она могла посещать столичный театр, на сцене которого в ту пору шли трагедии Вольтера, Шиллера, Расина, Сумарокова, Княжнина, ей были доступны такие литературные журналы, как «Чтение для вкуса, разума и чувствования» В.С. Подшивалова, «Московский журнал» и «Еженедельник» Н.М. Карамзина. Большое впечатление произвели на Бунину встречи со многими московскими литераторами, которые часто бывали в доме ее брата.

В 1801 году, оставив небольшое наследство, скончался отец Буниной. Девушка обрела самостоятельность, и это позволило ей сделать по тем временам очень смелый шаг: в 1802 году, приехав с мужем своей сестры Семеновым в Петербург, Бунина отказалась возвратиться обратно в деревню. Никакие уговоры родственников не смогли поколебать ее решимости, и для Буниной была снята квартира на Васильевском острове. Теперь она имела возможность осуществить свою мечту – заняться литературной деятельностью. Но для этого девушке было необходимо восполнить пробелы своего образования, и Бунина изучает француз-

⁵ Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. Библиографические очерки из русской истории женщины девятнадцатого века // Собр. соч. СПб., 1902. Т. X. С. 28.

ский, английский, немецкий языки, физику, математику и отечественную словесность, которую ей преподавал П.И. Соколов, ставший впоследствии секретарем Российской Академии. За полтора года пребывания в Петербурге на обучение ушли почти все средства Буниной, порой она жила впроголодь. Но деньги были истрачены не зря: в деле своего образования Бунина добилась немалых успехов. «По чувствам – женщина, по знаниям – мудрец», – так писал М.В. Милонов о поэтессе, «возлюбившей тернистый путь науки».

Бунина настойчиво продолжала заниматься поэзией, и вскоре ее творчество заинтересовало столичных литераторов. Первыми литературными наставниками стихотворицы стали известные в прошлом поэт Б.К. Бланк и писатель П.И. Шаликов, а затем она пользовалась покровительством Г.Р. Державина и А.С. Шишкова, всячески поощрявших поэтические занятия Буниной. Видимо, не без помощи последних в 1806 году увидело свет первое поэтическое сочинение Буниной – стихотворение «С приморского берега», снискавшее популярность у читателей. За этой первой публикацией последовал и ряд других стихотворных произведений поэтессы, представленных в журналах «Любитель словесности», «Московский зритель», «Московский курьер».

В 1808 году Бунина стала единственной женщиной среди сотрудников широко известного в свое время журнала «Драматический вестник», постоянными авторами которого были К.Н. Батюшков, Н.И. Гнедич, И.А. Крылов и другие видные литераторы той эпохи.

Ободренная первыми успехами, Бунина обратилась к теории стихосложения. В 1808 году отдельным изданием вышел ее перевод труда одного из крупнейших теоретиков классицизма аббата Ш. Батте. Его «Правила поэзии» Бунина творчески переработала: сократила те положения, которые, как она считала, были неприемлемы для русского стихосложения, а выводы Батте сопровождала своими комментариями и примерами из творчества отечественных поэтов. Значение этой работы, по мнению Д.Л. Мордовцева, заключалось в том, что Бунина «старалась положить твердые основы... русской литературе как науке, по отношению к современным ее требованиям»⁶.

Бунина вторглась в ту область, где писательницы еще не пробовали свои силы. До нее женщины не занимались такой «мужской наукой», как теория поэзии. Понимая это, Бунина тем не менее в послесловии к «Правилам поэзии» высказалась против снисходительного отношения к своей работе. Она считала неоправданным субъективизм в оценке способностей женщин и стремилась выступать в литературе наравне с мужчинами.

⁶ Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. С. 30.

Мысли Буниной о существовании в начале XIX века преубеждения к произведениям, вышедшим из-под пера писательниц, были вполне обоснованными. Хотя идеология Просвещения и внесла существенные коррективы в общественное сознание, но типичная для XVIII века ограниченность во взгляде на женское творчество тогда еще не была изжита. Даже многие передовые люди того времени по-прежнему скептически смотрели на литературные опыты писательниц. Против подобной заниженной оценки творческих способностей женщин и протестовала Бунина. Она указывала на ошибочность принятого подхода к литературному произведению, когда пол автора задавал уровень требовательности читателей и критики.

Проблеме утверждения творчества женщин в отечественной словесности поэтесса уделяла большое внимание в своей художественной практике. Так, о нелегком звании писательницы в иносказательной форме рассказывает Бунина в стихотворении «Пекинское ристалище». Это произведение наводит читателя на размышления о сложной судьбе женщин-литераторов, которые вынуждены бороться с предрассудками своего времени, мешавшими развиваться их творчеству в полной мере.

В 1809 году вышел в свет первый сборник стихов Буниной с характерным для того времени названием «Неопытная муза». Среди многочисленных положительных отзывов на эту книгу выделяется обширная рецензия, помещенная в «Цветнике», одном из литературных альманахов тех лет (его редактировал А.П. Бенитцкий в содружестве с А.Е. Измайловым). В ней, в частности, утверждалось, что «многие произведения пера ее принесли бы честь лучшим нашим поэтам».

Бунина занималась не только поэзией, но и выступала как прозаик. Два года спустя после сборника «Неопытная муза» были изданы ее повести «Спасение Фив» и «У камина», которые составили книгу «Сельские вечера». Еще дореволюционной критикой было замечено, что по своему художественному методу бунинские повести неравнозначны: если в первой прослеживается явное тяготение к традициям классицизма, то в построении, языке и стиле последней ощущается влияние сентиментализма.

В 1811 году Бунина была избрана почетным членом созданного по инициативе А.С. Шишкова и Г.Р. Державина литературного общества «Беседа любителей русского слова» и принимала активное участие в его работе. Принадлежность Буниной к «Беседе...», основной задачей которой была борьба за сохранение национальных традиций в развитии русского литературного языка, отстаивание гражданского пафоса в поэзии, не могла не отразиться на дальнейшем творчестве Буниной. Появляется ряд произведений, где утверждаются высокие идеалы гражданской поэзии:

Отвсюду бедствием утеснена,
Могу ль слагать хвалы царям?
Идя по терновым стезям,
Я мню, что в тернах вся вселенна:
Народа счастье есть лучший гимн царям.

В стихотворении «Разговор между мною и женщинами» отражены глубокие переживания поэтессы за судьбу русской культуры, национального языка. С осуждением пишет Бунина о тех дворянках, которые считают, что

...русские писанья мудрены,
Да правда, нет на них теперь и моды.

Принадлежность поэтессы к «Беседе...», выступавшей против языковой реформы Н.М. Карамзина, не отразилась на ее теплых дружественных отношениях с поэтом карамзинского направления сентименталистом И.И. Дмитриевым. Да и сам Н.М. Карамзин, высоко оценивая талант поэтессы, по свидетельству современников, утверждал, что «ни одна женщина не писала у нас так сильно, как Бунина»⁷.

«Беседа» сыграла важную роль в формировании литературно-эстетических взглядов Буниной, в совершенствовании ее художественного мастерства, поэтому не кажется случайным тот факт, что одно из наиболее оригинальных и удачных творений поэтессы, поэма «Падение Фаэтона», прозвучала в исполнении И.А. Крылова на одном из заседаний «Беседы». Эта поэма, которую В.Г. Белинский позднее назовет «знаменитейшим произведением», вызвала большой интерес читателей и литературной критики.

Накануне Отечественной войны 1812 года была издана вторая часть стихотворного сборника Буниной «Неопытная муза». Однако критического обсуждения эта книга практически не получила: начавшееся наполеоновское нашествие приковало к себе все внимание литературной общественности. Творческие силы России тогда объединились в одном патриотическом порыве и главной своей задачей считали отражение в литературе борьбы русского народа с захватчиками. События двенадцатого года нашли горячий отклик в творчестве Буниной. В ее рассказе «Спасение несчастного семейства», в стихах о героях Бородинна, в одах «На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся» и «Песнь Александру Великому – победителю Наполеона и восстановителю царств» говорится о беспримерном героизме защитников отечества.

⁷ М. Анна Петровна Бунина // Дамский журнал. № 9. 4. XXXIII. 1831. С. 129.

После окончания войны Бунина продолжала активно печататься в журналах, ее произведения вошли во многие стихотворные сборники.

Наконец к поэтессе пришло признание: Российская Академия поместила ее портрет в зале своих собраний, за поэму «Падение Фаэтона» императрица пожаловала писательнице золотую лиру, усыпанную бриллиантами, Буниной была назначена ежегодная пенсия в две тысячи рублей, что для нее, нуждавшейся в средствах, было очень важным. Но тяжелый недуг (врачи находили рак груди) не позволил поэтессе и далее также плодотворно трудиться на поприще отечественной словесности. В 1815 году она была вынуждена из-за прогрессирующей болезни прервать свою литературную деятельность в России и отправиться на лечение в Англию. Отъезд Буниной широко освещался на страницах периодических изданий тех лет. Творчество Буниной тогда привлекало внимание членов «Арзамаса». Непримиримые противники «Беседы» выделяли писательницу из ряда других сторонников А.С. Шишкова, которые подвергались ими беспощадной критике. На заседании «Арзамаса» в ноябре 1815 года прозвучала высокая оценка поэтического таланта Буниной.

Заграничная поездка писательницы определяет начало последнего периода ее литературной деятельности (1816–1829). Его можно обозначить как время постепенного затухания творческой активности Буниной, что было прежде всего связано с неизлечимой тяжелой болезнью, не позволяющей поэтессе в полной мере отдавать себя литературному делу.

Во время своего двухлетнего лечения в Англии Бунина мало занималась поэзией. Ее впечатления от пребывания за границей нашли отражение в письмах в Россию. Они вызвали у современников живой интерес и часто сравнивались с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина. Судьба этих записок неизвестна.

По возвращении на родину Бунина вернулась на Рязанщину, где поселилась у своего племянника в селе Денисовка Раненбургского уезда. Здесь поэтесса стала работать над переводами и готовить к печати собрание своих стихотворений. Оно было издано в трех частях Российской Академией наук в 1819–1821 годах. Наиболее обстоятельную рецензию на новую книгу Буниной дал В.К. Кюхельбекер. Критик подчеркивал, что Бунина заслуживает внимания не только как «женщина-поэт, явление редкое в нашем отечестве», но и прежде всего как «поэт с дарованием, поэт неподражатель». По словам Кюхельбекера, «подробный разбор лучших ее стихотворений принес бы словесности истинную, существенную пользу»⁸.

⁸ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Взгляд на текущую словесность. Л. : Наука, 1979. С. 444.

Болезнь причиняла Буниной неисчислимые страдания. «Тяжко и бурно было бытие мое! – писала поэтесса в одном из писем, – первые годы были исполнены душевных, последние телесных скорбей и недугов»⁹. Но до конца жизни Бунина продолжает работать. Стоя на коленях (лишь в этой позе писательницу отпускали мучительные боли), она переводит книгу английского проповедника Блэра «Нравственные и философские беседы». Этот перевод с посвящением российскому юношеству был напечатан в 1829 году. К последним произведениям, вышедшим из-под пера Буниной, следует отнести и ее духовное завещание, опубликованное уже после смерти поэтессы.

А.П. Бунина скончалась 4 декабря 1829 года в селе Денисовка и была похоронена в селе Урусово. Постепенно имя поэтессы, широко известное в прошлом, стало забываться читателями. Ее произведения, написанные в духе неоклассицизма с присущей ему недостаточной разработанностью художественной формы, выглядели архаичными на фоне стремительно развивающейся поэзии романтизма и реализма. Но сейчас, прикасаясь к литературному наследию писательницы, необходимо помнить, что ее творчество принадлежит к периоду, предшествующему тем преобразованиям, какие были внесены в отечественную словесность Жуковским и Пушкиным, что, как писал академик К.Я. Грот, «А.П. Бунина в истории нашей словесности первых двух десятилетий XIX века и в культурном и в общественном движении этих лет представляет, несомненно, явление достаточно интересное и значительное, чтобы о нем вспоминать и в наши дни»¹⁰.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Поэма А.П. Буниной «Падение Фазтона». Идеино-художественные особенности.
2. Проанализируйте стихотворение А.П. Буниной «Сумерки» и определите черты, присущие классицизму.
3. Прочитайте статью В.К. Кюхельбекера «Взгляд на текущую словесность» и ответьте на вопрос: почему критик назвал поэтический язык Буниной «слогом новейшей поэзии»?
4. На основе статей В.Г. Белинского «Русская литература в 1841 году» и «Сочинения Зенеиды Р-вой» подготовьте сообщение «В.Г. Белинский об А.П. Буниной».

⁹ Бунина А.П. Письмо к Д.М. Бунину // Дамский журнал. № 1.4. XXXIII. 1831. С. 13.

¹⁰ Грот К.Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина (К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) // С.-Петербург. фил. Арх. РАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 12. Л. 186.

2.2. РЯЗАНСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ КЛАССИКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

В произведениях известных русских писателей начала XIX века рязанские реалии немногочисленны. Существуют предположения, что в 1830 году с рязанским краем познакомился **А.С. Пушкин**, когда ехал из Болдина в Москву, но из-за холерных карантинных на дорогах вынужден был искать окольные пути¹¹. Через Рязань не раз проезжал **М.Ю. Лермонтов**, отправляясь из Москвы, а затем из Петербурга в пензенское имение своей бабушки. Но это никак не отразилось в их творчестве. Хотя даже Тамбов с его провинциальными скандалами оказался увековеченным в лермонтовской поэме «Тамбовская казначейша». В 1837 году в Рязани побывал **В.А. Жуковский**, сопровождая наследника-цесаревича, будущего Александра II, в его путешествии по России. Но в свой дневник Жуковский занес лишь краткие сообщения о знакомстве с городом, которое шло по стандартно-казенному плану: после представления наследнику местных властей во главе с губернатором следовал «осмотр гимназии, училища канцелярских служителей, больницы, тюремного замка, казарм, дома сумасшедших». О том, что внимание Жуковского привлек рязанский Успенский собор, можно судить лишь по тому, что в день приезда он дважды посетил кремль: «Утром рисовал и осматривал город и собор <...>. После обеда рисовал собор». День закончился великолепным праздником с иллюминацией и роговой музыкой, устроенным в честь высоких гостей купцом Н.Г. Рюминым, почетным попечителем рязанской гимназии. Но стремлению создать у гостей приятное впечатление о городе помешал некстати разыгравшийся пожар. Однако и об этом Жуковский сообщает кратко: «Бал в саду на даче Рюмина. Пожар»¹². Даже встреча с мальчиком-гимназистом Я.П. Полонским, написавшим приветственные стихи в честь приезда наследника и получившим в награду часы, не нашла отражения в этих дневниковых записях.

Гораздо больше рассказывают о рязанском крае путевые записи **В.Г. Белинского**, который в 1829 году отправился из маленького пензенского городка Чембара поступать в Московский университет. Литературным дебютом Белинского стал «**Журнал моей поездки в Москву**», отправленный письмом друзьям детства Алексею и Елизавете Ивановым. Первым рязанским городом на пути Белинского был Спасск тамбовский, поколебавший его уверенность в том, что нет захолустья хуже Чембара: «...Увидевши Спасск, я узнал всю несправедливость и неосновательность моего заключения. Этот городишко не стоит и того, чтобы об нем

¹¹ Горский А. Пушкин в Ветчанах // Новая Мещера. 1999. № 24. 30 марта. С. 3.

¹² Дневники В.А. Жуковского // Русская старина. 1902. № 6. С. 349.

говорить: представьте себе, он не имеет казенного дома для присутственных мест, которые размещены по разным лачугам; нет ни одного каменного дома, только домов десятков, крытых тесом; одна только церковь; словом, Спасск есть не что иное, как довольно хорошее село и довольно гнусный городишко»¹³. Впрочем, Белинский отметил, что «постоялые дворы в нем превосходны». Зато Старая Рязань поразила его воображение и своим историческим прошлым, и остатками мощных валов, и живописным местоположением: «Какие пленительные и, можно сказать, единственные виды представляет Старая Рязань с своими окрестностями <...>. О, с каким восторгом, с какою гордостью, стоя на помянутой крутизне, я обзирал сии восхитительные виды! Эти места достойны, чтобы на них стоял столичный город». Вспоминает Белинский и о кладе, случайно найденном в этих местах крестьянином в 1822 году. Клад, как полагали, представлял часть княжеского наряда, в него входил ювелирный шедевр – знаменитые золотые «рязанские бармы», богато украшенные сканью, зернью, жемчугом и самоцветами. Белинский сообщал: «Хозяин постоялого двора, на котором мы остановились, сказывал нам, что часто, копая землю, находят здесь огромные своды. Из этого должно заключить, что здесь был некогда большой город».

Новоспасск понравился Белинскому своим патриархальным уютом: «Сей город стоит почти весь в лесу, и из-за деревьев виднеются белые домишки с красными крышами, и потому он представляет прелестнейший ландшафт, тем самым более возвышает прелесть и пленительную красоту сих мест». Отметил автор и то, что в рязанских деревнях, попадавшихся по пути, «избы построены из прекрасного соснового леса и крыты тесом, что в оных много есть двухэтажных деревянных и каменных домов». Это свидетельствовало и о благодатной щедрости природы, и о талантливости народных умельцев. Белинский пишет, что в зодчестве рязанских крестьян «видна прелесть деревенской архитектуры. Ворота, окошки и крыши изукрашены резьбою».

На подъезде к Рязани с юным Виссарионом случилось необычное происшествие. Путникам встретилась цыганка: «Взглянувши на меня, она сказала, что умен, доброе лицо». Юноше, которому хотелось выглядеть зрелым и солидным человеком, замечание о добром лице не доставило удовольствия. Но когда цыганка стала гадать ему по руке, он был удивлен и озадачен ее предсказанием: «Люди почитают и уважают тебя за разум, только языком не сшибайся. Ты едешь получить и получишь, хотя сверх чаяния». Впоследствии, будучи принятым в Московский

¹³ Текст цитируется по изданию: Белинский В.Г. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1982. Т. 9. С. 7–10.

университет, на что Белинский почти не надеялся, он вспомнит слова неведомой прорицательницы. Но в них, как ни странно, можно увидеть и прогноз всей его будущей судьбы: выдающийся талант Белинского сделает его первым литературно-критическим авторитетом своего времени, но в то же время смелые идеи его статей вызовут негативное отношение властей. Уезжая учиться в Москву, он еще не предполагал, какую значительную роль в духовной жизни русского общества ему будет суждено сыграть «сверх чаяния».

Рязань, недавно отстроенная согласно новому генеральному плану, произвела на него самое благоприятное впечатление: «Рязань есть первый истинно хороший город, который я увидел. Правильное расположение улиц, их чистота, прекрасные строения, гостиные ряды, лавки – все это привело меня в крайнюю степень восторга и удивления. Я тут в первый раз, собственным своим опытом узнал, что в России есть прекрасные города. В Рязани улицы часто пересекаются глубокими оврагами, но через эти овраги, во всю ширину их, проведены прекрасные мосты, столь длинные, что улицы чрез них делаются совершенно ровными. Из великого числа прекрасных строений мне особенно понравилась губернская гимназия, которая наружным видом гораздо лучше московской». Любуясь городом, юноша так увлекся, что чуть было не заблудился. Однако очарование, произведенное архитектурным обликом Рязани, отчасти разрушилось из-за курьезного эпизода. На улице к Белинскому подошел местный священник, церемонно поклонился, пожелал здоровья и, видимо, уповая на его действительно доброе лицо, неожиданно «козлиным голосом проблеял: «Милостивый государь! Пожалуйте отцу Ивану на бедность две копейки». <...> Молча я подал ему два гроша. Тронутый и удивленный такою необычайною щедростью, он осыпал меня благословениями, благодарениями и со всех ног пустился бежать... куда же? В кабак, который находился от нас в нескольких шагах. Пожелав мысленно святому отцу повеселиться в храме Бахуса, я пошел далее».

Древняя история Рязани тронула душу **А.С. Грибоедова**. Он намеревался писать драму «**Федор Рязанский**» по мотивам «Повести о разорении Рязани Батыем», но исполнить свой замысел не успел. Зато в его пьесе «**Горе от ума**» нашли отражение современные ему рязанские реалии. Так Чацкому с детства запомнился влиятельный богач, прославившийся разгульными увеселениями и всегда «толпою окруженный слуг»:

Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!

В этом образе узнавали генерала Л.Д. Измайлова, богатейшего рязанского помещика, любителя пиров и псовых охот, который несколько раз избирался губернским предводителем рязанского дворянства. Измайлов зимы проводил в Москве, а летом уезжал в свои имения. Его своевольный нрав и непредсказуемые выходки долго служили предметом обсуждения в московских гостиных. Измайлова постоянно сопровождала многочисленная дворня и свита из мелкопоместных дворян, ищущих его покровительства. Даже во время войны с Наполеоном, когда Измайлов вместе с рязанским ополчением выступил в поход, за ним следовали более полусотни крепостных слуг: камердинеры, лакеи, повара, официанты, конюхи, псарь с собаками. Широко известной стала история о том, как он выменял у помещика Шебьякина четыре борзые, отдав за них камердинера, повара, кучера и конюха.

С.Т. Славутинский, соученик Я.П. Полонского по рязанской гимназии и его хороший приятель, в очерке «Генерал Измайлов и его дворня» рассказывал о помещике: «Он так любил собак, что ценил их гораздо выше людей. Однажды за обедом он спросил служивших ему камердинера Николая Птицына и дворового мальчика Льва Хорошевского: «А кто лучше: собака или человек?» – Птицын отвечал, что как же, дескать, можно сравнивать человека с собакою, с бессловесным, неразумным животным. Мальчик же, всегда чрезвычайно боявшийся своего барина и совсем растерявшийся от его вопроса, пролепетал, что собака лучше человека. И за это Измайлов подарил мальчику рубль серебряный, а камердинеру Птицыну проткнул вилкою руку». Славутинский пользовался не только рассказами людей, хорошо знавших Измайлова, но и материалами судебных следствий, в которых фигурировало имя генерала. Даже бесстрастные протоколы осмотра измайловских усадеб свидетельствовали, что его собаки, которых в каждой усадьбе содержалось по несколько сотен, жили «в хороших домах. Для каждой было сделано особое гнездо, которое набивалось всегда свежеею соломою». Зато прислуга ютилась в тесных, грязных помещениях: «Внутренняя нечистота их совершенно соответствовала их наружному отвратительному виду». Лучшие генеральские собаки «имели особенный костюм: какие-то епанечки на спинах, какие-то шапочки на головах», чтобы не простудились в холодное время.

По преданию, Измайлов явился прототипом помещика Троекурова, колоритно изображенного **А.С. Пушкиным** в «Дубровском». Недаром одним из главных эпизодов, характеризующих Троекурова, стало описание его заботливо устроенного псарного двора, по поводу которого старый Дубровский сурово заметил: «...Псарня чудная, вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам». Ссора Троекурова и Дуб-

ровского произошла из-за того, что Троекуров готов был обращаться с мелкопоместными дворянами, как с собственными «шутами», не считаясь с их человеческим достоинством. Точно так же вел себя и Измайлов. Славутинский рассказывал, что «ради одной потехи такой-то мелкопоставчатый был привязан к крылу ветряной мельницы и, после непроизвольной прогулки по воздуху, снят еле живым, что другой подобный же дворянин был протасен подо льдом из проруби в прорубь, что такого-то дворянина-соседа зашивали в медвежью шкуру и, в качестве крупного зверя, чуть было совсем не затравили собаками...»¹⁴.

У **Н.В. Гоголя** в «**Мертвых душах**» есть прямые упоминания о Рязанском крае. В его представлении Рязань ассоциировалась с примитивностью человеческого сознания, зараженного вещиизмом. Гоголь описывает ночь; непробудным сном объята и провинциальный городок и маленькая гостиница, где остановился Чичиков, и «только в одном окошечке виден еще был свет». Эта интригующая деталь невольно вызывала у читателя вопрос: кому же и по какой причине не спится этой ночью? По законам высокого романтизма это мог быть поэт, вдохновенно отдавшийся творчеству, или влюбленный, переполненный волнующими чувствами... Но ироничный Гоголь разрушает привычные литературные штампы: это — «какой-то приехавший из Рязани поручик», который никак не может налюбоваться пятой парой купленных сапог. А повесть о капитане Копейкине, который безуспешно искал помощи и справедливости в столице, заканчивается сообщением, что он возглавил шайку разбойников, которая «появилась в рязанских лесах». Густые рязанско-муромские леса издавна пользовались недоброй славой прибежища «лихих людей», но там же скрывались и все те, кто по разным причинам оказывался в конфликте с властями: раскольники, дворовые, ушедшие от своих господ, бунтовщики-крестьяне, которым грозило суровое наказание и т.д. В начале XIX века в Рязанской губернии бегство крепостных от своих помещиков стало повальным и приобрело невиданный размах. А Повалишин, изучив рязанские материалы этого периода, писал: «В двадцатых годах происходили такие массовые побеги из уездов Сапожковского и Ряжского. <...> Бежали крестьяне помещиков Шиловских, гр. Толстого, гр. Остерман-Толстого, Труниной, Матурского, кн. Долгоруких, гр. Зубова. <...> Крестьяне Юмашевой бежали целыми семьями, забирая с собою лошадей, скот и разное имущество». За этим последовали побеги из соседних имений Крюкова, Клечановского, Нарышкиной. Одни бежали на юг, добираясь до Одессы, другие скрывались в ближайших лесах. Так, «после бунта

¹⁴ Селиванов И.В., Славутинский С.Т. Из провинциальной жизни. М. : Современник, 1985. С. 360–361, 359, 355, 337, 334.

у помещиков Ханьковых в 1830 г. разбежались все те крестьяне, которые принимали в бунте более или менее деятельное участие. Двое из них, Сушкин и Степанов, пойманы через семь лет, то есть в 1837 г. Они жили близ имения в соседнем лесу в сторожке, занимались выделкою деревянной посуды и плетением лаптей, что и составляло средство пропитания их»¹⁵. Кстати, в «Мертвых душах» Гоголя есть эпизод, рассказывающий о таких же массовых побегах. Плюшкин, узнав о намерении Чичикова купить «мертвые души», предлагает ему и беглых. На вопрос Чичикова, сколько же у него беглых крестьян, Плюшкин ответил: «Да десятков до семи наберется». Даже видавшего виды Чичикова изумила эта цифра, и он не удержался от недоверчивого восклицания, но при подсчете оказалось семьдесят восемь беглецов.

Уже после выхода «Мертвых душ» в конце 40-х годов в рязанских лесах прятались крестьяне Данковского уезда, отказавшиеся повиноваться своему новому помещику князю Голицыну. До этого, ища правды, они посылали ходоков в Рязань и в Петербург. Но с ходоками в столице произошло то же самое, что и с Копейкиным: обивая казенные пороги, замученные чиновничьей волокитой, они прожили все взятые с собою скудные средства и жаловались в письме односельчанам: «Нам нечем здесь жить – в пору идти назад. Христовым именем здесь больше не держат. <...> Хозяева не пускают на ночлег. <...> Стало наше дело в тупик, что некуда ступить»¹⁶. Когда же вместо ожидаемой царской милости в уезд прибыла карательная экспедиция, она нашла пустые селения; крестьяне ушли в леса, припрятав все свои нехитрые пожитки. Характерно, что крепостные соседних помещиков следили за этой борьбой с большим сочувствием и всячески помогали «бунтовщикам». Так, случайно обнаружилось, что деревня Пироговка, принадлежавшая С.Д. Нечаеву, скрывала на своих подворьях стадо чужих овец. Вероятно, и прочий скот и птицу спрятали у себя окрестные доброхоты. Методы партизанской войны, выработанные во время нашествия Наполеона, крестьяне обратили теперь против своих господ. И недаром у Гоголя Копейкин, израненный в «кампании двенадцатого года», кончает тем, что воюет против внутренних супостатов в «рязанских лесах» вместе с такими же, отчаявшимися найти правду и справедливость бедолагами.

В рязанской действительности можно было увидеть немало двойников гоголевских героев. Характерной для рязанского помещичьего мира являлась колоритная личность «исторического человека» Ноздрева, который чуть не избил из-за пустяка приглашенного в гости Чичи-

¹⁵ Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Рязань, 1903. С. 297, 294–295.

¹⁶ Исторический вестник. 1861. № 6. С. 238.

кова, а затем оказался под следствием «по случаю нанесения помещику Максиму личная обида розгами в пьяном виде». Недаром Гоголь писал: «Лицо Ноздрева, верно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Таких людей приходилось всякому встречать немало». В 1810–1820 годах рязанская судебная палата не раз рассматривала скандальные дела, подобные описанным в «Мертвых душах». Помещик Горяинов, позвав в гости соседа и родственника Гвоздева и во хмелю повздорив с ним, «приказал снять с него панталоны и велел старосте высечь». Князь Гагарин попал под следствие за то, что «избил поручика Елшина и подпоручика Дуванова». Если Ноздрева, замахнувшегося на Чичикова вишневым чубуком и кричавшего слугам: «Бейте его!», в последнюю минуту остановил приехавший капитан-исправник, то рязанский помещик Петр Голицын свой безудержный гнев готов был излить даже на представителя местной власти. Когда в его усадьбе появился председатель земского суда Климов, чтобы пресечь самоуправство помещика, присвоившего себе чужие луга, «Голицын азартным образом ухватил его за грудь, тряс и тащил и потом, схватя лежащее отесанное весло, хотел им ударить». Сопровождавший Климова солдат успел перехватить весло, и тогда Голицын приказал людям своим взять колья и бить его, Климова, до смерти». Только поспешное бегство спасло Климова от разбушевавшегося помещика¹⁷. Те же, кто славился знатностью и богатством, вообще не знали удержу. Один из современников рассказывал об Измайлове: «Помню, когда я был маленький, приехали к нам гости и, как новость, говорили, что вот на днях Лев Дмитриевич высек одного дворянина, помещика, именно Гальянинова»¹⁸. Гальянинов, как и Чичиков, был приглашен в гости и так же неосторожно заспорил с хозяином. Измайлов вскипел гневом, велел слугам тут же, на полу гостиной разложить Гальянинова и высечь его хорошенько розгами. Возможно, это сходство между деталями гоголевского произведения и рязанской жизнью не случайно.

Сам Гоголь в «Авторской исповеди» признавался: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных мне известных». Встречаясь и переписываясь со своими знакомыми, Гоголь настойчиво выспрашивал у них о подробностях столичной и провинциальной жизни: о происшествиях, вкусах и нравах, о местных скандалах и сплетнях. У Гоголя были близкие приятели, имевшие в Рязанской губернии свои поместья (А. Хомяков, Ю. Самарин), от них

¹⁷ Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. С. 114, 121, 98.

¹⁸ Селиванов В.В. Предания и воспоминания. СПб., 1881. С. 86.

он вполне мог узнать о рязанских событиях и о самоуправствах местных Ноздревых. Что же касается генерала Измайлова, то о его эксцентричных выходках судачила вся Москва. Конечно, если Гоголь и пользовался какими-то рязанскими сведениями, то соединял их с другими, полученными из иных источников, создавая типичные картины русского быта.

Так или иначе, но после выхода «Мертвых душ» читатели узнавали в гоголевских героях своих рязанских знакомых. Так граф М.Д. Бутурлин в своих «Записках» рассказывал о генеральше А.П. Носковой, купившей село Срезнево: «В феноменальной своей скаредности она могла соперничать только с мольеровским Гарпагоном и с гоголевским Плюшкиным. Крестьянские мальчишки и девчонки были у нее будто бы обложены повинностью приносить (безвозмездно) по нескольку пар (или десятков) воробьев на год, и это составляло основную ее пищу. Плита не каждодневно топилась у нее, и в такие дни она довольствовалась молочком с хлебом и творогом, каковою пищей она иногда угощала гостей интимного своего кружка, но не высокого полета»¹⁹.

Возможно, каким-то образом связан с рязанскими источниками гротескный образ полковника Кошкарева из второго тома «Мертвых душ». В его деревне изумленный Чичиков увидел избы с надписями: «Главная счетная экспедиция», «Комитет сельских дел». А когда Чичиков высказал просьбу о покупке «мертвых душ», то получил ошеломляющий ответ: «...Изложите ее письменно. Она пойдет в комиссию всяких прошений. Комиссия всяких прошений, пометивши, препроводит ее ко мне. От меня поступит она в комитет сельских дел, там сделают всякие справки и выправки по этому делу. Главноуправляющий вместе с конторою в самоскорейшем времени положит свою резолюцию, и дело будет сделано». В журнале «Русская старина» за 1879 год было опубликовано любопытное «Дело об убитом тетереве 1825 года», присланное из Рязанской губернии. Дело открывалось составленным по всей форме бюрократических справок докладом управляющего Андреана Зиновьева своему хозяину графу Льву Сологубу о том, что его крепостной принес на барский двор добытого на охоте тетерева: «Хозяйственное отделение, имея счастье донести о сем вашему сиятельству, будет ожидать на сей предмет начальнического вашего предписания...». Барин наложил резолюцию: «Крестьянину Трифону Абрамову за усердие его выдать полтину, а глухого тетерева по надлежащему отдать на ледник впредь до моего повеления». За очередным порядковым номером бумага с резолюцией пошла в «стол исполнительный». Потом

¹⁹ Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив. 1898. Кн. 2. С. 268–269.

было «общее присутствие главного управления дома», постановившее: «Хозяйственному отделению отнести в отделение казначейств о немедленной выдаче крестьянину Трифону Абрамову пятидесяти копеек», а «ключнице Фекле Варфоломеевой послать ордер о хранении на леднике глухого тетерева впредь до особого приказа его сиятельства». Из-за этого домашнего делопроизводства крестьянину не скоро суждено было получить обещанный полтинник. Когда же граф прислал письменное распоряжение приготовить птицу к приезду гостей, вновь было «общее присутствие», постановление о выдаче тетерева на кухню, соответствующий ордер, направленный ключнице, предписание повару насчет приготовления птицы. Бумажная волокита кончилась тем, что тетерева нашли вконец испортившимся. Граф расценил это как тяжкое злоумышление и выдал новую резолюцию: «чиновнику особых поручений Игнашке Скорохватову произвести следствие обще с членом медицинского отделения цирюльником Гришкою, и что открыто ими будет, о том со всею подробностью мне донести». И вновь закрутились вхолостую колеса бюрократической машины... Водяные знаки бумаги и состав чернил рукописи действительно соответствовали 1825 году. Но, публикуя это курьезное дело, редактор журнала А.С. Лашкевич писал, что не уверен, «действительно ли таковые порядки имели место в помещичьем быту или это остроумная шутка лица, возмущенного бюрократическими порядками правительственных канцелярий и департаментов... и осмеявшего их для кружка своих знакомых». В справочнике И.П. Лихарева «Алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии» (1893) помещиков Сологубов не значится. Зато под Рязанью находилось немало имений, владельцы которых были так или иначе связаны с литературной жизнью. Кроме упоминавшихся уже Хомякова и Самарина можно назвать также А. Кошелева, С. Жихарева, С. Нечаева и других. В этих кругах и могла возникнуть остроумная пародия-шутка, вполне возможно, через посредство московских знакомых дошедшая и до Гоголя.

Трудно проследить, какими порой случайными путями попадали на страницы литературных произведений рязанские материалы. Так, студент А.Ф. Кони, будущий известный адвокат, летом 1863 года жил в усадьбе Панькино Пронского уезда и услышал там историю одного из местных помещиков, которому необычным образом отомстил дворовый. Своего парализованного барина он завез в глухой лесной овраг Чертово Городище и повесился там на его глазах. А.Н. Некрасов, узнавший от Кони об этом происшествии, включил его в поэму «Кому на Руси жить хорошо», рассказывая о судьбе «Якова верного, холопа примерного».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Рязанские реалии в «Записках» С.П. Жихарева.
2. Л.Д. Измайлов как прототип произведений Грибоедова, Пушкина, Некрасова.
3. Какой предстает Рязань в путевых записках писателей XIX века?

2.3. «ПУТЬ ТРУДНОЙ ЧЕСТИ И ДОБРА» (С.Д. Нечаев)

Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860) родился в семье богатого рязанского помещика Д.С. Нечаева, который дважды, в 1800–1808 и 1812–1817 годах, избирался предводителем дворянства Данковского уезда Рязанской губернии. Детство Степана Дмитриевича прошло среди сельской природы. Усадебный дворянский быт конца XVIII – начала XIX века, унаследовавший от «золотого века» Екатерины II тяготение к шумным, роскошным праздникам и забавам, хлебосольным приемам и вместе с тем к овладению уровнем европейской культуры, давал немало ярких впечатлений для юной души. Один из современников Нечаева вспоминал: «В Данковском уезде было шесть охот с гончими и борзыми. У Нечаева и Огарева – оркестры»²⁰. Непременным атрибутом дворянской усадьбы являлась библиотека, а нередко – и своя маленькая картинная галерея, в которой главное место занимали фамильные портреты.

Домашнее образование, полученное Степаном Дмитриевичем в провинциальной глубинке, было настолько блестящим, что он без труда сдал экзамены при Московском университете, в 19 лет поступил на службу в Коллегию иностранных дел и через несколько месяцев был направлен переводчиком в канцелярию Рижского военного губернатора. Когда началась война 1812 года, ему поручили формирование ополчения во Владимире и Арзамасе. Нечаев в это время был увлечен незаурядной личностью героя 1812 года Д.В. Давыдова. Но если Степан Дмитриевич не мог, следуя его примеру, отличиться на поле брани (болезнь ноги не позволила ему вступить в действующую армию), то в своих стихах он пытался подражать яркой и самобытной манере поэта-гусара. Например, в «Вакхической песне» благоденствующий провинциальный юноша вдруг принимает вид лихого кутилы, прославляя веселье дружеских пирушек:

²⁰ Солодовников Д.Д. Рязанские помещики 18 века. Рязань, 1929. С. 6.

Сердечкин, пой своих Климен!
Одно вино я прославляю;
Страдай, вздыхай от их измен:
Я пью – и горе презираю!
Моя Дуняша мне верна,
При ней я не томлюсь напрасно,
Но чаша коль моя полна,
То вдвое для меня прекрасна!

Получив от Давыдова на память его портрет, Нечаев ответил посланием, в котором были такие строки:

Давыдов! Наконец твой образ украшает
Смиренну хижину мою,
И сколько разных чувств в душе моей рождает!
То в нем либимца Муз и Граций узнаю,
Твой «Брачный договор» с улыбкой повторяю
И сладко таю от любви...
То вдруг тебя средь битв жестоких вображаю,
Где сеча, гром, и дым, и груды тел в крови <...>

Давыдов, воин и певец!
И в мире и в боях равно ты побеждаешь,
Здесь тихой лирою, там саблей ополчен!
Повсюду лаврами чело свое венчаешь,
Несешь ли злобе казнь иль сердцу сладкий плен!

В 1814 году Нечаев стал почетным смотрителем скопинских уездных училищ, а через три года был назначен директором училищ Тульской губернии. В Туле вокруг молодого, одаренного и общительного директора училищ сплотился литературный кружок. Однако у него была и другая, тайная жизнь. Нечаев состоял в Союзе благоденствия, одной из первых декабристских организаций. С увлечением он стремился распространять пропагандируемый декабристами опыт ланкастерской системы обучения простолюдинов. И внимательно приглядывался к своим новым знакомым с намерением создать местную ячейку Союза благоденствия. Открылось это гораздо позже и совершенно случайно. На следствии после подавления восстания декабристов никто из его знакомых не упомянул его имени. Но когда в 1826 году правительство потребовало у служащих по ведомству Министерства народного просвещения подписку о непринадлежности к тайным обществам, то бывший тульский учитель Д.И. Альбицкий в неуместном порыве верноподданнического чистосердечия признался: «Сим объявляю о кратковременной прикосновенности моей к Союзу благоденствия, в который

вступил членом в начале 1819 года по предложению бывшего тогда директором тульских училищ титулярного советника Степана Дмитриева сына Нечаева». По распоряжению шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа полицейский агент начал собирать сведения о Нечаеве. Но выяснил лишь, что тот пытался привлечь в тайную организацию тульского почт-мейстера – и «ничего более узнать не мог»²¹.

Право принимать новых членов в Союз благоденствия его Коренная управа давала тем, кто пользовался особым доверием. И хотя имя Нечаева среди участников поздних организаций, возникших после распада Союза благоденствия, не встречается, круг его знакомств с декабристами и теми, кто им сочувствовал, был весьма обширен. Он хорошо знал К.Ф. Рылеева, В.К. Кюхельбекера, Ф.Н. Глинку, А.И. Тургенева, А.С. Грибоедова, Е.А. Баратынского, П.А. Вяземского. Когда литераторы-декабристы начали издавать альманах «Полярная звезда», Нечаеву поручили собирать в Москве материалы для журнала. Особенно близкая дружба связывала Степана Дмитриевича с А.А. Бестужевым-Марлинским. Бывая проездом в Москве, Бестужев останавливался у Нечаева. В начале 1825 года Нечаев писал ему: «Я знаю, что ты ко мне писать не соберешься. По крайней мере, когда решишься опять побывать в Москве, вспомни, что у меня найдется для тебя всегда небольшая комната и трубка табаку. О дружбе моей говорить не люблю. Догадливый меня поймет и сам...»²². Стихи и заметки Нечаева публиковались в «Полярной звезде», «Вестнике Европы», «Русском вестнике», «Сыне Отечества» и т.д. Свободолюбивые настроения стали одним из лейтмотивов лирики Нечаева этого периода. Увлеченный событиями греческого восстания против турецкого владычества, он пишет «Заздравную песнь греков», в которой прославляет тех,

Кто в мире избрал путь прекрасный,
Путь трудной чести и добра.

В одном из лучших стихотворений Нечаева «Воспоминания» отразились впечатления от поездки на Кавказ в 1823 году. Лирика Нечаева имела успех у публики. А.И. Тургенев сообщал П.А. Вяземскому: «Я очень доволен стихами Нечаева: они полны мыслей и чувства. Язык чистый и благозвучный...»²³. В конце «Воспоминаний» после описания ярких южных впечатлений Нечаев рассказывал, с какой радостью он вновь увидел знакомые данковские места, где прошла его юность:

²¹ Мухина С.Л. Безвестные декабристы (П.Д. Черевин, С.Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 242–243.

²² Якушкин В.Е. К литературной и общественной истории 1820–1830 гг. // Русская старина. 1888. № 12. С. 593.

²³ Поэты 1820–1830 годов: в 2 т. Л. : Совет. писатель, 1972. Т. I. С. 705.

О милой родины страна,
Какою тайною прелестной
С душою ты сопряжена!
Что мне перед тобой все красоты чужбины?
Что может заменить безмолвный сей привет
Знакомой от пелен долины,
Не изменившейся от лет
Нас изменяющей судьбины?

Читателям Нечаев был известен не только как поэт, но и как мастер афоризмов. В то время как официальные круги, упоенные победой над Наполеоном, прославляли царствование Александра I, Нечаев выступал с ироничными высказываниями, отражавшими иную, не придворную точку зрения: «Земные величия совершенно подлежат общим законам оптики: чем далее мы от них, тем менее они нам кажутся». Афоризмы Нечаева привлекали своими парадоксальными, но меткими наблюдениями:

«Заблуждения людские заставляют одних смеяться, других сожалеть, третьих сердиться. Самые худшие члены общества суть те, кои совершенно к ним равнодушны».

«Мы обыкновенно бываем либо рабами своих страстей, либо жертвою чужих».

«Многие не знают и не хотят знать себя потому, что знакомство с негодяем вообще неприятно».

«Человек не может передать другим то, чего сам не имеет: вот причина, отчего порочные наставники сколько ни толкуют о добродетели, не успевают научить детей чистой нравственности».

«Молодые люди живут обыкновенно так, как бы жизнь уже кончили, а старики – как бы только начинали жить».

«Супружеская верность мало уважается у совершенно диких и самых образованных народов. Находят еще много других сходств между чувствами грубого дикаря и развращенного европейца, и не без причины: один не познал еще цены своего бытия, другой позабыл ее».

«Кто старается быть удивлением глупых, тот становится посмешищем для умных».

«Лучше видеть добродетель ненагражденную, чем порок ненаказанный».

«Влюбленный не может быть атеистом».

«Старинные книги для словесности суть то же, что для нашего государства дикая, холодная Сибирь с богатыми рудниками...».

Нечаев был членом Общества истории и древностей российских и Общества любителей российской словесности. Но, несмотря на боль-

шие связи и знакомства, никогда не домогался приближения ко двору. Он считал: «Изба степного крестьянина во многом походит на двор Монарха. Как здесь, так и там беспрестанно попадают в глаза несносные тараканы, докучливые сверчки, ядовитые пауки, жадные цыплята и пр. Одних кротких голубей не увидишь во дворцах». Свое жизненное кредо Нечаев сформулировал в послании «Одному молодому человеку», считая главным – умение соединять «честность с милой добротой»:

Знай во всем благую меру:
И в желаньях, и в страстях;
Следуй мудрому примеру –
И жалея о чудаках.
Прогоняй ученьем скуку,
С Музами ищи бесед;
И в других уважь науку:
Плод труда – ученья свет.
Другом будь великодушным,
Презирай в приязни лесть;
Нет чего – считай ненужным,
Будь доволен тем, что есть.
Не гоняйся ж за мечтами.
Почесть – прах, а слава – дым!
Будь их выше – не словами,
Делом то яви самим...

Во время декабристского восстания поэт находился в Москве, где с 1824 года служил чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Д.В. Голицыне. Степан Дмитриевич принимал деятельное участие в организации московского работного дома и глазной больницы. Даже если Голицын и догадывался о связях своего подчиненного с декабристами, он не собирался об этом докладывать. Наоборот, то ли по доброте душевной, то ли желая показать, что под его управлением Москва не знала политической крамолы, губернатор старался помочь тем, кто попадал под следствие. Когда, например, в Петербург затребовали бумаги из дома М.А. Дмитриева-Мамонова, привлеченного к следствию, то Голицын потихоньку изъял из них самую компрометирующую часть – письма декабриста М.Ф. Орлова²⁴. Когда же Бенкендорф заинтересовался Нечаевым, оказалось, что тот уже откомандирован в глухомань Пермской губернии в помощь А.Г. Строганову, проводившему там ревизию по поводу волнений рабочих людей. Правда, от

²⁴ Мухина С.Л. Современник декабристов С.Д. Нечаев // Вопросы истории. 1983. № 10. С. 185.

«всевидящего ока» тайной полиции не так легко было скрыться: за Нечаевым следили, возникли даже подозрения о его недозволенных встречах. Однако он умел быть осторожным. Недаром он говорил: «Есть люди, которые имеют редкую способность забывать вверенные им тайны из одного опасения – открыть их не у места».

Даже о том, что Нечаев встречался со ссыльным декабристом М.И. Пушиным, стало известно только из опубликованных на рубеже XIX–XX веков воспоминаний последнего. Зато когда ревизия была закончена, Николай I получил докладную записку, составленную с удивительной смелостью. В то время как русское общество, потрясенное расправой с декабристами, испуганно притихло, в отчете звучали резкие фразы о пагубном «самовластии», «произволе и тиранстве» местного начальства, о «жалостном изнурении угнетенных крестьян». Исследовательница С.Л. Мухина, анализируя текст отчета, пришла к выводу, что его составлял не А.Г. Строганов. Он, по свидетельству современников, большей частью говорил и писал по-французски и потому не мог свободно беседовать с приказчиками и рабочими, дотошно вникая в те подробности, которые описаны в отчете. Автор записки – Нечаев. Это к нему шли многочисленные жалобы, это он ездил по заводам, порой выполняя функции не только ревизора, но и следователя. Это его близкие к декабристским настроениям звучат в записке. А Строганов, знакомый Грибоедова и Муравьевых-Апостолов, видимо, прикрыл его своим именем. Видя в Нечаеве деятеля, который приехал не ради формальных отписок, не выгораживал хозяев, а действительно стремился защитить права простого человека, ему доверяли и такое, что редко открывают официальному лицу. Позднее в 1832 году Нечаеву пришлось давать объяснение, почему он не доложил по начальству об антиправительственном заговоре в Ирбите, о котором он якобы узнал во время ревизии. Нечаев, естественно, отпирался, заявляя, что никаких подозрительных слухов до него не доходило. Но его дневник показывает, что даже недоверчивые раскольники не скрывали от него своих крамольных тайн. Нечаев записывал: «На Тагильских заводах между раскольниками долго ходила молва, что государь Александр Павлович не преставился, но живет скрытно, отращивает бороду, набирает войско и скоро прибудет на заводы для истребления никониан»²⁵. Любопытно, что эта легенда возникла не на пустом месте. Согласно «Обозрению жизни и царствования Александра I» Н.В. Путьяты русский император, узнав, что Наполеон занял Москву и требует от него подписать капитуляцию, сказал: «Если у меня не останется ни единого солдата, я созову мое верное дворянство

²⁵ Мухина С.Л. Современник декабристов С.Д. Нечаев. С. 185.

и добрых поселян, буду сам предводительствовать ими и подвигну все средства империи. Но если промыслом Божиим предоставлено роду моему не царствовать более не престоле моих предков, то, истощив все усилия, я отращу себе бороду и лучше соглашусь скитаться в недрах Сибири, нежели подписать стыд моего отечества»²⁶. После смерти Александра I в далеком Таганроге, вызвавшей столько разноречивых толков, эти слова в народном сознании трансформировались самым неожиданным образом, соединившись с вековой мечтой о могущественном народном заступнике. Раскольники же фразу императора об отращивании бороды восприняли как свидетельство его обращения в старую веру.

В 1828 году Нечаев женился на дочери известного промышленника Софье Сергеевне Мальцевой. Ее брат И.С. Мальцев был секретарем русской миссии в Тегеране, которую возглавлял А.С. Грибоедов, и один остался в живых после разгрома посольства. Благодаря дяде Софьи Сергеевны обер-прокурору Синода С.П. Мещерскому карьера Нечаева делает неожиданный поворот. Он поступает на службу в Синод и в 1833–1836 годах сам становится обер-прокурором. Служивший под его началом М.В. Толстой вспоминал: «Весьма приятный и обязательный в сношениях с людьми посторонними, С.Д. Нечаев был весьма строгим и взыскательным начальником по службе. Чтобы угодить ему, нужно было работать изо всех сил, а иногда и сверх сил, что я впоследствии испытал на себе»²⁷. Требовательность, прямота и независимость нового обер-прокурора многим чиновникам пришлись не по вкусу. Н.С. Лесков в очерке «Синодальные персоны» с иронией комментировал воспоминания секретаря Ф.И. Исмаилова: «Степан Дмитриевич Нечаев, по словам автора, был прокурор не легкий (легкого автор так и не дождался)». Исмаилов возмущался тем, что Нечаев при посещении Синода Николаем I не устроил императору пышно-подобострастной встречи. Пугали секретаря и резкие речи Степана Дмитриевича, который открыто высказывал в Синоде негодование по поводу жандармской слежки за духовенством, «подстрекая членов к неудовольствию»²⁸.

Нечаев, действительно, был не вполне обычным обер-прокурором. Несмотря на искреннюю религиозность, он в то же время слыл человеком без предрассудков. М.В. Толстой вспоминал, как однажды в Троице-Сергиевой лавре Нечаев с компанией знакомых в одной из семинар-

²⁶ Путья Н.В. Обзорение жизни и царствования Александра I // Деятнадцатый век. М., 1872. Кн. I. С. 456–457.

²⁷ Толстой М.В. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 98.

²⁸ Лесков Н.С. Синодальные персоны // Исторический вестник. 1882. № 11. С. 376–377.

ских зал увидел орган, по преданию, подаренный лавре Потемкиным. Заинтересовавшись этой старинной реликвией, он разыскал семинариста, умеющего играть на органе. Наслаждение необычной музыкой настолько захватило всех присутствующих, что они, выстроившись парами, начали импровизированный танец. В то самое время, как глава Синода посреди семинарской залы под звуки органа увлеченно выделявал па французской кадрили, дверь отворилась, и на пороге появился ректор семинарии «с заспанным лицом и всклокоченными волосами, в расстегнутом и неподпоясанном подряснике, в туфлях на босу ногу. Он сначала остолбенел, увидев танцующих, потом, всплеснув руками, воскликнул: «О Господи, какое безобразие! Какой неистовый соблазн!» Он запахнул полы своего подрясника и пустился бежать от нас», – рассказывал Толстой. Нечаев только смеялся²⁹. На снисходительность Нечаева рассчитывал и А.С. Пушкин, приятельски с ним знакомый. Однажды Пушкин обратился к Степану Дмитриевичу с просьбой помочь протодьякону царско-сельской придворной церкви, который своей склонностью к спиртному навлек на себя высочайший гнев. Пушкин писал: «Протодьякон, не знаю почему, отнесся ко мне, полагая, что слабый мой голос удостоится Вашего внимания. Во всяком случае, я не мог отказаться от ходатайства и препоручаю моего клиента Вашему великодушному покровительству»³⁰. Но перед мощью монаршей грозы обер-прокурор Синода оказался бессильным.

Однажды Нечаев сказал: «Несчастливая погода заставляет усесться дома; несчастные обстоятельства принуждают уйти в самого себя». Этот с виду открытый и добродушный человек хранил немало своих и чужих тайн. Только из воспоминаний М.В. Толстого мы узнаем, что Нечаев принадлежал к московским масонам и каждый год аккуратно присутствовал на их объединенном годовом собрании. Причем время его вступления в ложу (1819 год) совпадает с временем его вступления в Союз благоденствия. Очевидно, это была одна из масонских лож, которые служили своеобразным прикрытием возникающим декабристским организациям. И то, что после расправы с декабристами Нечаев не порвал этих опасных связей, свидетельствует о прочности его оппозиционных настроений.

В 1836 году Степан Дмитриевич вынужден был взять отпуск, чтобы сопровождать на юг заболевшую жену, ожидавшую четвертого ребенка. У них к этому времени уже было две дочери и сын. В Одессе родился последний сын Нечаева Юрий, а через несколько месяцев, весной 1837 года, Софья Сергеевна скончалась. Домашние заботы, связанные с болезнью

²⁹ Толстой М.В. Мои воспоминания. С. 83.

³⁰ Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1978. Т. 10. С. 149.

жены, заставили Нечаева отказаться от слишком ответственного поста в Синоде. В середине 1836 года он уже состоял на службе в московском департаменте Сената. В Москве он поселился в доме своего шурина И.С. Мальцева на Девичьем поле. Общая утрата еще более сблизила их. Мальцев, не имевший семьи, добился разрешения, чтобы сын Степана Дмитриевича Юрий носил двойную фамилию Нечаев-Мальцев, и завещал ему свое состояние.

В доме на Девичьем поле часто собирались московские литераторы: всех привлекало радушие хозяев, интересные беседы и непринужденное веселье, царившее на этих вечерах. О Мальцеве А.В. Мещерский в своих воспоминаниях писал: «Он был замечательно приятным собеседником, анекдотистом и остряком»³¹. Неразлучная дружба связывала его с С.А. Соболевским, близким приятелем Пушкина. Соболевский, отличавшийся большой эрудицией и любовью к изящным искусствам, славился своими эпиграммами и блестящими шуточными экспромтами. Частым гостем в доме Мальцева был и А.С. Хомяков, один из лидеров московских славянофилов. Хлебосольный Степан Дмитриевич щедро потчевал друзей деревенскими припасами, привезенными из данковской глубинки. Он по-прежнему живо интересовался литературой, искусством и наукой. Это он позаботился, чтобы в селе Авдотьине Бронницкого уезда на церкви, где был похоронен всеми забытый просветитель XVIII века Н.И. Новиков, установили памятную доску. Но сам литературу оставил. Только изредка, по старой памяти, он писал стихами шуточные приглашения на обеды или письма друзьям. Те охотно прощали ему такую перемену, видя, что в качестве толкового и энергичного сенатора он приносит гораздо больше пользы, чем мог бы приносить, став второстепенным литератором.

По инициативе Нечаева был организован Комитет для помощи нищим. Во время эпидемии тифа в Москве при содействии Комитета открыли лазарет для бедняков. Нечаев устроил в Москве общественные столы, раздававшие благотворительные обеды голодающим. Он сам ездил к московским тузам с просьбами оказать содействие благотворительным мероприятиям, и сила его красноречия делала чудеса. Некто Ахлабаев, человек богатый, но бездетный, свое состояние завещал Комитету, и на эти средства была устроена богадельня. Соболевский в стихотворении, посвященному Нечаеву, писал:

В то время, как мы были юны,
Когда и ты юнее был,
Ты, вещий, ударяя в струны,
Нам души сильно шевелил <...>

³¹ Мещерский А.В. Из моей старины // Русский архив. 1900. Кн. 2. С. 256.

Теперь, отстав от песней шумных,
Что так пленяли молодежь,
В премудром сонме старцев думных
Ты правосудие блюдешь;
И часто глас твой вдохновенный
За вдов, за нищих, за сирот
На истый путь сей клир священный
С пути раздумия влечет³².

Земли Нечаева в Сторожеве составляли часть знаменитого Куликова поля. Память о событиях Куликовской битвы увлекала и волновала Нечаева на протяжении всей его жизни. Он серьезно занялся историей и археологией, проводил раскопки. В 20-е годы Нечаев опубликовал в журналах ряд статей, в которых пытался уточнить место битвы и отдельных ее эпизодов, рассказывал о своих археологических находках.

В нечаевской усадьбе в Сторожеве возник первый музей находок с Куликова поля. Его московским филиалом стали комнаты в доме на Девичьем поле. Своей влюбленностью в русскую историю, своим благоговейным отношением к памятным событиям на Куликовом поле Нечаев заражал и друзей, и родных. В 1833 году А.А. Бестужев-Марлинский писал Н.А. Полевому: «Вы пишете, что плакали, описывая Куликово побоище. Я берегу, как святыню, кольцо, выкопанное из земли, утучненной сею битвой. Оно везде со мной, мне подарил его С. Нечаев»³³. Сын Степана Дмитриевича Юрий впоследствии выстроит в селе Березовка храм в честь Дмитрия Донского. Эскизы для его росписи будут сделаны В.М. Васнецовым. Еще во время службы в Туле Нечаев начал сбор пожертвований на монумент, который бы увековечил память о павших на Куликовом поле героях. В 1820 году в «Вестнике Европы» Нечаев сообщал читателям: «Известный наш художник И.П. Мартос трудится теперь над проектом сего драгоценного для всех русских монумента»³⁴. Но вмешался министр народного просвещения и духовных дел А.Н. Голицын, который счел композицию Мартоса чересчур роскошной для провинциальной глубинки. Дело затянулось надолго. Только в 1850 году на Красном холме Куликова поля был открыт наконец долгожданный памятник – гранитный обелиск, сделанный по проекту А.П. Брюллова. Но Нечаев, вышедший в 1857 году в отставку и поселившийся в Сторожеве, мечтал уже о том, чтобы поставить на поле храм в качестве памятника-поминовения. И вновь начал хлопотать о сборе средств. Увидеть исполнение своих замыслов ему не удалось: весной 1860 года он скончался. Но его идея продолжала волновать умы русской общественности. Храм-памятник на Куликовом поле все-таки был возведен в 1913–1918 годах архитектором А.В. Щусевым.

³² Из бумаг С.Д. Нечаева // Русский архив. 1894. Кн. I. С. 113.

³³ Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения : в 2 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. Т. 2. С. 651.

³⁴ Нечаев С. Письмо из Тулы // Вестник Европы. 1820. № 22. С. 149.

В нечаевской усадьбе в Сторожеве была богатая библиотека и со вкусом подобранная картинная галерея. Среди лучших картин – портрет С.Д. Нечаева, написанный известным московским художником В.А. Тропининым (впоследствии попавший в коллекцию Рязанского областного художественного музея). С портрета уверенно смотрит человек с открытым лицом и легкой полуулыбкой. Контраст черного сюртука и пурпурного плаща словно подчеркивает романтическую возвышенность его духовного мира. Вся жизнь и деятельность его вполне уложились в один из его собственных афоризмов: «История добродетельного человека есть лучший ему панегирик».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Общие общественные и нравственные идеалы в поэзии и афоризмах С.Д. Нечаева.
2. В одном из стихотворений С.Д. Нечаев утверждал, что самый достойный жизненный путь – это «путь трудной чести и добра». Подходит ли к его собственной судьбе это определение?
3. Какие слова Чацкого, героя комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», возвратившегося из путешествия, созвучны финалу «Воспоминаний» Нечаева?
4. Какие черты мировидения и особенности жизненной позиции сближали Нечаева с декабристами?
5. Как характеризуют личность Нечаева его афоризмы?

2.4. ВЛАДЕЛЕЦ СЕЛА ИВАНОВСКОГО (А.С. Хомяков)

Село Ивановское Данковского уезда бывшей Рязанской губернии связано с памятью об Алексее Степановиче Хомякове, известном писателе и философе славянофильского направления.

В середине XVIII века богатый помещик Кирилл Иванович Хомяков владел землями под Тулой и Рязанью и имел собственный дом в Петербурге. После смерти жены и дочери он поселился безвыездно в своем тульском имении Богучарово. Считался он рачительным хозяином, но чудачком. Одно из чудачеств, изумивших окрестных помещиков, заключалось в том, что, не имея прямых наследников и заботясь о будущем своих крепостных, он собрал сход и предложил крестьянам самим найти себе наследного хозяина с единственным условием: чтобы он принадлежал к роду Хомяковых. Выбор крестьян пал на его двоюродного племянника, молодого гвардейского сержанта Федора Степановича

Хомякова, на которого и было сделано завещание. Федор Степанович оказался достойным наследником. Он не только привел в образцовый порядок доставшиеся ему богатые имения, но и охотно помогал менее практичным соседям. По преданию, когда Екатерина II, проезжая через Тулу предложила местному дворянству открыть у себя банк, то получила неожиданный ответ: «Нам не нужно, матушка, банка; у нас есть Федор Степанович Хомяков. Он дает нам денег в заем, отбирает к себе во временное владение расстроенные имения, устраивает их и потом возвращает назад...»³⁵. Сын же его, Александр Федорович, с детства избалованный богатством, по всей округе прославился разгульным мотовством и, спустив все, что отец наживал неустанными трудами, своему наследнику Степану Александровичу оставил лишь долги да расстроенные дела. А Степан Александрович, поселившись в Москве, в Английском клубе азартно проигрывал в карты остатки отцовского состояния. Когда сумма проигрышей перевалила за миллион рублей, его супруга Марья Алексеевна (урожденная Киреевская) решилась на крайнюю меру: перевела все состояние непутевого мужа на свое имя, и, удалившись в деревню, основательно занялась хозяйством. Пристыженный супруг уехал в имение Липицы под Смоленском, однако вскоре тяжело заболел, и Марья Алексеевна перевезла его в Богучарово, терпеливо и заботливо ухаживая за ним. У Хомяковых была дочь Анна и сыновья Федор и Алексей. Старший Федор, любимец и надежда матери, в 1828 году был командирован от министерства иностранных дел на Кавказ в распоряжение графа Паскевича и в тот же год скончался. Зато второму сыну Алексею суждено было сыграть видную роль в развитии литературно-общественной жизни России.

Один из современников писал: «Русским людям подобает воздавать всякую честь А.С. Хомякову: он имеет для России непреходящее значение вещего пророка. (И родился он в Москве 1 мая 1804 г. в день пророка Иеремии)»³⁶. Когда Алексею исполнилось 8 лет, его семья, спасаясь от наполеоновских войск, подходивших к Москве, уехала в село Круглое Данковского уезда. Здесь, переживая военную грозу, Хомяковы прожили до 1815 года. Но так как следовало позаботиться об образовании подрастающих сыновей, они переселились в Петербург, а затем вновь вернулись в отстроенную после пожара Москву. Алексей, живой и впечатлительный, с юности отличался неумемной жаждой знаний и исключительными способностями: помимо европейских языков, которые знал в совершенстве, он изучал латинский, греческий, санскрит, увлекся

³⁵ Лясковский В.Н. Алексей Степанович Хомяков // Русский архив. 1896. Кн. 3. С. 342.

³⁶ Бартенев П. А.С. Хомяков // Русский архив. 1904. Кн. 3. С. 519.

медициной и математикой (и даже сдал впоследствии экзамен на степень кандидата математических наук). Русскую литературу ему преподавал друг Грибоедова писатель А. Жандр. С 15 лет Алексей начал печатать свои переводы и стихи в журналах.

Когда в 1821 году в Греции началась освободительная борьба против турецкого владычества, Алексей со всем юношеским пылом рвался сражаться на стороне восставших и, раздобыв фальшивый паспорт, бежал из дома, надеясь достичь далекой Греции с 50 рублями в кармане и отточенным ножом. Однако бдительный дядька Артемий, заметив исчезновение барчонка, забил тревогу и послал в Английский клуб за Степаном Александровичем. Недовольный барин, которого не вовремя оторвали от карт, круто взялся за старшего сына и быстро выяснил, в чем дело. Тут же была поднята на ноги московская полиция, незадачливого беглеца поймали за Серпуховской заставой и водворили под отчий кров. Отец же, чтобы дать выход воинственному пылу сына, счел за лучшее определить его в кирасирский полк. Командир полка Д.Е. Остен-Сакен вспоминал, что ему сразу понравился этот необыкновенный 17-летний юноша: «В физическом, нравственном и духовном воспитании он был едва ли не единица. Образование его было поразительно-превосходно, и я во всю жизнь мою не встречал ничего подобного в юношеском возрасте. <...> Ездил верхом отлично. Прыгал через препятствия в вышину человека. На эспадронах дрался превосходно. Обладал силою воли, не как юноша, но как муж, искушенный опытом»³⁷. Алексей познакомился с декабристами и печатал свои стихи в декабристском альманахе «Полярная звезда». П. Бартенев рассказывал, как Хомяков отчаянно спорил с Рылеевым, доказывая, что военная революция является самой несправедливой из всех возможных: «Смысл слов молодого офицера был таков: «Что такое войско? Это собрание людей, которых народ вооружил на свой счет и которым он поручил защищать себя: оно служит народу. Где же будет правда, если эти люди, в противность своему назначению, начнут распоряжаться народом по своему произволу?»³⁸. Хомяков ненавидел деспотизм в любых его проявлениях. Трудно предположить, как бы могла сложиться судьба этого горячего, экзальтированного юноши в момент декабристского восстания, но в это время он путешествовал по Европе.

Выйдя в отставку, Хомяков зимой жил в Москве, а на лето отправлялся в деревни, попеременно гостя то в смоленских Липицах, то у матери в Богучарове, то в селе Ивановском, где вдали от строгой материнской

³⁷ Письма М.П. Погодина к С.П. Шевыреву // Русский архив. 1882. Кн. 3. С. 83.

³⁸ Бартенев П. Биографические воспоминания о А.С. Хомякове // Русская беседа. 1860. Кн. 2. С. 33.

опеки он чувствовал себя полным хозяином. Его сближение с московскими славянофилами во многом обуславливалось тем, что некоторые из них (Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев) также имели поместья в Рязанской губернии. К восприятию же славянофильских идей Алексей Степанович был подготовлен и семейным воспитанием, и родовыми традициями. В доме Хомяковых царил культ русской старины, здесь знали историю своих предков на двести лет назад, благоговейно передавали из поколения в поколение родовые предания, старинные грамоты и вещи. П. Бартенев писал о Хомякове: «Древняя Русь была для него не одним предметом отвлеченного изучения; напротив, всеми лучшими сторонами своими, трезвою, искреннею верою, неподдельным чувством народного братства и здравым смыслом она вся жила в его душе»³⁹. Мать Алексея Степановича стремилась утвердить в семье атмосферу высокой религиозной нравственности. Хомяков признавался, что в характере матери его особенно привлекало великое чувство сопричастности историческим судьбам родной земли, «вера в Россию и любовь к ней. Для нее общее дело было всегда и частным ее делом. Она болела, и сердилась, и радовалась за Россию гораздо более, чем за себя и своих близких»⁴⁰. Эти черты унаследовал от матери и сам Хомяков. В одном из стихотворений он писал:

Как часто во мне пробуждалась
Душа от ленивого сна.
Просилась людям и братьям
Сказаться словами она!
Как часто, о Боже! рвалась
Вещать твою волю земле,
Да свет осияет разумный
Безумцев, бродящих во мгле!
Как часто, бессильем томимый,
С глубокой и тяжелой тоской
Молил тебя дать им пророка
С горячей и крепкой душой!
Молил тебя, в час полуночи,
Пророку дать силу речей, –
Чтоб мир оглашал он далеко
Глаголами правды твоей!
Молил тебя с плачем и стоном,
Во прахе простерт пред тобой,
Дать миру и уши, и сердце
Для слушанья речи святой!

³⁹ Бартенев П. Биографические воспоминания о А.С. Хомякове. С. 29–30.

⁴⁰ Лясковский В.Н. Алексей Степанович Хомяков. С. 392.

Ю. Самарин, заехав погостить к Хомякову в Ивановское, стал свидетелем этих истовых ночных молитв. Из-за приезда многочисленных гостей Самарину пришлось ночевать в комнате хозяина. «Далеко за полночь я проснулся от какого-то говора в комнате, – рассказывал он. – Утренняя заря едва-едва освещала ее. Не шевелясь и не подавая голоса, я начал всматриваться и вслушиваться. Он стоял на коленях перед своей походною иконою, руки были сложены крестом на подушке стула, голова покоилась на руках. До слуха моего доходили сдержанные рыдания. Это продолжалось до утра. Разумеется, я притворился спящим. На другой день он вышел к нам веселый, бодрый, с обычным добродушным смехом. От человека, всюду его сопровождавшего, я слышал, что это повторяется почти каждую ночь...». В этих ночных бдениях, как и в стихах Хомякова, изливалась его великая, страдальческая любовь к России, мучительная боль за ее неустроенность, за обездоленность ее народа и тайная вера в ее будущее историческое предназначение. Однажды эти молитвы отвели беду от самого Хомякова. Дворник его московского дома случайно услышал рассказ арестованных разбойников о том, как они намеревались под Тулой напасть на богатую барскую усадьбу, ночью подобралась к дому и ждали, когда погаснет свет во всех окнах. Но в одном окне все трепетал слабый огонек свечи. Подкравшись, они заглянули в окно и увидели человека, молившегося на коленях. Разбойники решили подождать. Свеча горела до рассвета, а утром они были замечены и схвачены пробудившимися слугами. Дворник поинтересовался, где же это случилось, и ему назвали Богучарово, имение его хозяина⁴¹.

Сам же Хомяков предпочитал делиться с друзьями комичными случаями. Например, Н.М. Языкову он писал о происшествии, взволновавшем всю Тулу. Из зверинца сбежал барс и начал нападать на людей. Губернатор объявил о награде в 400 рублей тому, кто убьет хищника. Но тульские обыватели плохо представляли, как выглядит барс, и какой-то ретивый охотник, переусердствовав, подстрелил огромную, редкостную собаку, недавно купленную Хомяковым. Губернатор послал чиновника с тройкой за добычей, приказав срочно доставить невиданного зверя к себе. Исполнительный служака привез убитого пса прямо к собору, где губернатор присутствовал на торжественной службе по случаю царского дня: «Народ, не дослушав молебствия, высыпал из собора, оглядел убитого зверя и решил, что это – «французский волк». После молебствия выступили из собора все власти в орденах и лентах с приличною важностью, осмотрели зверя, спросили мнения докторов. Доктор Геслер, муж ученый, осмотрел и решил, что это

⁴¹ Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1908. Кн. 2. С. 167.

«американская гиена». Два дня вся Тула ходила смотреть на чудовище, и все власти торжествовали победу; на третий день кучер мой пришел также посмотреть и объявил, что это-де борзая собака барина, по кличке Туман. Его хотели посадить на съезжую за то, что расстраивает радость народную»⁴².

В кругу славянофилов Хомяков стал общепризнанным лидером, но в отличие от многих был далек от восторженной идеализации прошлого. Наоборот, он считал, что современные беды России – это следствие прошлых исторических грехов, слепой беспечности поколений, не почувствовавших необходимости покаяния и не умеющих извлекать уроков из пройденного исторического пути. Хомяков утверждал: «Вообще, если можно характеризовать то, что я считаю нашею общею болезнию, одним словом, я бы ее назвал усыплением совести во всех. Иногда она и просыпается, но почти всегда спросонок не туда пойдет, куда следует»⁴³. К людям с уснувшей совестью было обращено одно из самых страстных его стихотворений:

Не говорите: «То былое,
То старина, то грех отцов,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».
Нет! этот грех – он вечно с вами.
Он в вас. Он в жилах и крови.
Он сросся с вашими сердцами –
Сердцами, мертвыми к любви.

Пробуждение чувства исторической ответственности, покаяние, нравственное очищение и сознательное культивирование лучших национальных традиций, идущих из глубины веков, он считал залогом будущего возрождения России. Поездки по Рязанскому краю также давали ему материал для исторических размышлений, он начал писать драму «Прокофий Ляпунов», от которой сохранилась лишь «Сцена в Рязани», повествующая о сборах рязанского ополчения, выступившего против польской интервенции.

Один из современников замечал: «Хомяков не принадлежит к числу тех лириков, которые любят воспевать свои личные чувства или туманно оплакивать разочарования своей жизни. Всегда возвышенная идея одушевляет лиру Хомякова, и когда он ее касается, то кажется жрецом, входящим в святилище, или прорицателем, который для народа своего снимает покров с его будущего. Поэзия для Хомякова была не

⁴² Письма А.С. Хомякова // Русский архив. 1884. Кн. 3. С. 204.

⁴³ Лясковский В.Н. Алексей Степанович Хомяков. С. 392.

простым искусством, но посланием свыше, действием веры, долгом жизни»⁴⁴.

В 1836 году 32-летний Хомяков обвенчался с 18-летней сестрой поэта Н.М. Языкова Екатериной. Молодая супруга вошла в его дом избранницей единственной на всю жизнь. В ранней юности Алексей и его брат Федор по требованию матери дали обет, что до брака не вступят в связь ни с одной женщиной, а после женитьбы обязуются блюсти святость брачных уз. И братья были верны своему слову. Катенька Языкова не отличалась красотой, была скромна до застенчивости, но обладала добрым сердцем, чуткостью и тактом, сумела поладить с требовательной свекровью и разделить духовные и хозяйственные интересы мужа. Для Хомякова она стала словно частью его собственной души, и когда в 1852 году Екатерина Михайловна внезапно скончалась, он был так потрясен, что друзья, испуганные его глубоким отчаянием, даже боялись оставлять его одного. Не менее тяжело переживал смерть Екатерины Михайловны и Н.В. Гоголь, близкий друг семьи Хомяковых и крестный отец их сына Николеньки. Алексей Степанович в письме А.Н. Попову (выходцу из-под Рязска) связывал свою семейную драму и последовавшую вскоре загадочную кончину Гоголя: «Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли; он говорил, что в ней для него снова умирают многие, которых он любил всей душой, особенно же Н.М. Языков. На панихиде он сказал: все для меня кончено. С тех пор он был в каком-то нервном расстройстве, которое приняло характер религиозного помешательства. Он говел и стал морить себя голодом»⁴⁵. Сам Хомяков жестокие удары судьбы принял с христианским смирением и в письмах высказывал предположение, что они посланы ему в наказание за то, что, увлекшись личным счастьем, он забыл о своей причастности к тревогам и бедам окружающего мира. Нерешенный крестьянский вопрос, доставшийся их поколению в наследство от декабристской эпохи, мучил совесть Хомякова и его прогрессивно настроенных современников. Не дожидаясь, пока правительство подвигнется на какие-либо преобразования, многие сами пытались искать новые формы социально-экономических отношений. Хомяков решил перевести крестьян на оброк и в то же время, занимаясь изучением более прогрессивных форм хозяйствования на земле, помогать им своим опытом. После смерти жены он с головой ушел в деревенские хлопоты. Проведя осень в Ивановском, Алексей Степанович сообщал Попову: «Отделавшись от своей трудной и скучной работы, вспоминаю об ней не без удовольствия

⁴⁴ Из бумаг С.П. Шевырева // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 79.

⁴⁵ Здесь и далее цитируется: Из писем Хомякова А.Н. Попову // Русский архив. 1884. Кн. 2. С. 316–319.

и живо чувствую то утешение, которое мне доставили полный успех моих сделок с крестьянами, их благодарность и одобрение многих помещиков, которые готовы, кажется, последовать моему примеру. Один даже принялся за дело. Если это пойдет, то не даром я трудился, и думаю, что пользу я принес большую, чем всеми возможными писанными мною статьями». Ю. Самарин, видимо, по наблюдениям, сделанным в Ивановском, писал о том, как хозяйствовал Хомяков: «Он часто созывал мирские сходки, выслушивал все требования и жалобы, делал все свои распоряжения гласно и открыто и никогда не прятался за личностью своих поверенных, как делают это многие добрые помещики, которые сознают всю тягость крепостных отношений и не решаются принять на себя ответственность за порядок вещей, которым сами пользуются»⁴⁶.

Недалеко от Ивановского в селе Баловнево было имение Л.М. Муромцева, с которым сдружился Хомяков. Дед Муромцева, прославивший оригиналом, еще в конце XVIII века начал строить для крестьян каменные дома, крытые черепицей, учил их разводить фруктовые сады и один из первых создал в своих имениях небольшие заводы (винокуренные, суконные, кожевенные). Хомяков же решил у себя поставить сахароваренный завод, начал изучать технологию производства и тут же вносил усовершенствования, придумав новую конструкцию печи. В письмах он иронизировал по этому поводу: «...Собираюсь уже просить привилегии на усовершенствование в добывании сахара, хотя, по правде, я еще ни фунта не добыл, а свекловицы попортил довольно». Одновременно он работал над улучшением сельскохозяйственных машин.

Природа щедро одарила Хомякова всевозможными талантами: кроме литературы он успешно занимался живописью, собирал материалы для задуманного им труда по всемирной истории, прилежно вникал в проекты церквей, которые возводил в своих селах, представил в военное министерство изобретенный им новый образец ружья, на Лондонской выставке получил патент за паровую машину собственной конструкции.хлопоты по заводу заставили его чаще бывать в Ивановском, хотя он и сердился в письмах Попову, что здесь отрезан от всего мира, что «Данковская почта, по всей вероятности, совершает кругосветное путешествие, прежде чем доходит до своего назначения. Я предлагаю имя города переменить и назвать Завальем, – шутил он, – туда попадешь, словно куда завалился...».

Посетив в очередной раз Ивановское осенью 1860 года вместе со старшим сыном Дмитрием, Хомяков, не думая долго задерживаться,

⁴⁶ Самарин Ю. Хомяков и крестьянский вопрос // Русская беседа. 1860. Кн. 2. С. 59.

отослал сына в Богучарово, пообещав вскоре приехать. Этот год был особенно насыщенным: по уездам не утихали толки о предстоящей крестьянской реформе. Хомяков был в числе тех, кто доказывал необходимость освобождения крестьян с передачей земли в их собственность. А тут еще в рязанской губернии вспыхнула очередная эпидемия холеры. Алексей Степанович, давно и успешно занимавшийся медициной, и теперь оказывал помощь больным. Однажды он похвалился: «Ведь я медик не из последних <...> Так, например, в моей практике из более чем тысячи острых болезней было у меня только три смертных случая...»⁴⁷. А вот себя он не уберег. Поздно вечером 22 сентября, отпустив управляющего, с которым долго беседовал о делах завода, Хомяков начал писать Самарину, делаясь с ним странным ощущением, недавно вселившимся в него: «Тому дня четыре, поздним вечером, то есть, как вы знаете, за полночь, подошел я к окошку. Ночь была необыкновенно ясна; далекая и глубокая даль отрезывалась отчетливо против ночного неба; почти полный месяц, уже на ущербе, плыл тихо, не слишком высоко над землею... и бесчисленное множество звезд покрывало все небо серебряною насыпью. Полюбоваться бы, да и заснуть; нет! Тут мне пришла мысль, несколько странная, но математически верная, о которой я и намерен с вами поговорить. Мне пришла мысль, что вся эта красота, которую я люблю, есть уже прошедшее, а не настоящее...»⁴⁸. Далее шло разъяснение, что для распространения света и звука нужен определенный промежуток времени (свет далеких звезд, например, доходит до людей через тысячи лет), значит, человек воспринимает звуковые и световые ощущения, ставшие уже прошедшим. Но сквозь отточенную логику философских доказательств на этот раз проступало нечто иное. Это было вещее пророчество души, предчувствующей близящееся прощание с земным миром, жизнь которого уже становилась для нее прошлым... Письмо обрывалось на полуфразе.

Уже несколько дней Хомяков чувствовал недомогание, которому не придавал серьезного значения. Теперь же ему внезапно стало так плохо, что он разбудил слугу. Сомнений не оставалось: это была холера. Утром из Баловнева прискакал встревоженный Муромцев, вызванный кем-то из слуг Хомякова. Муромцев пытался скрыть от друга, насколько он поражен его изменившейся внешностью: «Что с вами, Алексей Степанович? – спросил я у него, стараясь придать моим словам и твердость, и спокойствие. – Да ничего особенного: приходится умирать. Очень плохо. Странная вещь! Сколько народу я вылечил, а себя выле-

⁴⁷ А.С. Хомяков и М.А. Максимович // Русский архив. 1908. Кн. 1. С. 139.

⁴⁸ Предсмертное неоконченное сочинение А.С. Хомякова // Русская беседа. 1860. Кн. 2. С. 3–4.

чить не могу». Весь день Муромцев провел у больного. Принятые меры, казалось, подействовали, и Муромцев облегченно вздохнул: «Право, хорошо; посмотрите, как вы согрелись, и глаза посветлели». «А завтра как будут светлы!» – загадочно улыбнулся Хомяков. «Это были его последние слова, – вспоминал Муромцев. – Он яснее нашего видел, что все эти признаки казавшегося выздоровления были лишь последние усилия жизни»⁴⁹.

Хомяков был похоронен в Москве в Даниловом монастыре. И на его надгробии друзья высекли надпись: «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Самарин писал: «...В день похорон вы, конечно, заметили крестьянина в дубленом тулупе, который не спускал глаз с заколоченного гроба и обливался горячими слезами. Эти слезы красноречивее всякого надгробного слова...»⁵⁰.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему главным героем своей драмы Хомяков намеревался сделать Прокопия Ляпунова, в то время как его предшественники и современники, обращаясь к истории XVII века, избрали иные темы (см. А.П. Сумароков «Димитрий Самозванец», А.С. Пушкин «Борис Годунов»)?
2. Что, по вашему мнению, сближало Хомякова с Н.В. Гоголем?
3. Историко-философская тема в поэзии А.С. Хомякова.

⁴⁹ О кончине Хомякова. Письмо соседа-помещика // Русский архив. 1879. Кн. 3. С. 363–364.

⁵⁰ Самарин Ю. Хомяков и крестьянский вопрос. С. 60.

Глава 3

ЛИТЕРАТУРА

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

3.1. РОМАН В.С. СОЛОВЬЁВА «КАСИМОВСКАЯ НЕВЕСТА»: РЕАЛЬНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ

Всеволода Сергеевича Соловьёва современники называли «русским Вальтером Скоттом». Он вырос в семье, где мир древней русской истории стал словно второй жизнью. Отец Всеволода известный ученый С.М. Соловьёв до конца своих дней работал над многотомной «Историей России с древнейших времен». И не случайно Всеволод, увлекшись литературной деятельностью, стал писать исторические повести и романы, темы для которых он черпал из научных трудов своего отца. Основой романа «Касимовская невеста» стала разыгравшаяся в дворцовых теремах драма, о которой свидетельствуют немногочисленные документы XVII века.

В 1647 году 18-летний царь Алексей Михайлович, задумав жениться, велел собирать по всей земле достойнейших красавиц. Шведский посланник в России Фербер сообщал о том, что ему удалось разузнать: «14 февраля его царскому величеству представлены были во дворце в большой зале 6 девиц, выбранных из 200 других, назначенных для того вельможами, и царь избрал себе в супруги дочь незнатного боярина Федора Всеволожского; когда девица сия услышала о том, то от великого страха и радости упала в обморок; великий князь и вельможи заключили из того, что она подвержена падучей болезнью...»¹. Этот рассказ неточен. Федор (или Раф, как его чаще называли) был небогатым дворянином, сыном Родиона Всеволожского, некогда служившего на далекой Двине. Но судя по одной из царских грамот 1642 года, Раф был назначен касимовским воеводой. Грамота так и начиналась: «В Касимов воеводе нашему Рафу Родионовичу Всеволоцкому». В 1641 году эту должность занимал И.В. Вышеславец². С дочерью Рафа Афимьей (Ефимьей), которой было 16–17 лет, обморок случился не тогда, когда она узнала о царском выборе, а гораздо позже, когда ее взяли в Верх, нарекли царской невестой и когда она уже в царском облачении вновь предстала перед своим державным женихом, вероятно, перед обрядом обручения. Причиной ее обморока многие современники считали отнюдь не ее робость и волнение, а происки завист-

¹ Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 2. С. 43–44.

² Шумиков С. Материалы для истории Рязанского края // Тр. Ряз. учен. Арх. комис. 1897. Т. 12. Вып. 2. С. 321.

ливых придворных. Подьячий Посольского приказа Г. Котошихин, в 60-х годах XVII века бежавший в Швецию, в составленной для шведов записке о жизни русского царского двора так излагал эту историю: «И сведав царь у некоторого своего ближнего человека дочь, девицу добру, ростом и красотой и разумом исполнену, велел взяти к себе на двор и отдати в бережение к сестрам своим царевнам, доколе сбудется веселие и радость. <...> У некоторых бояр и ближних людей дочери были, а царю об них к женитьбе ни об единой мысль не пришла: и тех девиц матери и сестры, которые жили у царевен, завидуя о том, умыслили учинить над тою обранною царевною, чтоб извести... и скоро то сотворили, упоиша ее отравами...»³.

Англичанин С. Коллинс, в 1659 году поступивший на службу к Алексею Михайловичу в качестве врача, в придворных кругах услышал версию, что расстроить царскую свадьбу стремился прежде всего Борис Морозов, воспитатель царя, пользовавшийся при дворе огромным влиянием: «Как скоро царю наступила пора жениться, к нему свезли всех лучших красавиц из государства; одной, которая ему понравилась, он дал платок и кольцо; но когда она в другой раз явилась перед ним в царской одежде, Борис приказал так крепко завязать ей венец не ее голове, что она упала в обморок. Тотчас объявили, что у ней падучая болезнь...»⁴. Царь призвал родителей невесты к строгому допросу, гневаясь, что они скрыли страшный недуг дочери. Коллинс слышал, что Всеволожского секли кнутом в застенке, стараясь выведать правду. Несмотря на клятвенные уверения родных, что Афимья здорова, всю семью отправили в ссылку в Сибирь. Юный царь тяжело переживал неудачу своей помолвки. И хотя Фербер, писавший свое донесение по горячим следам, передавал: «Некоторые думают, что князь после Пасхи женится на другой»,⁵ – к Алексею Михайловичу целый год не могли подступить с разговором о новой невесте. Котошихин рассказывал: «Царь же о том велми печален был, и многа дни лишен был яди; и потом не мыслил ни о каких высокородных девицах, понеже познал о том, что то учинилось по ненависти и зависти»⁶. О том, что в ходе следствия действительно выяснилось, будто царскую невесту пытались извести, свидетельствует грамота, посланная в 1647 году в Кирилло-Белозерский

³ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2-е. СПб., 1859. С. 4–5.

⁴ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М., 1846. Вып. 1. С. 31.

⁵ Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. С. 44.

⁶ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 5.

монастырь: «По нашему указу послан к вам в Кириллов монастырь под крепкое начало боярина нашего Никиты Ивановича Романова крестьянин Мишка Иванов за чародейство и за косной развод и за наговор, что объявился в Рафове деле Всеволожского...»⁷.

Через год Алексей Михайлович обвенчался с Марией Ильиничной Милославской. А через десять дней состоялась другая свадьба: Борис Морозов женился на сестре царицы Анне Ильиничне, прочно укрепив таким образом свое положение при дворе. Видимо, это как раз и убедило окружающих, что устранение Всеволожской было необходимо именно ему, а не Никите Романову, чей мужик взялся чародейством изводить Афимью. Однако выгода не всегда приносит счастье. Неурядицы в морозовском доме не удалось скрыть от современников. Коллинс иронизировал по этому поводу: «Анна была им не совсем довольна, потому что он был старый вдовец, а она здоровая молодая смуглянка, и вместо детей у них родилась ревность, которая произвела кожаную плетть в палец толщиной». Коллинс рассказывал, будто бы один англичанин был сослан в Сибирь за то, что Морозов заподозрил его в слишком коротком знакомстве со своей женой. Да и могущество Морозова при дворе скоро пошатнулось. Вспыхнувший в Москве народный бунт заставил его бежать, скрываясь от расправы, и долгое время прятаться в Кирилло-Белозерском монастыре, там же, где отбывал наказание Мишка Иванов, обвиненный в чародействе над дочерью Всеволожского. Странные повороты бывают у судьбы.

Брак царя оказался удачнее. Радости семейной жизни согрели душу Алексея Михайловича, и он, вспомнив об изгнанниках Всеволожских, в качестве компенсации за все пережитое, в 1649 году назначил отца Афимьи воеводой в Верхотурье. Коллинс слышал, что у Афимьи, воеводской дочери, «было много женихов из высшего сословия, но она всем отказывает и бережет платок и кольцо», подаренные царем⁸. Может, она в самом деле с первого взгляда и на всю жизнь полюбила Алексея Михайловича, который, по свидетельству современников, был весьма хорош собой.

Через три года с Всеволожскими происходит странная история, о которой рассказывают официальные документы. Царь весной 1652 года отправил Рафа воеводствовать в Яранск. Похоже, что Всеволожских милостиво переводили ближе к центру России, что давало надежду на возможность со временем вернуться в Москву. Но неожиданно царское решение переменялось, и Алексей Михайлович послал новую грамоту,

⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 4. С. 31.

⁸ Коллинс С. Нынешнее состояние России. С. 31–32.

требуя догнать Рафа, если он выехал в Яранск, и отправить его «с приставом» в Тобольск, еще дальше в глубь Сибири. Причем велено доставить его в Тобольск «тотчас», «без всякого замотчанья»⁹. Список грамоты пострадал от времени, целые куски текста утрачены, поэтому трудно понять, что вызвало такую перемену: была ли в этом государственная необходимость или это было новой царской опалой? С приставами обычно возили арестованных. Затем Раф оказался в Тюмени, причем не вполне ясно, в каком качестве: переведенного по службе или ссыльного? В списке сибирских воевод, составленном в тобольской архиерейской канцелярии, Всеволожский значится верхотурским воеводой с 1649 по 1651 год, но ни в Тобольске, ни в Тюмени в 1652 году его имя не упоминается¹⁰. Вскоре Федор скончался. Его осиротевшей семье царь позволил вернуться в их вотчину под Касимовым, но деревенская жизнь Всеволожских скорее напоминала домашний арест. В грамоте 1653 года, посланной касимовскому воеводе, царь сообщал: «По нашему указу велено Рафову жену Всеволоцкого и детей ея, сына Андрея и дочь с людьми отпустить с Тюмени в Касимов с приставом, с тюменским сыном боярским; и быти ей и с детьми, и с людьми в Касимовском уезде в дальней их деревне; а из деревни их к Москве и никуда отпущати не велено»¹¹. В касимовской глуши «порушенная» царская невеста прожила недолго, скончавшись около 1657 года. Может, сибирская ссылка подорвала ее здоровье, а может, одолела неизбывная печаль да терзавшие сердце воспоминания.

Характерно, что в царской грамоте указано имя сына Федора – Андрея, но пропущено имя дочери. Официальная придворная жизнь не терпела нарушения внешней торжественно-величавой парадности, поэтому опальных государевых невест, ставших жертвами дворцовых интриг, ревниво скрывали в дальних ссылках или монастырях. Даже имя их оказывалось под запретом. Но со смертью Афимьи было похоронено все, что могло напомнить о скандальной истории, разыгравшейся в царских теремах, и на следующий год ее брата Андрея милостиво определили на службу в Москву. Его два сына, Яков и Федор, также будут впоследствии приняты в услужение при дворе. В 1683 году Федор значился стряпчим при дворе Федора Алексеевича (сына царя Алексея Ми-

⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 4. С. 165.

¹⁰ Краткое показание о бывших в Тобольске, как и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах, губернаторах и прочих чинах. Тобольск, 1792. С. 10–11, 30, 54.

¹¹ Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Изд. 2-е. Рязань, 1891. С. 99.

хайловича), а Яков, тоже начавший карьеру стряпчим, в 1686 году уже числился стольником.

Недостаток исторических сведений Соловьёву пришлось восполнять художественной фантазией. Видимо, ему не было известно, что Раф Всеволожский некогда служил воеводой в Касимове, и потому в романе Раф оказывается захудалым провинциальным дворянином. Автор пишет о нем: «Давно уже, поболее четверти века будет, безвыездно поселился он в своей касимовской вотчине». Однако, если обратиться к составленному П.И. Ивановым «Алфавитному указателю фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах» (М., 1853), оказывается, что незадолго до описанных в романе событий, в 1640 году Раф числился еще московским дворянином и, видимо, выехал в Касимов в связи со служебным назначением. Так или иначе, но при дворе он был известен, недаром Котошихин назвал его «ближним человеком», знакомым царю, а Фербер даже счел боярином. Неясно, каким образом его дочь оказалась среди шести претенденток, представленных на выбор Алексею Михайловичу, поэтому Соловьёв вводит в свое повествование опытного царедворца, боярина Пушкина, для которого красота Афимьи – лишь удобный козырь в придворных интригах. Возможно, и впрямь одна из боярских партий стремилась с помощью родни новой царицы ослабить влияние при дворе всесильного Бориса Морозова. Однако вполне доверяя свидетельству Котошихина, Соловьёв показывает, что на женской половине дворца царскую невесту встретило почти единодушное затаенное недоброжелательство. В романе искренне симпатизирует Афимье лишь шутиха Катерина, но ее сочувствие и предостережения оказываются бессильны против общего заговора. Соловьёв использует все существующие документальные версии о том, как пытались расстроить царскую свадьбу: это и «колдовство» Мишки Иванова, и туго стянутый головной убор, ставший причиной обморока Фимы. Для усложнения авантюрной интриги автор создает образ хитрой, предприимчивой и корыстной Манки Харитоновой, подкупленной Морозовым.

Роман строится на контрастах: лукавым царедворцам противопоставлен прямодушный Раф Всеволожский, «злодейке» Манке – кроткая красавица Фима, отъявленному разбойнику Якову Осине – благородный и самоотверженный Дмитрий Суханов. Автор использует в своем произведении и классическую схему любовного треугольника, но без положенного в таких случаях противоборства: Суханов отстоял Фиму от посягательств Якова, но не может соперничать с царем. Однако безответная преданность Дмитрия своей любимой даже тогда, когда у него нет надежды на взаимность, готовность ради Фимы пожертвовать жиз-

нию оттеняют слабость и неустойчивость характера Алексея Михайловича, не сумевшего до конца бороться за свое счастье.

Внутренний мир молодого царя, данный в динамике сложных противоречий, наиболее удачно изображен в романе. Алексей – порождение своей эпохи, ее представлений и нравов. Радужная доброта и юношеское мягкосердечие уживаются в нем с любовью к азартным кровавым потехам – охотам и медвежьей травле, глубокая религиозность – с языческой верой в магическую силу «сглаза», «наговора», «вынутаго следа». Но так как юная душа всегда тяготеет к романтике, то фантастические рассказы странников о полуптицах-полулюдях производят на него гораздо большее впечатление, чем нравоучительные рассуждения церковных сборников. Его неожиданный для всех поступок при выборе невесты – это, может быть, первая попытка взрослого человека проявить самостоятельность, вырваться из-под мягкого, но настойчивого диктата своего наставника. Соловьёв уверен, что такой решительный шаг не мог быть сделан под влиянием минутных эмоций. Действительно, московские цари, выбирая невесту, старались заранее, до официальной церемонии избрания ознакомиться с претендентками. Для этого существовали различные способы, позволявшие обойти традиционные запреты, согласно которым жених не должен был до обручения встречаться со своей невестой. Романист предположил, что переодетый Алексей Михайлович мог посетить терем, где жили привезенные для смотрин красавицы, вместе с развлекавшими их песенниками и музыкантами.

Автор показывает, как незаметно меняются взаимоотношения Алексея и Морозова: если в начале романа Алексей с детской доверчивостью открывает боярину свою душу, а тот по-хозяйски распоряжается в царской спальне, то после посещения Алексеем царевниных теремов Морозов заискивает и готов даже прослезиться, чтобы вызвать на откровенность своего воспитанника, но Алексей упорно уходит от ответа: «Может, в первый раз в жизни присутствие Морозова казалось ему надоедливым, несносным». Алексей не обладает сильным характером. Хотя он и носит титул царя, а Морозов называет себя «верным холопом», но, когда они остаются наедине, главенство принадлежит Морозову и Алексей не осмеливается ему противоречить. Он хитрит, усыпляя бдительность боярина, и уклончиво хвалит Милославскую, которую тот старается навязать царю. Даже воспользовавшись тем, что в официальной обстановке царских смотрин боярин не сможет оспаривать действия самодержца всея Руси, Алексей все же побаивается своего опекуна. Взяв с подноса кольцо «дрожащей рукой», он «быстро сделал несколько шагов по направлению к девушкам-невестам», словно опасаясь, как бы

его не остановили. Обрисованный Соловьёвым характер Алексея Михайловича вполне соответствовал его историческому облику; точно так же впоследствии будет вести себя царь с властным и энергичным патриархом Никоном.

Колоритно, с тонким знанием подробностей изображены в романе быт и обрядность XVII века: медвежья трапля, подготовка к смотринам царских невест, распорядок дворцовой жизни, убранство царских палат, особое значение, придававшееся царскому постельному белью (недаром должность постельничего была одной из главных во дворце). Но некоторая схематичность образов, слишком прямолинейное противопоставление положительных и отрицательных героев в романах Соловьёва, а также склонность автора к романтическим элементам привели к тому, что современная критика объявила его произведения «лубочной литературой». Однако у широкой публики романы Соловьёва, несмотря ни на что, имели успех. Они будили интерес к русской истории, к ее малоизвестным страницам, к человеческим судьбам, о которых порой скупно говорят строки официальных документов, но которые близки читателю вечными, общечеловеческими драмами неразделенной любви, несбывшихся надежд, нереализованных возможностей и вечным стремлением человеческого сердца к добру, красоте и справедливости.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы думаете, зачем введены в роман «Касимовская невеста» рассказы о судьбах Марьи Хлоповой и царевны Ирины, предваряющие сцену царского обручения?
2. Сопоставьте две сцены ночных разговоров царя Алексея и боярина Морозова: как рисует автор изменение их взаимоотношений?
3. Почему царь, даже узнав о том, что Афимью безвинно оговорили, не решился на ней жениться?

3.2. ПИСАТЕЛЬНИЦА Н.Д. ХВОЩИНСКАЯ

Среди литературных имен Рязанского края имя Надежды Хвощинской занимает почетное место. Н.Д. Хвощинская – одна из самых талантливых русских писательниц XIX века, о прозе которой тепло отзывались такие авторитетные критики, как А.М. Скабичевский, П.Д. Боборыкин, А.А. Григорьев, которую высоко ценили И.А. Гончаров и Н.А. Некрасов, а М.Е. Салтыков-Щедрин долгие годы (вплоть до закрытия журнала)

печатал в своих «Отечественных записках». Наследие ее обширно и многогранно: Надежда Дмитриевна помимо художественной прозы, которая составляет основной массив ее произведений, писала стихи, активно работала в жанре литературной критики, выступала в качестве переводчика с французского и итальянского языков – и заслуживает, бесспорно, более пристального внимания.

Н.Д. Хвоцинская родилась 20 мая 1824 года в Пронском уезде Рязанской губернии в небогатой дворянской семье. Детство ее было не легким. Отец Хвоцинской, Дмитрий Кесаревич, человек интеллигентный и порядочный, был несправедливо обвинен в растрате, отстранен от должности, и Хвоцинские долгие годы пребывали в крайне стесненном материальном положении, граничащим с бедностью. Тяжелое это время было памятно писательнице всю жизнь. Семья выстояла прежде всего благодаря самоотверженным усилиям ее матери, никогда и ни в чем не упрекнувшей мужа и вынесшей на своих плечах все заботы по ведению домашнего хозяйства. Надежда Дмитриевна говорила позже, что мать показала ей пример «мужественного терпения и труда, выше которого ей не дала никакая книга».

Из-за недостатка средств девочка не смогла поступить в пансион и получила домашнее образование. Сначала ее учил студент местной духовной семинарии, а потом сами родители. У отца была большая по тем временам библиотека, и Хвоцинская рано пристрастилась к чтению преимущественно французской и переводной литературы. Она увлекалась Шиллером и Данте, зачитывалась Шекспиром, но подлинным ее кумиром стал Гюго. Читая его романы, Хвоцинская поняла, что искусство не существует само для себя, оно должно иметь цель, и цель высокую. С русской словесностью дело обстояло сложнее. Оригинальных русских книг в ту пору выходило мало, едва ли не вся наша литература была сосредоточена в литературно-художественных, так называемых «толстых» журналах, выписывать которые Хвоцинским было не на что. Приходилось довольствоваться разрозненными номерами, случайно попадавшими в дом. О существовании Гоголя, например, Хвоцинская впервые узнала из враждебно настроенных по отношению к нему рецензий, а с критикой Белинского, которого впоследствии считала своим учителем, познакомилась уже будучи взрослой девушкой. Так складывалось ее образование, довольно объемное, но бессистемное и не имеющее руководящего начала, столь необходимого в юности. Круг же ее жизненных впечатлений был крайне узок и ограничивался стенами родительского дома. Достигнув соответствующего возраста, Хвоцинская, следуя традиции, стала выезжать на балы, которые были в губернском городе едва ли не единственным местом общения молодежи, но

скоро оставила это занятие, так как не по годам развитую девушку не удовлетворял уровень губернских развлечений.

Не найдя в обществе отклика на свои интеллектуальные запросы, она стала вести все более уединенный и замкнутый образ жизни, а чтение превратилось для нее в единственную отдушину в сером и скучном однообразии провинциального быта. К середине 1840-х годов относятся первые литературные опыты будущей писательницы. Хвоцинская пробует сочинять стихи, ведущей темой которых является грустное осознание своего духовного одиночества среди окружающих, пустоты и бессмысленности провинциального существования. В ее девичьей поэзии отчетливо слышится тоска по иной, более интересной и наполненной жизни.

Стихи были слабы в художественном отношении, но они содержали мотивы и темы, которые затем с большим талантом и глубиной были развиты писательницей в прозе: тоска по высоким идеалам, поиски выхода из гнетущей социальной действительности, обличение паразитического образа жизни крепостного барства, глубокое сочувствие к страданиям обездоленных. Поэтесса обличает эгоизм светского дворянства. Стихотворение «Слово» может служить эпиграфом ко всему творчеству Хвоцинской, сильному своей критической стороной:

О, если бы из слов, и лишних, и напрасных,
Что даром тратятся, из шуток вздорных, праздных,
Из лицемерных клятв, клевет, обманов злых,
Корыстных, ропота, ничтожных сожалений,
Из всех безжалостных, расчетливых суждений
Холодной мудрости, забывшей о других, —
Избрать слова – и в песнь сложить их, чтоб предстали
Пустые люди в ней живыми и узнали
Себя, как в зеркале, и чтобы образ свой
Возненавидели и, отвращая взоры,
Постигли правоту и гнева, и укора
Тех, что с презрением зовут они толпой.
Пусть будет эта песнь не песнью примиренья;
Но слову на земле есть также назначенье,
И пусть хоть раз один оно его свершит,
И если не за мир, неправдою несчастный,
Так за себя, сто раз звучавшее напрасно –
Пускай торжественно то слово отомстит!

Стихотворения эти были опубликованы на страницах «Иллюстрации» в 1847 году. Между редакцией и начинающей поэтессой завязалась переписка. Отмечая ее несомненное дарование, редактор посоветовал де-

вушке попробовать свои силы в прозе. Хвощинская последовала этой рекомендации и начала работу над своим первым прозаическим произведением – повестью «Анна Михайловна». Свои занятия литературой она хранила в глубокой тайне, так как рязанское общество не было еще готово к тому, чтобы признать художественное творчество делом, приличествующим «порядочной» девушке. Позднее писательница так вспоминала о периоде работы над «Анной Михайловной»: «Писалась моя первая повесть тайно по ночам и на день пряталась под тюфяк... Рязанское общество уже звало меня сумасшедшею, и два года таилось писательство, пока не открыл его мой отец, давший ему волю с первого часа»¹².

Повесть была опубликована в 1850 году в журнале «Отечественные записки» и положила начало профессиональной литературной деятельности Надежды Дмитриевны, не прекращавшейся до самой ее смерти. В 1856 году умер Дмитрий Кесаревич Хвощинский, и писательский труд стал единственным источником существования Надежды Дмитриевны и ее близких.

«Анна Михайловна» неизбежно должна была иметь и имела автобиографический, или, точнее, скрыто автобиографический характер. Хвощинская не была в той ситуации, в которую попадает героиня повести (фабула ее заключается в том, что чистая и порядочная девушка, несправедливо обвиненная в безнравственном поведении, вынуждена покинуть светское общество), но могла бы быть, и если бы вдруг оказалась, то вела бы себя точно так же, как и ее персонаж. Другими словами, говоря об автобиографизме повести, мы имеем в виду не события, в которых принимает участие Анна Михайловна Топилина, а ее внутреннюю суть, и суть эту Хвощинская, несомненно, писала с себя. С этой в общем-то банальной истории писательница начинает свою многотомную провинциальную сагу, и в «Анне Михайловне», несмотря на ее вполне объяснимое несовершенство, уже заложены система образов и направление конфликта будущих произведений. Это столкновение губернского «большого света» и одинокого положительного героя (реже героев), которого этот свет в той или иной форме отторгает. Причем главное здесь – пафос отрицания, детальное и подробное воспроизведение вкусов и привычек светского общества, своего рода препарирование этого мало тогда известного русскому читателю социального организма. Этот пафос отрицания и является главной составляющей успеха, выпавшего на долю Хвощинской после «Анны Михайловны» и других произведений, посвященных нравам и обычаям провинциальной вер-

¹² Семеновский В.И. Н.Д. Хвощинская – В. Крестовский-псевдоним. Биографический очерк // Русская мысль. № 10. С. 53.

хушки. Положительный же герой этих произведений зачастую играет подсобную роль абстрактного носителя нравственных достоинств, той мишени, для поражения которой аккумулируется разрушительная энергия губернского высшего света.

Близкая знакомая Надежды Дмитриевны А. Каррик в позднейших воспоминаниях так охарактеризовала начало деятельности Хвоцинской на поприще романистки: «В «Анне Михайловне» талант автора сказался в чрезвычайно живом и верном изображении дамского провинциального общества того времени, с его мелкими интересами и порываниями раздуть их в нечто крупное, общественное, припутать к ним нравственные вопросы. Прекрасный слог, мастерское умение обрисовать типы тонкими и меткими штрихами и замечательная способность придавать незамысловатой фабуле захватывающий интерес сразу показали, что в лице В. Крестовского объявился недюжинный талант»¹³. Так с выходом в свет повести «Анна Михайловна» в русской литературе появилось новое имя – В. Крестовский. Этот псевдоним возник случайно. Писательница вышла из дома и спросила фамилию первого попавшегося ей подростка. Он назвался Крестовским. Фамилия понравилась не только звучанием, но и тем, что подросток оказался сыном очень небогатой женщины. С этого времени все произведения Хвоцинской выходят под этим псевдонимом. Не отказалась писательница от него даже тогда, когда в литературе появился подлинный Вс.В. Крестовский, автор широко известного романа «Петербургские трущобы». Только после этого Хвоцинская стала подписываться «В. Крестовский-псевдоним».

В 1852 году Хвоцинская впервые получила возможность несколько расширить круг своих наблюдений, ограниченный до сих пор рязанской городской заставой. Вместе с отцом она приезжала в Петербург, где, по свидетельству В.И. Семеновского, «...у нее были родные, принадлежавшие к высшему кругу. Одна из кузин писательницы была близкой родственницей канцлера Горчакова. В литературном мире она познакомилась с Краевским и с кружком литераторов, собиравшихся у него в назначенные дни»¹⁴. Впечатления, вынесенные от общения со столичным бомондом, также были использованы писательницей в дальнейшей творческой работе. К сожалению, петербургский вояж был непродолжителен, и Хвоцинская скоро вернулась в Рязань, где она прожила практически всю жизнь. В этом смысле она представляет собой уникальное явление в нашей литературе: Надежда Дмитриевна едва ли

¹³ Каррик А. Из воспоминаний о Н.Д. Хвоцинской-Зайончковской (В. Крестовский-псевдоним) // Женское дело. 1899. № 9. С. 41.

¹⁴ Семеновский В.И. Н.Д. Хвоцинская – В. Крестовский-псевдоним. С. 52.

не единственный прозаик такого масштаба, живший и не одно десятилетие творивший в провинции. Без литературной среды, без нормального творческого общения, без друзей, окруженная лишь своими персонажами, безжалостно высмеиваемыми ею в ее книгах, – и так годами. Недаром критике порой казалось, что время в ее романах остановилось. Они упрекали Хвощинскую в нежелании реагировать на современные животрепещущие вопросы, недоумевали, почему так мало перемен в ее художественном пространстве. Никто не задался мыслью, а много ли перемен в Рязани? Петербург и провинция жили по разным календарям. Хвощинская же могла писать только о том, о чем имела твердое представление, что лично пережила и перечувствовала. Ее биограф Семеновский отмечает в посвященном писательнице очерке: «Я писала только то, что видела и знала», – говорила она, и немало дивилась Надежда Дмитриевна нашим беллетристам, берущимся описывать вещи, которые едва ли удастся видеть женщине»¹⁵.

Новизна в постановке проблем действительно не была и, как отмечает один из исследователей творчества Хвощинской А.И. Тыминский¹⁶, не могла быть сильной стороной таланта писательницы. Сила Хвощинской была в другом: в ярко выраженной этической направленности ее прозы и тщательной психологической проработке характеров. Ее мир был замкнут в пределах губернского города, но это был сотворенный ею мир: с подробным описанием домов и расположением улиц, с переходящими из романа в роман персонажами и с генеалогией семейств, с порядком течения службы в присутствиях и правилами нанесения визитов. В этот мир надо входить не спеша, и тогда в нем многое откроется внимательному читателю. В фактической стороне своих произведений Надежда Дмитриевна всегда стремилась к максимальной достоверности. Вот что рассказывает Семеновский о ее творческой лаборатории: «Свои произведения она отделявала с величайшей тщательностью. Ее всегда сердила небрежность в работе многих беллетристов и беллетристок, и в одном из своих критических фельетонов она рекомендовала товарищам по профессии, во избежание анахронизмов в их произведениях, составление хронологических таблиц, в каком году действующие лица их романов родились, учились, женились и т.п. Перед нами одна из таких небольших бумажек, представляющая не только хронологию дейст-

¹⁵ Семеновский В.И. Н.Д. Хвощинская – В. Крестовский-псевдоним. С. 53.

¹⁶ Тыминский А.И. Приемы создания образа положительного героя в повести Н.Д. Хвощинской «Свидание» // Проблемы метода, жанра и стиля в русской литературе : межвуз. сб. науч. тр. М., 1991 ; Тыминский А.И. Свидетельство очевидца (Творчество Н.Д. Хвощинской) // В помощь учителю-словеснику. Рязань, 1994. С. 188–199.

щих лиц романа «Обязанности», но также количество душ крестьян одного из героев, размер дохода, а также планы дома, двора и сада...»¹⁷.

В 1853–1856 годах Хвоцинская создает трилогию «Провинция в старые годы» («Свободное время», «Кто же остался доволен?», «Последнее действие комедии»), в которой, в целом оставаясь в пределах тематики, заявленной уже в «Анне Михайловне», переходит к новому для себя жанровому способу художественного освоения действительности – роману. Мастерство ее ощутимо возрастает, что сказывается и в большей продуманности композиции, и в напряженности сюжета, но прежде и более всего – в усложнении психологического рисунка образов персонажей (преимущественно отрицательных), достигающих в отдельных случаях уровня типических характеров. Таковы, например, Перевицкий из романа «Свободное время» или Катерина Михайловна Воронская из романа «Кто же остался доволен?».

Герои этих романов – те же робкие, одинокие в своей семье девушки, не видящие никаких проблесков радости, и противостоящий им лагерь наглых, самоуверенных людей без совести и чести, с морально растленной душой. Особенно яркая картина семейной драмы нарисована в романе «Последнее действие комедии». В семье Оршевских воплощены типичные для помещичьей среды черты вырождения и упадка. Отец – кутила и пьяница, развратник, женившийся в ранней молодости ради денег. Сын получил по наследству те же качества, только в нем даже отсутствует жажда наслаждений и активность, свойственные отцу. Он живет по инерции, ни о чем не желая думать, ни к чему не стремясь. Мать – жестокая самодурка, в зрелые годы купившая себе красавца мужа, а в старости мстящая всем, даже дочери, за свое несостоявшееся семейное счастье. Окружающее Оршевских общество состоит из таких же бездушных, корыстолюбивых, фальшивых людей, лишенных всех подлинно человеческих свойств. Со злой иронией изображает писательница ханжескую благотворительность этих тунеядцев, болтающих о помощи обездоленным. Старший Оршевский и выжившая из ума княгиня Десятова организовали богадельню для безродных старух. Для Оршевского это было просто очередным развлечением, поводом для либеральной болтовни и пустых хлопот ради провождения времени. Но для несчастных старух «благодения» Оршевского обернулись трагически. В богадельне над ними издевались, их морили голодом, показывали различным посетителям, как животных в зоопарке.

Отношения в семье Оршевских, как и в других светских семьях, построены на расчете: каждый старается как можно больше урвать для себя за

¹⁷ Семеновский В.И. Н.Д. Хвоцинская – В. Крестовский-псевдоним. С. 59.

счет другого, нисколько не заботясь о том, что будет с его близкими. Отец проиграл в карты все состояние жены и детей и решил женить сына, чтобы поправить свои дела. Он не отступил от своего намерения даже тогда, когда узнал, что эта женитьба разобьет счастье дочери, сделает невозможным ее брак с любимым человеком. Не пожелал помочь сестре и брат, хотя он вообще не любил невесту, навязанную ему отцом. Молодые, честные люди – дочь Оршевского и ее жених, мечтающие вырваться на свободу и страстно борющиеся за свое счастье, право на полноценную жизнь, осуждены в этой среде на трагическую гибель.

Роман «Последнее действие комедии» получил положительный отклик Н.А. Некрасова, который в своих суждениях проницательно вскрыл наиболее характерные черты творчества Хвоцинской. В романе, замечает Некрасов, «высказались все достоинства и недостатки этого автора». Он подчеркивает важность проблем, которые ставит Хвоцинская в своем творчестве, в отличие от других женщин-писательниц. Она стремится пробудить «негодование ко всему низкому и презренному... касается серьезных общественных вопросов»; у нее «энергия, мысль и правда идут дружно об руку»; в романах Хвоцинской «слышится наблюдательность и мысль». Но даже Некрасов говорит о серьезных недостатках произведений писательницы: «Если б в повестях г-жи Крестовской было поменьше «книжности» и побольше жизни, они поспорили бы с лучшими произведениями новейшей литературы. Резонерство и ум, переходящий в умничанье, – вот коренной их недостаток, тем более важный, что благодаря ему при всех своих достоинствах, повести г-жи Хвоцинской скучны... В ущерб художеству она любит слишком много анализировать и рассуждать... Пусть автор отрешится от этой замашки незрелых талантов, пусть он вспомнит, что все истинные художники скупы на слова, от своего лица говорят кратко и мало... Еще посоветуем автору, для будущих его успехов, прятать как можно подальше от читателя свою личную мысль, нерасположение к тому или другому лицу и казнить своих героев их же поступками. Осветите только ровным, правдивым светом ваши фигуры, и, поверьте, читатель все поймет. Тепло, гуманно перо автора, но торопливо и слишком резко там, где должны всплыть наружу все качества героя, и часто автор, совершенно некстати, выскакивает сам на страницы своего романа»¹⁸.

И в последующие годы Некрасов внимательно и сочувственно следил за творчеством Хвоцинской, считая ее человеком близким себе по убеждениям. В конце 1860-х годов, как только журнал «Отечественные записки» перешел в его руки, Некрасов сразу же пригласил писательницу быть постоянным сотрудником журнала.

¹⁸ Некрасов Н.А. Литературная критика. М., 1982. С. 267.

Говоря о прозе Хвощинской конца 1850-х годов, нельзя не упомянуть произведения, посвященные проблеме, занимавшей все передовое русское общество того времени. Это проблема предназначения женщины, и о решении ее Надежда Дмитриевна, конечно же, не могла не думать. Свои раздумья писательница запечатлела в повестях «Братец» (1858) и «Пансионерка» (1860), в которых изображены две полярные модели поведения женщины в современных ей условиях жизни.

Повесть «Братец» рассказывает о семействе мелкопоместных дворян Чиркиных, состоящем из вдовы помещика Чиркина Любови Сергеевны, трех ее дочерей и сына Сергея Андреевича, который и имеется в виду в заглавии повести. Для него, «братца», и жила вся семья, отказывая себе во всем, чтобы выучить «Сержиньку», вывести его в люди. Он и вышел, став важным петербургским чиновником. Махровый эгоист, Сергей Андреевич совершенно парализовал волю без памяти влюбленной в него старухи-матери, а сестер оставил без гроша, правдами и неправдами присвоив их часть отцовского наследства. Бедные женщины навсегда были лишены надежды на замужество, принеся свои жизни в жертву безжалостному Молоху – «братцу». С неподдельной горечью описывает автор существование своих словно заживо похороненных героинь: «...сестры были уже старухи. В деревне, в глуши, женщины стареют скоро. С детства, в лучшую пору, не было средств, не было своей воли, не было случая, следовательно, и желания наряжаться, заботиться о себе; равнодушие к своей особе сделалось привычкой. Потом, позже, когда первые седые волосы, усталые веки, складки у рта напомнили, что произошло и невозвратно прошло прекрасное время, является вдруг болезненно-грустное, болезненно-озлобленное чувство: равнодушие, перешедшее в отчаяние. «Все равно, дурна ли, хороша ли я; меня никто не видит; я никому не нужна...». И, однажды сказав себе это, женщина принимается стареть безобразно, неизящно и стареет скоро...»¹⁹. Так пройдут годы и годы, но ничего не изменится в жизни сестер. Могильным холодом веет от заключительной фразы повести: «В Акулеве все живут по-прежнему».

По-иному складывается судьба героини повести «Пансионерка» Леленьки Гостевой. Послушная дочь и примерная ученица, она «твердит» уроки и вышивает на пяльцах, всем довольна и не помышляет даже, что может быть как-то иначе. Так бы и прошла Леленькина жизнь, растворилась бы в мелочах провинциального быта, но сосед Гостевых, политический ссыльный Веретицын, раскрыл девочке глаза на скуку

¹⁹ Здесь и далее цит.: В. Крестовский-псевдоним. Собрание сочинений : в 5 т. СПб., 1892. Т. 1. С. 67.

и бессмысленность подобного существования. Леленька бросила пансион, в котором шла одной из первых, и умолила свою петербургскую тетушку забрать ее к себе. Через восемь лет мы встречаемся уже не с наивной провинциальной девушкой Леленькой, а с серьезной и современной женщиной Еленой Васильевной Гостевой. Мы узнаем, что она закончила петербургский пансион и рисовальную школу, а сейчас живет своим трудом (копирует для продажи картины в Эрмитаже и делает переводы), поддерживает знакомства в среде столичной интеллигенции, посещает театры, много читает, словом, ведет разнообразную, насыщенную впечатлениями жизнь энергичной и образованной женщины. Главное для Елены Васильевны – независимость. Ради независимости она не вышла замуж, чтобы не попасть под «иго любви», никогда не пользуется ничьими услугами, не берет ни у кого денег, а про оставленную в родном городе семью даже не вспоминает. Эта независимость досталась Гостевой дорогой ценой, и она не променяет ее ни на что на свете.

Критика горячо приветствовала «Пансионерку» как положительное явление в русской жизни, а главную героиню повести восприняла как пример для подражания женщине, стремящейся к осмысленному существованию, своеобразный выход для «запуганных старых дев», изображенных в повести «Братец». Вот, например, что писала о повести «Пансионерка» Е.А. Колтоновская: «Единственная светлая точка в нарисованной Хвоцинской провинциальной картине, это – Леленька в «Пансионерке», натура яркая и смелая, неспособная к уступкам и компромиссам. Из таких натур только и мог выработаться тип новой женщины, не побоявшейся резко порвать со старыми традициями и вступить на трудный путь самостоятельной жизни за свой страх»²⁰. Этой же точки зрения на главную героиню придерживаются и некоторые современные исследователи. Между тем подобная оценка героини никак не вытекает ни из контекста повести, ни из отношения Хвоцинской к женскому вопросу. А. Каррик вспоминает по этому поводу: «...начало проглядывать между мною и Хвоцинскими (Надеждой Дмитриевной и ее сестрой Софьей Дмитриевной) несходство воззрений на некоторые вопросы и, главным образом, на вопрос о семейных отношениях, о положении женщины. Вопрос этот в ту пору уже назревал, и я часто бывала в кружках, где он горячо дебатировался. Отголоски наших споров слышатся в заключительной оценке повести Надежды Дмитриевны «Пансионерка». Я указывала на примеры семейного гнета, ничем не скра-

²⁰ Колтоновская Е.А. Н.Д. Хвоцинская (В. Крестовский-псевдоним) // Колтоновская Е.А. Женские силуэты. СПб., 1912. С. 75.

шенного, утверждала, что можно и должно рваться на свободу, когда условия жизни отупляют, опошляют, душат все способности, отрывают от всего, что живет, движется, участвует в общей жизни. Мне возражали, что первый долг – осмотреться, не разобьем ли мы, освободившись, чье-нибудь счастье. Обе сестры были одного мнения – не верили, что порывы к свободе внушаются желанием развития, которое дало бы возможность женщине участвовать в общей жизни, понимать ее серьезные интересы и чем-нибудь способствовать прогрессу. Им все казалось или фразами, или внушениями узкого личного эгоизма. Они требовали самопожертвования, подвижничества, возводили в идеал безропотное прозябание, штопанье носков, верили в исправление деспотов, себялюбцев женской любовью, смирением, терпением...». Далее А. Каррик отмечает: «...К женскому движению она до конца относилась отрицательно... она оставалась при своем убеждении, что мнутятся только женщины, не встретившие личного счастья, то есть любви, материнства, случая отдать себя всю своим близким, милым»²¹. Подтверждение сказанному находим у В.И. Семеновского: «Какую мораль выводит сам автор из своего произведения, видно из письма Хвоцинской к приятельнице (1856): «Можно, как я говорила в «Пансионерке», бросить глупых и жестоких родных, отказаться от привязанностей, засесть за работу, но это будет жизнь вполнину, уже одним этим ненормальная и представляющая свои печали и свои неудобства. По-моему, всякий разрыв уже есть печаль, неудобство, расстройство, а не устройство быта или общества»²². Всей душой сочувствуя «запуганным», Надежда Дмитриевна не видела спасительный выход и в «эгоистках». Показывая два разных типа «старых дев» в своих повестях, она как бы говорила: есть и одни, и вторые, и то и другое плохо. Хвоцинская вообще не верила в возможность женщины самостоятельно изменить свою участь, считая, что положение женщины изменится к лучшему, когда к лучшему изменится русская жизнь.

Наивысшим достижением Хвоцинской этого периода является роман «В ожидании лучшего» (1860). В этом романе перед читателем разворачивается широкая и художественно убедительная картина жизни высшего общества, приближающаяся временами к выразительности «Мертвых душ» Гоголя. Идеиная близость произведения писательницы к гоголевской эпопее была замечена еще тогдашней критикой. А.И. Миллюков в статье, так и озаглавленной «Мертвые души большого света», писал о романе: «Роман этот... вводит нас в мир мертвых душ большого

²¹ Каррик А. Из воспоминаний о Н.Д. Хвоцинской-Заяончковской. С. 45.

²² Семеновский В.И. Хвоцинская – В. Крестовский-псевдоним. С. 54.

света, полный такой же пустоты и пошлости, как и тот мир, который показал нам Гоголь в своей поэме, с той только разницей, что в одном грязь целиком мечется в глаза, ничем не прикрытая и не замаскированная, а в другом она таится под блондами, бриллиантами, изящным французским языком и претензиями на комфорт и образованность. Но сквозь этот блеск и лак... нравственная пустота и испорченность проступает во всем своем отгалкивающем безобразии». Другой критик, К.К. Арсеньев, отмечает реализм автора в изображении жизни: «...Крестовский является здесь реалистом в способе изображения действительности. Сцены (романа) могут быть поставлены, по беспощадной правде, рядом с лучшими страницами французского неореалистического романа»²³.

Писательница показывает экономический и моральный развал крепостнического общества накануне реформ.

Княгиня Десятова, похоронив почти всех своих детей, воспитала двух внуков. С детства они приобрели все качества корыстных подлецов, ради денег способных на любое преступление. Черты нравственного распада, свойственные всем представителям окружающего княгиню общества, особенно страшно наблюдать у тринадцатилетнего мальчика – графа Василия. Судьба семьи Десятовых типична для крепостнического общества. Так же трагически распадается семья Алексиных и даже семья нищего чиновника Абарова, жена которого, будучи приживалкой в великосветских домах, воспитала в себе все свойства дам «приличного общества». Моральное разложение показано в романе в предельно обнаженной форме. В ранних произведениях Хвоцинской читатели еще не встречались с изображением такой концентрированной пошлости. Кроме того, в этом произведении выведен образ активно действующего, цельного и сильного положительного героя, труженика Неряцкого, устами которого дается политическая оценка происходящих событий. «Общество до конца прогнило, – говорит он, – гниль уже насквозь проступает... Так оно и доживает, барское общество наше... Ни в ком правды, ни в ком достоинства; друг перед другом до конца унизились, ненавидят друг друга, как разбойники... Оглянулись – прошло их времечко, чувствуют! И бессовестно судят о народе...».

Именно с этой стороны – психологического раскрытия распада дворянского общества – роман «В ожидании лучшего» заинтересовал Салтыкова-Щедрина. Говоря коротко об особенностях художественного метода Хвоцинской в связи с этим романом, Щедрин указывает что она

²³ Арсеньев К.К. В. Крестовский-псевдоним // Арсеньев К.К. Критические этюды по русской литературе. СПб., 1888. Т. 1. С. 112.

в своих сочинениях «стоит на почве психологических тонкостей». Называя Хвоцинскую «очень даровитой» писательницей, Щедрин считает, что она «не пользовалась у нас тем успехом, который принадлежит ей по праву таланта»²⁴.

Надо сказать, что Салтыков-Щедрин высоко ценил и уважал Хвоцинскую, относился к ней как равный к равной. Великий сатирик лично познакомился с Надеждой Дмитриевной еще в 1858 году во время своего пребывания в Рязани на должности вице-губернатора. В продолжение 30 лет Салтыков-Щедрин состоял с ней в переписке, часто и настойчиво приглашал сотрудничать в «Отечественных записках», выходящих с 1876 года под его редакцией. «Для журнала нашего особенно дороги ваши произведения, – писал он Хвоцинской, став редактором журнала, – так как в них публика всегда найдет для себя отличное и здоровое чтение. Нынешнее время для большинства журналов не весьма благоприятное, и только при содействии ярких дарований можно рассчитывать на успех. Поэтому вы окажете журналу существенную услугу, прислав обещанный роман»²⁵.

Роман «В ожидании лучшего», действительно яркое и талантливое произведение, является своеобразным итогом первого десятилетия творческой деятельности Хвоцинской, ограниченной в указанный период сферой в основном семейно-бытовых отношений.

В дальнейшем круг идей и образов, волнующих писательницу, несколько расширяется и видоизменяется.

Жизнь самой писательницы в 1860-е годы складывалась трудно. В 1865 году умерла ее сестра Софья, наиболее близкий духовно ей человек. Надежда Дмитриевна тяжело пережила эту утрату. Чувство непреходящей тоски и одиночества побудило ее выйти замуж за ссыльного врача Ивана Ивановича Зайончковского. Муж был моложе Хвоцинской на 13 лет, и брак не стал прочным. К тому же Зайончковский был серьезно болен туберкулезом и вскоре отправился для лечения за границу, где и умер в 1872 году. Последнее десятилетие своей жизни в Рязани Надежда Дмитриевна провела практически в одиночестве, деля время между литературной работой и редкими приездами в Петербург.

Из произведений Хвоцинской 1860-х годов наибольшее внимание критики привлекла повесть «Первая борьба», опубликованная в «Отечественных записках» в 1869 году. Написанная в форме дневника главного героя, повесть представляет собой подробный рассказ о формировании нового человеческого типа в русской действительности – холодного

²⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Литературная критика. М. : Современник, 1982. С. 161.

²⁵ Там же. С. 169.

и расчетливого приспособленца, циничного прагматика, готового на любую низость ради достижения жизненного благополучия. П. Никитин (псевдоним П.Н. Ткачева) писал о центральном персонаже «Первой борьбы»: «...Это уже вполне сознательный хищник, самоуверенный, бойкий, смелый, ставящий свое хищничество себе в заслугу, гордящийся им, делающий из него свое призвание, свою высшую жизненную цель, – одним словом, это один из героев современной нам эпохи, практический «делец», вполне приспособленный к тем новым жизненным условиям, в которые втиснута новая культурная среда...»²⁶.

Полной противоположностью персонажу «Первой борьбы» является Катерина Багрянская – героиня романа «Большая Медведица» (1870). В образе Катерины писательница воплотила все свои представления о женских достоинствах, наделив ее даже некоторыми чертами собственной биографии.

Писательница ошутимо и наглядно передает политическую борьбу в России в годы Крымской войны, накануне реформы 1861 года. Тревожно в воздухе заштатного города N., как тревожно и в самой столице. Бесшабашный разгул, «пошехонское веселье», царившие в дворянском обществе, напоминают пир во время чумы. В то время как мужицкая Россия истекает кровью у стен Севастополя, дворянская Россия болтает и веселится, не желая тревожить себя никакими мыслями о будущем страны. Молодой чиновник Верховский, приехавший покупать имение в провинцию, находит там то же самое общество, которое оставил в Петербурге. «Искусственная жизнь Петербурга одолевала; эта была не лучше: равная пустота содержания, только на другой лад. Петербург фразировал и устраивал аллегри; провинция махнула рукой и села за карты. Равнодушное подрумяненное и равнодушное откровенное... Говорят, надо постоять... Что ж, пожалуй... но общество тотчас догадалось, что трудность исполнения лежит не на нем, а на темном народе, с которым оно день ото дня все больше разрывало связь. Догадавшись, общество получило еще основание не беспокоиться: крепостной, обязанный все делать, сделает и это, – постоит». И в то время, когда над Россией проносилась гроза, правящие круги заняты «бурями в стакане воды»: они обсуждают пошлые интриги и сплетни, занимаются воровскими махинациями. «Положиться не на кого, надеяться не на что!.. Корысть, неправда, безнаказанность, и нет им конца!» – с отчаянием восклицает отец Кати Багрянской – единственный честный человек в среде губернских чиновников. Багрянский воспитал дочь – трудящуюся, самоотверженную девушку, мечтающую посвятить свою жизнь народу. Катя противостоит всему светскому обществу города. Горячо полюбив женатого Верховского,

²⁶ Никитин П. Гнилые корни // Дело. 1880. № 3. С. 57.

Катя, как и пансионерка Леленька, не становится рабой своего чувства, она требует, чтобы любимый человек был ее соратником по борьбе. Но Верховский отходит от светлых порывов своей юности. Вначале он искренне страдает, пытается бороться за человеческое достоинство и честь, а потом, сдавшись, становится типичным представителем развратившей его среды. Процесс морального падения Верховского нарисован в романе с большим художественным мастерством. Автор постепенно вскрывает гнилость души, полную опустошенность человека, отравленного собственническим обществом. Катя, любя Верховского, испытала все средства, стремясь возродить эту душу к жизни, но не смогла. Расставаясь с ним, она говорит: «Освободись, работай и... вот тебе моя первая клятва: где бы я ни была, позови, – я приеду, я твоя...» «Ты не позовешь меня никогда... ты будешь счастлив», – добавляет она. Ее предсказание сбывается: Верховский после смерти своей нелюбимой жены не зовет Катю, а вновь женится на богатой невесте, достигает очень высоких чинов и становится обычным хранителем существующего порядка. Проезжая мимо деревни, где Катя учит крестьян, Верховский с ненавистью говорит смотрителю станции о предстоящей крестьянской реформе: «Дело законное. Но только они от меня без хлеба насыдутся, а вы... берегите вашу почву».

Катя – это та же Леленька (из рассказа «Пансионерка»), действующая в начале 1870-х годов, в период борьбы революционного народничества. Следуя своим убеждениям, она нашла свое место среди народа, пришла туда не как гостя, а как равноправная труженица. «Просто, покрестьянски живет... и в поле и на огороде. Прядет. В селе всех ребят переучила... Зимой целый день учит. И взрослых даже, кому охота, всех к себе созывает», – рассказывает Верховскому о Кате смотритель станции. Катя не ставит себе политических целей. Она мечтает о справедливости, о счастье для всех, но это счастье, по ее мнению, достигается не социальными переворотами, не революционной борьбой, а принесением посильной пользы обществу каждым человеком. Ее философия, как многих героев Мордовцева, Станюкевича и других писателей демократического лагеря, особенно в 1880-е годы, это философия «малых дел». «Делать должное, какое бы оно ни было маленькое... И обязанность одна: делай до конца, бейся, погибни на деле ... Не крупными делается дело, а всеми. Поодиночке – капля, а в сложности – волны», – убеждает Катя Верховского. Катя даже не становится учительницей, она просто делит вместе с народом все его тяготы, не надеясь на близкое переустройство жизни. Такими были деятели народничества в представлении Хвоцинской уже в начале 1870-х годов. К сожалению, Багрянская представляет собой скорее этический идеал, чем подлинно художественный характер, как, впрочем, и положительные герои более ранних произведений Хвоцинской.

Семидесятые годы в прозе Хвоцинской – это своего рода «плач по шестидесятым годам», воплотившийся в наибольшей степени в цикле повестей и рассказов «Альбом. Группы и портреты» (1874–1879). Дело в том, что отношение Надежды Дмитриевны к шестидесятникам в период их активной деятельности было достаточно настороженным. Отчасти это объяснялось плохим знанием людей этого круга, знакомством с не лучшими представителями его, отчасти – общим для шестидесятников нигилизмом, неприемлемым для писательницы. В какой-то степени уровень ее непонимания демократов шестидесятых годов виден из письма к приятельнице от 5 июня 1865 года: «Никогда не признаю я схватыванья верхушек на лету – за науку, битья баклуш – за труд, богохульства – за умственное развитие, отрицания изящного – за трезвость воззрения, растления ощущений – за любовь». Позднее же, с наступлением реакции, Надежда Дмитриевна по-иному взглянула на шестидесятников. Их ошибки и перегибы, так раздражавшие писательницу вблизи, с течением лет приобрели свой истинный масштаб, а на первое место вышли гуманизм, высокий уровень нравственности и гражданственности лучших представителей шестидесятых годов. В «Альбоме» изображен целый ряд различных типов людей, по тем или иным причинам отошедшим от демократического движения, «отступившихся» от него. Осуждение автором этих «отступников» составляет основной пафос рассказов цикла.

Очень понравился «Альбом» Скабичевскому, который писал, что рассказы эти «производят на читателя самое потрясающее впечатление»²⁷.

В «Альбоме» и других повестях, написанных в эти годы, Хвоцинская с острой и злой сатирической иронией рисует благополучных, «здоровых», «счастливых» людей, купивших это свое полное буржуазное счастье ценою продажи души, ценою предательства. Подобные образы нарисованы в этот период в романах Станюковича, повестях Осиповича-Новодворского, отчасти Шеллера-Михайлова, но такую широкую картину отступничества не показал никто до Хвоцинской.

Верягин (герой одноименного рассказа), Стеблович («Между друзьями»), Александра Галевская и Костин («Прощание»), Заозеров («Здоровые»), Кубецкий («Счастливые люди») когда-то в юности клялись нести знамя борцов со злом и несправедливостью. «Когда мы были молоды, нас возмущала всякая тень лжи, своекорыстия, терзала несправедливость, но не за нас самих лично, а за всех! Тогда нам были страшны невежество, забитость, истощение, горькая доля всякого голодного... Смерть за всех!» – говорит Одоев, герой рассказа «Между друзьями» (1878).

²⁷ Скабичевский А.М. Волны русского прогресса // Соч. : в 2 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 103.

В 1860–1880-х годах Хвоцинская была известна также как литературный критик. Она помещала статьи на литературные темы в «Отечественных записках», «Русских ведомостях», «Живописном обозрении».

Во многих произведениях Хвоцинской рязанцы легко узнавали свой город, знакомые с детства крутой берег Трубежа, улицы, дома, человеческие типы.

Н.Д. Хвоцинская представляет собой образец передового русского писателя, честного, неподкупного, смело встающего на борьбу с тьмой и неправдой.

Произведения писательницы не равноценны по художественному уровню. Есть среди них и слабые, ей часто не хватало разнообразия красок. Но Хвоцинская умела писать и с подлинным художественным мастерством, вызывая глубокое сочувствие читателя.

В 1880-е годы творческая активность Хвоцинской снижается. Надежда Дмитриевна чувствует усталость от долгой и трудной жизни, жалуется на одиночество, на необходимость писать ради куска хлеба. В 1884 году писательница переезжает в Петербург и поселяется у своей овдовевшей подруги Москалевой. Здоровье Хвоцинской ухудшается, она почти не выходит из дома. Надежда Дмитриевна умерла в 1889 году в Петергофе. Несмотря на то, что вся жизнь ее была отдана труду, у Хвоцинской не оказалось никаких сбережений, и она была похоронена за счет Литфонда.

Оценивая значимость творчества Н.Д. Хвоцинской, критик В.В. Чуйко писал: «Ее трудно поставить наряду с корифеями русского романа – в ней менее творческого дара, менее художественного равновесия, менее гения, но она также честно, также высоко держала знамя русского искусства, и ее имя будет одним из украшений русской литературы»²⁸.

Художественное наследие Н.Д. Хвоцинской, несомненно, интересно современному читателю, ибо позволяет заглянуть в прошлое страны, разобраться в сложных перипетиях общественного развития, взглянуть в портреты русских людей, задуматься о важных проблемах человеческого бытия.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как решалась проблема предназначения женщины в творчестве Н.Д.Хвоцинской? В чем отличие поэзии писательницы в этом вопросе от суждений других известных вам писателей XIX века?

2. Какова основная тематика произведений Н.Д. Хвоцинской?

²⁸ Чуйко В.В. Крестовский-псевдоним. Критический очерк // Наблюдатель. 1889. № 8. С. 62.

3. Сравните главных героев повести Н.Д. Хвощинской «Первая борьба» и романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история». К каким выводам приходят писатели в отношении своих героев?

4. На примере повести «Братец» определите особенности творческого метода Н.Д. Хвощинской.

5. Судьба провинциалки и проблемы женской эмансипации в повести Н.Д. Хвощинской «Пансионерка».

3.3. М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН – ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Годы, проведенные М.Е. Салтыковым-Щедриным в Рязани, – примечательная страница биографии великого сатирика. Это время для писателя было наполнено напряженной служебной деятельностью, одухотворенной просветительскими стремлениями, накоплением обширнейшего материала из жизни провинциальной России для литературного творчества. Оказавшись на высоком административном посту в Рязанской губернии, наделенный реальной властью, Салтыков-Щедрин получил уникальную возможность практического изменения к лучшему жизни целой губернии. Для писателя демократического лагеря обретение такой возможности было беспрецедентным случаем, и неудивительно, что пребывание в Рязани оставило глубокий след в творчестве художника. Рассмотрение рязанского периода жизни Салтыкова-Щедрина, когда он пытался «практиковать либерализм в самом капище антилиберализма»²⁹, позволяет лучше понять смысл идейных исканий писателя, а также проследить, какие стороны провинциальной жизни наиболее привлекали внимание Салтыкова-Щедрина и как рязанские реалии отразились в его творчестве.

Приказ о назначении Салтыкова-Щедрина рязанским вице-губернатором был подписан Александром II 6 марта 1858 года. Назначение на столь высокий пост тридцатидвухлетнего писателя было полной неожиданностью: еще недавно опальный литератор, отлученный от столицы на долгие восемь лет и отправленный в вятскую ссылку за крамольную повесть «Запутанное дело», вдруг становился вторым лицом крупнейшей российской губернии. Однако это назначение не было случайностью. Во-первых, во время службы в Вятке, а затем в Министерстве внутренних дел Салтыков-Щедрин проявил незаурядные качества руководителя, которые позволили ему довольно быстро продвигаться по служебной лестнице, что и было замечено. А во-вторых, и это, наверное, главное,

²⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собр. сочинений : в 20 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1937. Т. 2. С. 717.

правительство в канун проведения либеральных реформ ощутило явную потребность в обновлении местной администрации. Нужны были чиновники, которые могли всячески поддержать эти начинания и активно содействовать реформам и были способны сломить опасное сопротивление губернских крепостников. «Правительство ищет свежих, то есть честных людей для поручения им должностей», – писал о подобных либеральных поползновениях Александра II в «Колоколе» Н.П. Огарев³⁰.

Новое назначение было радостно воспринято Салтыковым-Щедриным. «Я совершенно доволен, – писал он брату, – Губерния хорошая, близко от Москвы, и губернатор только что назначенный из лицейских»³¹. Писатель был воодушевлен мыслью о том, что его усилия на административном поприще смогут привести к существенному улучшению народной жизни на Рязанщине, что, обретя власть, он сможет изжить все те пороки провинциальной действительности, которые были так зло высмеяны им в «Губернских очерках».

Салтыков-Щедрин прибыл в Рязань 15 апреля 1858 года. Разместив семью в просторном доме на Большой Астраханской (ныне д. 42), он незамедлительно приступил к выполнению своих служебных обязанностей. По мере знакомства Салтыкова-Щедрина с губернией его радостное настроение сменяется глубокой озабоченностью. Состояние дел в рязанской провинции было более плачевным, чем мог предполагать писатель. Бюрократический произвол, взяточничество, казнокрадство, крепостническое варварство имели повсеместное распространение. В страшном запущении было губернское делопроизводство. В тяжелейшем положении находилось крестьянство: по обеспеченности крестьян землей Рязанская губерния в России находилась на сорок третьем месте. Все увиденное произвело удручающее впечатление на Салтыкова-Щедрина. Спустя два месяца после приезда в Рязань он писал об этом: «...Я если не раскаиваюсь, то во всяком случае, крайне негодую на себя за то, что взял место в Рязани. Подобного скопища всякого рода беззаконий и бессмыслия вряд ли можно найти, и всякое плутовство есть не более как добродушие (по сравнению) с плутовством рязанским... Рвения к освобождению крестьян незаметно никакого, а напротив, слышен всюду плач и скрежет зубовой»³².

Столь бедственное состояние губернии, однако, не обескуражило Салтыкова-Щедрина и не смогло заставить его отказаться от намеченной цели. Новый вице-губернатор с удвоенной энергией принялся за преобразование рязанской действительности. Начал он с чиновничьего аппарата. Салтыков-Щедрин не мог мириться с тем, что делопроизводство, от кото-

³⁰ Огарев П.И. Преобразование чиновничества // Колокол. 1858. № 12. 1 апреля.

³¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. сочинений : в 20 т. М., 1975. Т. 18. Кн. 1. С. 195.

³² Там же. С. 199.

рого порой зависят человеческие судьбы, соблюдение законности, ведется из рук вон плохо. Он стал решительно избавляться от «людей безграмотных и бессмысленных»³³. Чтобы научить своих подчиненных работать, Салтыков-Щедрин вникал почти в каждое рассматриваемое дело, исправлял ошибки в документах, часто просиживая за этой неблагодарной работой целые ночи. Предельно требовательный к себе, вице-губернатор был требователен и к своим сослуживцам. Порой эта требовательность была даже чрезмерной. Например, Салтыков-Щедрин приказывал мелким чиновникам губернского правления работать и во внеслужебное время по вечерам. Такое указание, конечно, никак не соотношалось с семейными обстоятельствами чиновников, усугубляло их и без того бедственное положение. Эта история получила необычное продолжение, высвечивающее еще одну черту Салтыкова-Щедрина-администра-тора: умение осознавать и исправлять свои ошибки, принимать критику от людей независимо от их чина и звания. О притеснениях мелких чиновников узнал инспектор дворянского Александровского воспитательного заведения Ф.Т. Смирнов³⁴. Под псевдонимом «Сбоев» он опубликовал в августе 1858 года в «Московских ведомостях» статью «Еще несколько слов о чиновниках», где намекал на этот случай из служебной практики Салтыкова-Щедрина и говорил о его излишней суровости в общении с подчиненными. Ознакомившись со статьей, вице-губернатор сразу же отменил свое распоряжение о вечерних работах, выяснил в Москве, кто скрывается под псевдонимом, нашел Смирнова и выразил ему признательность за публикацию. С этих пор Салтыков-Щедрин всячески поддерживал Смирнова: по рекомендации писателя он стал сотрудником газет «Голос» и «Петербургские ведомости», был назначен редактором неофициальной части «Рязанских губернских ведомостей». Даже уехав из Рязани, писатель не забыл о Смирнове: после каждой новой книги он непременно посылал ему один экземпляр с дарственной надписью.

Как известно, один из главных пороков чиновничества в России – взяточничество. Салтыков-Щедрин не хотел мириться с таким положе-

³³ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. сочинений : в 20 т. Т. 18. Кн. 1. С. 201.

³⁴ Как утверждает Макашин С., Ф.Т. Смирнов в период написания статьи являлся чиновником рязанской Палаты государственных имуществ (См.: Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов: Биография. М., 1972. С. 200–206), а устройству его на должность инспектора Александровского воспитательного заведения для дворянских детей содействовал Салтыков-Щедрин уже после истории с публикацией в «Московских ведомостях». Однако в «Библиографическом словаре писателей, ученых и художников уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии» (Рязань, 1910) утверждается, что должность инспектора Смирнов получил в 1857 году, то есть до приезда Салтыкова-Щедрина в Рязань (С. 240).

нием вещей и повел с мздоимцами непримиримую борьбу. Уже при первой встрече со своими подчиненными он заявил: «Брать взятки, господа, я не позволю, и с более обеспеченных жалованьем я буду взыскивать строже. Кто хочет служить со мною, – пусть оставит эту манеру и служит честно...». Старания Салтыкова-Щедрина, направленные на искоренение взяточничества, не пропали даром. Как вспоминают свидетели событий тех лет, благодаря усилиям вице-губернатора, «в короткое время большая часть состава служащих губернского правления обновилась, вошли новые элементы, желавшие служить честно, и для рязанского губернского правления наступила новая эра»³⁵.

Основным направлением служебной деятельности рязанского вице-губернатора стала борьба со злоупотреблениями помещиков. Страстный обличитель крепостничества, Салтыков-Щедрин стремился использовать всю имеющуюся у него власть, чтобы хоть как-то улучшить положение крестьянства, оградить его от помещичьего произвола. Еще в Вятке писатель имел возможность воочию убедиться в пагубности крепостничества, но с таким разгулом беззакония, с множеством вопиющих фактов попрания элементарных человеческих прав крестьян, как на Рязанщине, он столкнулся впервые.

Салтыков-Щедрин заступил на должность в Рязани, когда еще не утих общественный резонанс после жестокого подавления войсками в июне 1857 года крестьянских волнений в селе Мурмино. Доведенные до полнейшего разорения непосильным трудом на суконной фабрике и помещичьими поборами, мурминские крестьяне отправили в столицу ходяков с жалобой на своих хозяев. Однако ходяки были арестованы. Тогда возмущенные, отчаявшиеся добиться справедливости крестьяне самовольно прекратили работать на фабрике. Губернатор Новосильцев жестоко расправился с непокорными: в Мурмино были присланы войска, и 124 крестьянина были жестоко высечены. Об этом событии писал «Колокол», о мурминских волнениях рассказал Н.А. Некрасов в стихотворении «Бунт»:

Скачу, как вихорь, из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани –
И пали на колени все!
Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленопреклоненным
Коленом тыкал по зубам³⁶.

³⁵ Мачтет Г.А. М.Е. Салтыков-Щедрин в Рязани // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 458.

³⁶ Некрасов Н.А. Собр. сочинений : в 4 т. М., 1979. Т. 1. С. 264.

Особенно возмущал Салтыкова-Щедрина тот факт, что крестьяне принадлежали поэтессе Каролине Яниш, а распоряжался ими ее муж, известный писатель Н.Ф. Павлов, сыскавший репутацию либерала. Вот какую характеристику дал Салтыков-Щедрин этому лжелибералу в одном из своих писем: «Гуманист Павлов ... оказывается человеком весьма сомнительным. Когда крестьяне эти (принадлежавшие его жене) бунтовали, то он был при их усмирении и всех больше настаивал, чтоб строже секли, и заставил высечь 75-летнего старика. Вот и гуманист»³⁷.

Воспоминания современников Салтыкова-Щедрина донесли до нас его слова, обращенные к губернским чиновникам, которые можно считать выражением гражданской позиции вице-губернатора: «Я не дам в обиду мужика! Будет с него, господа... Очень слишком даже будет!»³⁸ Пребывание Салтыкова-Щедрина в Рязани свидетельствует о последовательной и упорной борьбе писателя с крепостническим беспределом, что в условиях предреформенной провинции было чрезвычайно сложно. За последовательность и бескомпромиссность в этой борьбе сослуживцы прозвали Салтыкова-Щедрина вице-Робеспьером и домашним Герценом.

Салтыков-Щедрин делал все возможное, чтобы привлечь крепостников к ответственности за беззакония. Мы остановимся лишь на некоторых, наиболее характерных, эпизодах крепостнической действительности в Рязанской губернии, которые послужили поводом для незамедлительного вмешательства вице-губернатора и каким-либо образом нашли отражение в творческой практике писателя.

Одним из таких случаев можно признать так называемое «Хлудовское дело». Купцы Хлудовы являлись владельцами крупной по тем временам бумаго-прядильной фабрики в уездном городе Егорьевске Рязанской губернии. Чтобы получить на фабрику дешевую рабочую силу, Хлудовы вступили в сговор с помещиками – владельцами крепостных. В результате мошеннической сделки крестьянам в тайне от них давалась «вольная», а затем вновь без их ведома, но от их лица заключался долгосрочный контракт на работу на фабрике. Смысл аферы сводился к тому, что работники фабрики бессовестно закабалялись их хозяевами. Более того, хлудовская махинация делала тщетными все упования крестьян на приближающуюся реформу, которая сулила освобождение и, следовательно, возвращение домой, в деревню: долгосрочный контракт, заключенный обманным путем, обрекал крестьян на долгие годы фабричной работы.

³⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. сочинений : в 20 т. Т. 18. Кн. 1. С. 199.

³⁸ Мачтет Г.А. М.Е. Салтыков-Щедрин в Рязани. С. 462.

Эта история дошла до Салтыкова-Щедрина, и он предпринял незамедлительные действия, чтобы фабрикантов и тех, кто им способствовал, предать судебному разбирательству. Доведению «Хлудовского дела» до законного конца помешал отъезд Салтыкова-Щедрина из Рязани. У мошенников нашлись высокопоставленные заступники, и дело было спущено на тормозах. Однако, избежав уголовной ответственности, виновные все же были наказаны. Сатирик «увековечил» их в своем творчестве: «Хлудовская история» дала Салтыкову-Щедрину материал для написания одноактной драматической сатиры «Съезд», статьи «Еще скрежет зубовой», сцены «Соглашение», «Введения» к известнейшим «Мелочам жизни». Здесь участники махинации, а по характеристике Салтыкова-Щедрина «афере, основанной на человеческом мясе», получили по заслугам: писатель подверг их нравственному суду, обрек на вечное осуждение потомков.

Другим случаем, потребовавшим вмешательства Салтыкова-Щедрина, стало трагическое происшествие в доме полковницы Кислинской. Ее дворовые мальчики, четырнадцатилетний Иван и двенадцатилетний Гаврило Афанасьевы из-за жестокого обращения своей хозяйки, опасаясь побоев, предприняли попытку самоубийства. Салтыков-Щедрин, потрясенный происшедшим, употребил всю свою власть, чтобы наказать виновную. Преодолевая сопротивление влиятельных лиц из местного дворянства, которые не хотели придавать огласке дело, вице-губернатор сообщил о нем министру внутренних дел Ланскому, через которого о рязанском происшествии узнал и сам Александр II. Но с делом Кислинской произошло то же, что и с «Хлудовским делом»: стоило Салтыкову-Щедрину уехать из Рязани, суд оправдал помещицу. Эта история о трагедии двух дворовых мальчиков, доведенных до отчаяния крепостной жестокостью, послужила документальной основой широко известного щедринского рассказа «Миша и Ваня», который по праву считается одним из наиболее острых антикрепостнических произведений писателя. В центре рассказа зловещий образ барыни Катерины Афанасьевны, прообразом которой стала помещица Кислинская. Талант Салтыкова-Щедрина наделил этот персонаж удивительной художественной выразительностью, глубоким обобщающим смыслом. Катерина Афанасьевна жестока не патологически, она не несла зло изначально. Крепостническая вседозволенность, возможность распоряжаться по своему усмотрению судьбами людей стерли в душе помещицы какие-либо нравственные ориентиры. В мире крепостнических законов, говорит своим рассказом Салтыков-Щедрин, человек становится преступником, не замечая этого. Отсюда беспричинная жестокость героини, которая не осознается ею как жестокость, а воспринимается нормой жизни.

Она действует так же, как все ее окружающие, и поэтому, развлекая гостей, Катерина Афанасьевна заставляет крепостных лизать языками раскаленную печь, есть тараканов, случайно оказавшихся в супе. Ей ничего не стоило приказать остричь волосы портнихе Ольге, которая после этого не смогла вынести позора и утопилась. Список преступлений помещицы продолжают ее издевательства над дворовыми мальчиками Мишей и Ваней, приведшие их к самоубийству. Реальный случай из Рязанского периода жизни Салтыкова-Щедрина был облечен им в художественную форму и стал одним из наиболее ярких примеров обличения русской литературой крепостнической дикости, не щадящей ни взрослых, ни детей.

Документы в изобилии донесли до нас вопиющие факты помещичьего произвола на Рязанщине³⁹, по которым Салтыков-Щедрин принимал строгие и неотложные меры. Так, его стараниями были привлечены к суду помещик Веселкин, содержавший крепостной гарем и жестоко издевавшийся над крестьянами; помещик Давыдов, который насильственным способом обирал крепостных, обложил молодых женщин своего села постельной барщиной и не брезговал даже разбоем; помещик Ерин, подвергавший крестьян страшным избиениям и другие.

Чем дольше работал Салтыков-Щедрин в должности вице-губернатора, тем больше убеждался в иллюзорности принятой им просветительской по своей сути идеи изменения к лучшему жизни целой губернии стараниями одного «честного деятеля». Несовершенство существующего законодательства, непонимание, а порой и ненависть к начинаниям вице-губернатора большинства рязанских дворян и членов губернского комитета по подготовке реформы не позволяли Салтыкову-Щедрину осуществлять преобразования на Рязанщине в задуманном им масштабе, часто сводили на нет все его усилия. Это очень удручало писателя. Огорчало Салтыкова-Щедрина и то, что административная работа отнимала у него слишком много времени и давала мало возможностей для занятия литературным трудом. В одном из писем Салтыкова-Щедрина, датированном июнем 1858 года, об этом читаем: «Я живу здесь не как свободный человек, а в полном смысле слова, как каторжник, работая ежедневно, не исключая выходных и праздничных дней, не менее 12 часов». Или еще одно свидетельство писателя: «С самого приезда моего сюда (в Рязань) я постоянно нахожусь в совершенно каторжной работе и не только не могу ничем заняться, но, положительно, ничего даже прочитать не могу»⁴⁰.

³⁹ Кочетова Н.С. Провинция в творчестве Салтыкова-Щедрина (по материалам Рязанской губернии). Рязань, 1975. С. 13–32.

⁴⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. сочинений : в 20 т. Т. 18. Кн. 1. С. 196.

И все же писатель не мог долгое время быть отлученным от культуры, от литературной жизни. Он принимает на себя общее руководство изданием газеты «Рязанские губернские ведомости», становится попечителем местной публичной библиотеки, сводит знакомство с рязанскими литераторами и учеными: писателями Н.Д. Хвоцинской, В.В. Селивановым, Н.П. Корнеевым, историком Д.И. Иловайским и другими, что, безусловно, благотворно сказалось на их творческой активности. Салтыков-Щедрин с трудом, но выкраивал время на занятия литературным творчеством. Жизненные впечатления переполняли писателя, заставляли братья за перо.

Сначала Салтыков-Щедрин дорабатывает написанные им еще до приезда в Рязань рассказы «Гегемониев», «Генерал Зубатов», а затем пишет уже новые произведения (рассказы «Развеселое житье», «Госпожа Падейкова», пьесу «Суд», драматическую сцену «Погребенные заживо», очерк-памфлет «Скрежет зубовный», статью «Еще скрежет зубовный», памфлет «Наш дружеский хлам». Видимо, в Рязани Салтыковым-Щедриним была начата пьеса «Тени» и продолжена работа над повестью под первоначальным названием «Мастерица».

Из всего перечисленного одним из наиболее известных произведений Салтыкова-Щедрина рязанского периода является рассказ «Развеселое житье». В свое время он пользовался большим успехом у демократически настроенного читателя. Этот рассказ в системе координат творчества Салтыкова-Щедрина показателен во многих отношениях. Прежде всего он ярко выражал нарастание в прозе Салтыкова-Щедрина рязанского периода мотива авторской поддержки активного сопротивления крестьян крепостникам. Народ пробудившийся, не желающий более терпеть унижения, в котором просыпается чувство собственного достоинства, начинает утверждаться в щедринском творчестве. Представителем такого народа в рассказе «Развеселое житье» становится беглый мужик Иван. Он, дворовый помещика Семирикова, испытавший на себе все «прелести» крепостничества, лишенный по барской прихоти возлюбленной, не смирился, не стерпел покорно унижения, и ушел в глухие леса разбойничать. Он протестует, протестует активно, и это стремление героя стать свободным вызывает явную симпатию автора.

И все же, не умаляя достоинств рязанских произведений Салтыкова-Щедрина, нужно отметить, что высокая административная должность, потребовавшая «каторжной работы», не позволяла ему в те годы полностью реализоваться как литератору, сделать шаг вперед в сравнении с «Губернскими очерками» или создать что-либо подобное им по широте охватываемых проблем, по обличительному и обобщающему смыслу. Следует согласиться с С.А. Макашиным, наиболее крупным российским

щедриноведам, писавшим о роли рязанского периода в творческой эволюции сатирика: «...Движение Салтыкова к новым произведениям этапного значения – «глуповскому циклу» 1861–1862 годов, хотя и разрешенному цензурой, а затем «Помпадурам...» и «Истории одного города» – находилось еще в исходном рубеже. Его рязанские вещи, при всей их общественной остроте, при всей яркости сатирических красок, были фрагментарны и не соответствовали ни его «Губернским очеркам», ни появившимся в 1858–1860 годах произведениям других писателей: «Обломову» Гончарова, «Грозе» Островского, «Тысяче душ» и «Горькой судьбине» Писемского, «Дворянскому гнезду» Тургенева»⁴¹.

Вместе с тем Рязань дала писателю богатейший материал к его будущим произведениям. Именно здесь, на Рязанщине, а позднее в Твери, Туле, Пензе «подглядел» писатель жизнь глуповцев для знаменитой «Истории одного города», познакомился с бытом и нравами «помпадуров» и «помпадурш». Другими словами, рязанский опыт сыграл важную роль в творческой биографии Салтыкова-Щедрина: писатель часто опирался на него, создавая многие образы своих вершинных произведений.

Салтыков-Щедрин всегда тяготился общением с помпадурами. Человек саркастический, эмоциональный, прямой, нетерпеливый к любым проявлениям некомпетентности, он плохо ладил с высокими сановниками. А когда в сентябре 1859 года на должность рязанского губернатора заступил Н.М. Муравьев, отношения между первым и вторым лицом губернии сразу стали резко враждебными. Салтыков-Щедрин не хотел и не мог потакать новому губернатору, для которого «главное основание всех его действий – неуважение к чужой мысли, чужому мнению и чужому труду». Писатель не видел для себя возможности работать вместе с «величайшим подлецом» Муравьевым, «который откровенно принял губернию за лакейскую»⁴². И в апреле 1860 года Салтыков-Щедрин добился своего перевода на должность вице-губернатора в Тверь и выехал из Рязани.

Так закончилось рязанское двухлетие М.Е. Салтыкова-Щедрина. За время своего вице-губернаторства он успел сделать немало полезного и важного: административные усилия Салтыкова-Щедрина облегчили положение многих крестьян, был наведен порядок в губернском делопроизводстве, оживилась культурная жизнь города, написан ряд талантливых художественных и публицистических произведений, и главное – собран обширнейший жизненный материал, к которому великий писатель постоянно обращался на протяжении своей последующей литературной работы.

⁴¹ Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. С. 270.

⁴² Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. сочинений : в 20 т. Т. 18. Кн. 1. С. 217, 220.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. «Хлудовское дело» в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина.
2. Какие места на карте Рязани связаны с именем М.Е.Салтыкова-Щедрина?
3. Что отличало деятельность писателя на посту вице-губернатора Рязани?
4. Назовите произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, в которых отражены факты рязанской действительности.
5. Какие обстоятельства определили отъезд М.Е. Салтыкова-Щедрина из Рязани?

3.4. ДОСТОЕВСКИЕ И РЯЗАНСКИЙ КРАЙ

Рязанские страницы вплетались в историю семьи Достоевских на протяжении нескольких десятков лет. Во время войны 1812 года отец писателя Михаил Андреевич Достоевский служил во временном госпитале, располагавшемся в рязанском городе Касимове, и получил за свою усердную работу похвальный аттестат от местных властей. В Касимове до сих пор показывают дом, где жил тогда Михаил Андреевич. Позднее, в 1837 году, когда его сын Федор Михайлович, ставший известным писателем, был назначен редактором журнала «Гражданин», на страницах этого издания появился ряд корреспонденций из Касимова, освещавших деятельность местного земства и полемику между председателем земской управы А. Мансуровым и членом ревизионной комиссии А. Алянчиковым. Федор Михайлович проявил явный интерес к делам касимовского захолустья и сопровождал публикацию этих материалов краткими редакторскими замечаниями.

В 1831 году отец писателя купил сельцо Даровое, находившееся на границе Тульской и Рязанской губерний в 10 верстах от Зарайска, одного из рязанских уездных центров. С 1832 по 1836 год Федор Михайлович вместе с братьями и сестрами проводил лето в Даровом и впоследствии в «Дневнике писателя» признавался: «Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое впечатление на всю потом жизнь»⁴³. Эпизод из детства, проведенного в Даровом, лег в основу рассказа Достоевского «Мужик Марей». Воспоминания о жизни в отцовской усадьбе нашли отражение в его романах «Бедные люди» и «Униженные и оскорбленные» (рассказы героев об их детстве в провинциальном имении). По свидетельству брата писателя А.М. Достоев-

⁴³ Достоевский Ф.М. Собр. сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1983. Т. 25. С. 172.

ского, в романе «Бесы» название рощицы Брыково, где состоялась дуэль Ставрогина и Гаганова, восходит к леску около Дарового: «Лесок Брыково с самого начала полюбился брату Феде, так что впоследствии в семействе нашем он назывался Фединою рощею»⁴⁴.

В романе «Братья Карамазовы» имя слуги Карамазовых Григория Васильева повторяет имя слуги Достоевских, выполнявшего в Даровом обязанности управителя. А сон Дмитрия Карамазова о погорелой деревне навеян воспоминаниями о пожаре в имении Достоевских. Однажды Григорий Васильев явился в Москву к Достоевским с докладом: «Вотчина сгорела-с!». В «Дневнике писателя» Достоевский рассказывал: «Оказалось, что все сгорело, все дотла: и избы, и амбар, и скотный двор, и даже яровые семена, часть скота и один мужик Архип. С первого страху вообразили, что полное разорение. Бросились на колена и стали молиться, мать плакала...»⁴⁵. Девятилетнему Федору эта сцена запомнилась на всю жизнь. В полутора верстах от Дарового находилась приобретенная отцом Достоевского деревня Черемошня. В 1837 году, после смерти жены, Михаил Андреевич Достоевский вышел в отставку и поселился в своем имении, а летом 1839 года, направившись в Черемошню, чтобы проследить за полевыми работами, был убит крестьянами. По некоторым данным, причиной этой трагедии послужило влечение одинокого вдовца-помещика к дворовой девушке, служившей в его доме. И хотя их симпатии, видимо, были обоюдными, деревенские родственники девушки сочли это кровной обидой, заслуживающей самой жестокой мести⁴⁶. Немалую роль сыграл тут и сложный, неуживчивый характер Михаила Андреевича, у которого не складывались взаимоотношения с крестьянами. От 18-летнего Федора Михайловича опекуны постарались скрыть истинную суть случившегося, назвав причиной смерти отца болезненный припадок. Но он чувствовал, что за всем этим скрывается какая-то тяжелая тайна и долго избегал посещать некогда любимые места. Братья Достоевские решили отдать сельцо в приданое одной из сестер, вышедшей замуж. Только в 1877 году Достоевский вновь приехал в Даровое и, должно быть, кое-что узнал. В появившемся вскоре романе «Братья Карамазовы» название деревеньки Чермашня становится трагическим лейтмотивом, связанным с гибелью Карамазова-старшего. Смердяков довольно откровенно намекает Ивану Карамазову, что от того, поедет ли Иван в Чермашню или останется дома, зависит

⁴⁴ Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 71.

⁴⁵ Достоевский Ф.М. Собр. сочинений : в 30 т. Т. 22. С. 112.

⁴⁶ Нечаева В.С. В семье и усадьбе Достоевских. М. : Соц.-эконом. изд-во, 1939. С. 58–59.

жизнь его отца. По роману убийство Карамазова-старшего было предопределено его увлечением девушкой «из простых» – Грушенькой. Сначала Дмитрий в порыве ревности грозит отцу расправой, а потом Смердяков, соблазненный деньгами, приготовленными Карамазовым для Грушеньки, совершает преступление.

Прототипом героини этого романа Лизаветы Смердящей, по свидетельству А.М. Достоевского, стала дурочка Аграфена из Дарового, которая бродила меж дворов, говорила «очень мало, неохотно, непонятно и несвязно; можно было только понять, что она вспоминает постоянно о ребенке, похороненном на кладбище»⁴⁷. Исследовательница В.С. Нечаева, изучая архив местной приходской церкви, находившейся в селе Моногарово, установила, что Аграфена родилась в 1810 году. Следовательно, писатель помнил ее по своим детским впечатлениям. Кроме того, в 1877 году, когда Достоевский вновь посетил Даровое, она была еще жива⁴⁸. Но никаких сведений о ее ребенке исследовательнице в церковных книгах обнаружить не удалось. Может, он существовал только в воображении Аграфены. Вероятно, Аграфена послужила прототипом и Марьи Лебядкиной, юродивой из романа «Бесы», рассказывавшей несвязные и фантастичные истории о своем погибшем ребеночке, которого в реальности никогда не существовало. Но возможен и другой вариант: кто-то, воспользовавшись беспомощностью Аграфены, надругался над ней, и она, родив ребенка, где пришлось, потеряла его. Сходную ситуацию Достоевский изображает в «Братьях Карамазовых», объясняя происхождение Смердякова.

В Зарайск, находившийся недалеко от имения Достоевских, ездили постоянно: то за покупками, то на ярмарку, то на почту. Через Зарайск пролегал путь Достоевских из Москвы в свое имение, и там обычно делали последнюю остановку, чтобы отдохнуть и покормить лошадей. И не случайно зарайская страница вошла впоследствии в творчество писателя.

В начале романа «Преступление и наказание» одним из кульминационных моментов, повлиявших на перелом в душе Раскольникова, стало письмо «от матери из Р-й губернии». В то время единственная губерния в Российской империи начиналась с этой буквы – Рязанская. А уездный городок, в котором жила мать Раскольникова, скорее всего, списан с Зарайска. Пульхерия Александровна сообщила сыну, что заняла деньги у «здешнего нашего купца Афанасия Ивановича Вахрушина». Эта фамилия напоминает о зарайских купцах Вахрушиных, род которых

⁴⁷ Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 78–79.

⁴⁸ Нечаева В.С. В семье и усадьбе Достоевских. С. 74.

известен по местным писцовым книгам с XVII века. В середине XVIII века представители этой купеческой династии начали перебираться в Москву. В 30-е годы XIX века Бахрушины открыли в Москве кожевенную фабрику, а в 1864 году, став уже известной торгово-промышленной фирмой, основали суконную фабрику. Славилась они и широкой благотворительностью. В 1865 году, когда писался роман «Преступление и наказание», в Зарайске Бахрушины выстроили очередную богадельню, а в 1868 году открыли народную школу. И в то же время, как истинные представители купечества, Бахрушины были расчетливы и прижимисты до мелочей, порой не стеснялись даже торговаться с извозчиками из-за лишней копейки. П.А. Бурьшкин в книге «Москва купеческая» (М., 1991) повествует, например, как Алексей Федорович Бахрушин, переехавший из Зарайска в Москву в 30-е годы XIX века, ради ста рублей согласился на пари остричь бороду, к великому ужасу компаньонов и знакомых, считавших бороду неотъемлемой частью купеческой «чести». Но купец резонно рассудил, что борода еще вырастет, а сто рублей на дороге не валяются. Его внук Алексей Петрович, страстный коллекционер, был известен букинистам Сухаревского рынка как покупатель, готовый отчаянно спорить из-за каждого гривенника. Недаром в романе Достоевского появляется такая деталь: хотя Вахрушин слыл «добрым человеком» и даже считался приятелем отца Раскольниковова, но Пульхерии Александровне деньги в долг не поверил, а потребовал взамен предоставить ему право на получение ее пенсионера.

Выбор Рязанской губернии в качестве родины Раскольниковова не случаен. Роман «Преступление и наказание» создавался в полемике с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?», герой которого Лопухов был сыном рязанского мещанина. Но, несомненно, название губернии соотносилось в романе Достоевского с фамилией главного героя – Раскольниковова. В первоначальных набросках писатель связывал с этой фамилией глубинный исторический подтекст. Мать героя говорила: «Раскольниковы хорошей фамилии... Раскольниковы двести лет известны». Двести лет назад в середине XVII столетия на Руси развернулось мощное движение сопротивления социальной и религиозной политике правящих верхов, получившее название раскола. Раскол, в сущности, являлся социально-политическим бунтом, нашедшим выражение в религиозных формах. И Рязанский край играл в этих событиях активную роль. Роман Достоевского создавался в 1865–1866 годах, а двести лет назад, в 1665–1666 годах, борьба правительства и «раскольников» достигла кульминации. Карательные экспедиции стрельцов прочесывали нижегородские, костромские, муромские и рязанские леса, громя раскольничьи скиты. Эта акция была спровоцирована челобитной, послан-

ной царю рязанским архиепископом Иларионом. В старинных отчетах о допросах пойманных раскольников фигурирует имя одного из самых стойких их вождей – старца Вавилы, рязанского крестьянина. В «Житии протопопа Аввакума» рассказывается, как в Рязань к Илариону для «смирения» был привезен преданный ученик Аввакума – юродивый Федор. Но кто-то из окружения рязанского архиепископа устроил ему побег. А вскоре в Рязани объявилось неслыханное политическое «воровство». Присланная из Москвы следственная комиссия выяснила, что в городе действовал целый кружок молодых вольнодумцев, образованных и отчаянных, происходивших из среды служилых людей и духовенства. Таким образом, герой Достоевского Раскольников оказался словно идейным наследником этих рязанских бунтарей, двести лет назад выступивших против социальной несправедливости.

В современности у Раскольникова могли бы найтись рязанские прототипы. В 1862 году в Зарайске полиция открыла подпольный кружок, занимавшийся пропагандистской деятельностью и связанный с революционными организациями Москвы и Петербурга. К этому кружку принадлежали видные представители уездной интеллигенции: губернский секретарь Н.И. Коневский, врач Л.В. Персианинов, мировой посредник Д.С. Ржевский и т.д. С кружком был связан и П.И. Коробьин, потомок старинного рода, гордившегося своей древней родословной. Родоначальником этой династии являлся татарин Кичебей, уехавший в XV веке из Большой Орды и принявший на Руси крещение под именем Василия. Он стал боярином рязанского князя Федора Ольговича. В XVI веке Коробьины служили Ивану Грозному. Василий Иванович Коробьин погиб при штурме Казани, Иван Григорьевич Коробьин был назначен воеводой в Пронск, а затем в Рязань. Среди Коробьиных были и стольники, и полковые головы, и дипломат, посылавшийся с ответственными поручениями за границу. Но к XIX веку род захудал, и П.И. Коробьин был обычным провинциальным дворянином. В своей усадьбе Кончаково под Зарайском он устроил подпольную типографию, где отпечатал известную прокламацию П.Г. Заичневского «Молодая Россия». Эта прокламация распространялась по всей России и наделала много шума в обеих столицах. Достоевский познакомился с ее текстом в Петербурге. Полемику с этой прокламацией комментаторы 30-томного собрания сочинений Достоевского находят в его романах «Идиот» и «Бесы». Но и идея Раскольникова о допустимости насилия вплоть до кровопролития ради установления социальной справедливости и защиты интересов народных низов также перекликается с призывами «Молодой России». Трудно сказать, насколько Достоевский мог быть осведомлен о зарайской предыстории этой прокламации, но интуиция не подвела

художника. В романе есть любопытная деталь: жених Дунечки Раскольниковой Лужин, приехав из глубокого захолустья в Петербург, оказался слишком хорошо для провинциала знаком с идеями «новых людей». Это могло бы показаться неправдоподобным, если бы не имелся в виду Зарайск. Пропагандистская работа, которую вел в этом небольшом городке подпольный кружок, на самом деле давала возможность таким, как Лужин, быть в курсе новейших политических теорий. Правда, Лужин, умный и циничный приспособленец, прикрываясь фразами о служении ближнему и о благе общественном, руководствовался исключительно мотивами личной корысти.

По замыслу Достоевского, преступление Раскольникова взял на себя его земляк Николка, тоже «из раскольников». Один из свидетелей сообщал о нем следователю: «А крестьянина ефтова, Миколая Дементьева, знаю с измалетства, нашей губернии и уезда, Зарайского, потому-де мы сами рязанские». Художественный мир «петербургского» романа оказался настолько наполнен рязанцами, что они уже повсюду начинают мерещиться Раскольникову, и он, увидев молодого работника у мучного лабаза, задает ему неожиданный вопрос: «Уж и ты не зарайский ли?».

Николка стал духовным собратом Раскольникова, потому что тоже трудно искал истину, блуждая во тьме, но стремясь к свету. В середине XIX века движение старообрядчества и деятельность различных религиозных сект в Рязанской губернии были весьма активными и вызывали ожесточенные репрессии со стороны властей. Особенно отличались в этом отношении Егорьевский и Зарайский уезды. В губернии существовало 13 раскольничьих часовен, из которых к 1860 году 7 были закрыты. Одна из самых почитаемых часовен, действовавшая в то время, когда мальчик Достоевский жил в Даровом, находилась в Зарайске. Власти закрыли ее в 1855 году. Жили в Зарайске и старцы, которые пользовались большим влиянием у раскольников и память о которых долго хранилась в народе. Таким, например, был А.Я. Зайцевский (1759–1803). Он родился в семье зарайского купца-старообрядца, но природа щедро наградила его яркими дарованиями религиозного философа, поэта и зодчего. Сочинения и поучения Зайцевского широко распространялись в рукописях по всей России. По его проекту была выстроена в Москве раскольничья Покровская часовня, уничтоженная по распоряжению властей в 1837 году. Вполне вероятно, что эти факты могли быть известны Достоевскому, серьезно интересовавшемуся движением раскола и собиравшему книги на эту тему. Недаром в романе Порфирий Петрович рассказывает, как Николка в бытность свою в Зарайске проходил послушание у какого-то старца: «Все это я от Миколки и от зарайских его узнал.

Да куды! Просто в пустыню бежать хотел! Рвение имел, по ночам богу молился, книги старые, «истинные» читал и зачитывался». Закрытие зарайской часовни и репрессии, обрушившиеся на местных раскольников, вероятно, и вынудили Николку покинуть Зарайск, скрываясь от преследований властей. Попав в Петербург, он простодушно соблазнился дешевыми удовольствиями большого города, переполненного питейными заведениями и публичными домами. Но это не вытеснило из его сердца уроков раскольничьего старца. Оказавшись под следствием по подозрению в убийстве, Николка воспринял неожиданный поворот в своей судьбе, как божью кару за допущенные прегрешения. Вместе с признанием вины явилось и страстное желание очиститься «страданием». Причем Николка непременно хочет принять «страдание» от «властей», может быть стремясь искупить таким образом свою вину перед зарайскими единоверцами, которых он когда-то бросил в трудное время, малодушно убоявшись жестоких правительственных преследований и спасаясь бегством. Такой может представляться внешняя канва событий. Но есть в этой истории и скрытый глубинный подтекст.

Имя героя – Николай – было значимым. На Рязанской земле издавна существовал культ Николы Зарайского. По преданию, икона святителя Николая по Божьему велению была перенесена из греческого города Корсуня (Херсонеса) в Зарайск в 1225 году, незадолго до татарского нашествия. В повести о перенесении образа Николая-чудотворца рассказывается, как Николай несколько раз являлся жителю Корсуня, священнослужителю Евстафию, и настойчиво требовал, чтобы тот перенес икону в русскую землю. Николай сам вел своего служителя, оберегая его от опасностей, подсказывая наиболее удобный путь, но и наказывая, когда Евстафий пытался руководствоваться не велениями Неба, а собственными неразумными стремлениями. Даже для того, чтобы заставить колеблющегося Евстафия покинуть родной город, отказаться от привычного налаженного быта и пуститься в далекое, трудное путешествие, Николай насылает на него «головную болезнь», вылечить которую можно только одним средством – покориться неисповедимой Божьей воле. Такой же болезнью была наказана и жена Евстафия, когда захотела остаться в понравившемся ей богатом Новгороде. После различных приключений икона привела своего служителя в Зарайск, где и жили затем его потомки. Святыня, появившаяся на Руси перед великими испытаниями, пользовалась благоговейным почитанием. В ней видели знак заступничества и помощи, обещанной свыше. Иван Грозный несколько раз приезжал в Зарайск для поклонения этой иконе. Василий Шуйский сделал для нее драгоценный оклад, на который пошло более семи фунтов золота. Центральным храмом города стал Никольский собор, вы-

строенный в конце XVII века взамен прежнего обветшавшего. Мать Достоевских, должно быть, тоже привозила своих детей в этот собор на поклонение чудотворной иконе. Вероятно, именно в этом соборе молилась героиня «Преступления и наказания» Марфа Петровна Свидригайлова, когда приехала из своего имения в городок, чтобы просить прощения у Дуни Раскольниковой за нанесенную ей обиду. Мать писала Раскольникову: «Прямо из собора, ни к кому не заезжая, приехала к нам, рассказала нам все, горько плакала и, в полном раскаянии, обнимала и умоляла Дуню простить ее». И как ни странно, человек, носящий имя чудотворца, – Николка зарайский – спас Раскольникова. Не тем, что в решающий момент, когда Порфирий Петрович готов был разоблачить Раскольникова, вдруг принял его вину на себя, а тем, что пробудил к покаянию его мятежную душу. Даже Соня не могла подвигнуть на это Раскольникова. Когда по ее настоянию он собрался было всенародно признать свою вину, его гордыня воспротивилась. И только узнав, что из-за него может безвинно пострадать другой, Раскольников идет делать признание. Он думал, что спасает по-детски простодушного Николку, а вышло, что спас самого себя. Свет сострадания и любви к людям, неугасимо живший в душе Раскольникова, по мысли Достоевского, и должен был вывести его на истинный путь. И над всем этим незримо витает тень чудотворного образа Николы Зарайского, путеводителя, через великие испытания выводящего людей на дорогу, predeterminedенную неисповедимым Божиим промыслом. И недаром в романе Достоевского, как и в повести о Евстафии-курсуняине, свидетельством уклонения героя от праведной стези и его наказанием становится болезнь физическая и духовная. В Петербурге было одно место, которое особенно притягивало Раскольникова, – Николаевский мост, где герой любил стоять, «не доходя шагов двадцать до часовни». Достоевский писал: «Когда он ходил в университет, то обыкновенно, – чаще всего, возвращаясь домой, – случалось ему, может быть раз сто, останавливаться именно на этом же самом месте...». В часовне, посвященной Николаю-чудотворцу, находился его мозаичный образ. Раскольников, останавливаясь возле часовни, словно бессознательно искал его помощи.

В Зарайске проходило пять крупных годовых ярмарок. Но особенно торжественно отмечался день Николая Вешнего (22 мая). С этого дня начиналась знаменитая конная ярмарка, слава о которой шла по всей округе. Дорога на Москву пролегла недалеко от Конной площади, на которой проводился лошадиный смотр и торг. Мать Достоевского Мария Федоровна ездила на эти ярмарки приглядывать лошадей. В одном из писем 1832 года она сообщала мужу, что в Зарайск «приехала в самый развал на ярмонку: хотела купить лошадку, но очень дороги». Воз-

можно, на этих ярмарках мальчик-Достоевский и увидел поразивших его мощных коней-тяжеловозов, о которых он вспомнит, описывая сон Раскольников, воскресивший в памяти героя его детство в провинции: «Он всегда любил смотреть на этих огромных ломовых коней, долгогривых, с толстыми ногами, идущих спокойно, мерным шагом и везущих за собой какую-нибудь целую гору, нисколько не надсаждаясь...». Эпизод с загнанной крестьянской лошадедкой из этого же сна Раскольникова восходит не только к литературным источникам (цикл Н.А. Некрасова «О погоде»), но и к воспоминаниям из детства Достоевского. В первоначальных вариантах романа, где повествование велось от первого лица, была фраза: «одна загнанная лошадь, которую я видел в детстве». В переписке отца писателя Михаила Андреевича и его супруги нередко упоминалось о заморенных от зимней бескормицы, обессиленных деревенских клячонках. Мария Федоровна то писала мужу, что у одного крестьянина «лошади не в силах пахать», то рассказывала, что вовсе вынуждена остановить полевые работы, чтобы «лошадям дать отдохнуть». Михаил Андреевич удрученно замечал даже о помещичьей упряжке: «Друг мой, лошади наши чрезвычайно худы...»⁴⁹. И какой, должно быть, запоминающийся контраст являли эти замученные деревенские лошадедки по сравнению с теми ладными и сильными конями, которых выводили на ярмарочную площадь... Таким образом, впечатления литературного героя были и впечатлениями самого автора.

В 1879 году Федор Михайлович Достоевский по завещанию тетки А.Ф. Куманиной получил имение в Рязанской губернии. Но воспользоваться этим даром он не успел, так как скончался в 1881 году. Сын Достоевского Федор Федорович, оставив юридический факультет Петербургского университета, подал в канцелярию рязанского губернского предводителя дворянства прошение об определении его на службу и вскоре приступил к исполнению своих обязанностей. Видимо, он предполагал прочно обосноваться в Рязани. В Рязанском областном архиве сохранилось прошение, с которым Анна Григорьевна Достоевская и ее сын обратились в местное дворянское собрание: «Прошу Дворянское собрание, по состоянию за мною и сыном имения в Рязанском уезде, внести меня, сына Федора и его жену Марью Николаевну... в дворянскую родословную книгу Рязанской губернии». Так Достоевские стали рязанскими дворянами. Документы рассказывают об имущественном положении семьи Ф.Ф. Достоевского в то время: «За матерью его Рязанского уезда при деревне Гришиной и других земли 118 десятин. За ним и обще с матерью в том же уезде и деревне еще земли

⁴⁹ Нечаева В.С. В семье и усадьбе Достоевских. С. 83, 84, 89.

118 десятин 100 соток». Федор Федорович в Рязани дослужился до чина коллежского секретаря. А в 1905 году начал ходатайствовать о переводе в Главное управление государственного коннозаводства. Однако официально приказ о его увольнении от службы в канцелярии рязанского губернского предводителя был подписан только в 1910 году.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Зарайские мотивы в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

2. Подумайте, почему в ранних романах Достоевского («Бедные люди», «Униженные и оскорбленные») воспоминания героев о детстве в провинции представлены в светлом колорите, а в романе «Преступление и наказание» сон Раскольникова о его детстве в рязанском городке так же безрадостен, как и петербургские впечатления? Можно ли видеть в этом эволюцию мировосприятия писателя, по-новому осмыслявшего тему «Петербург и провинция»? Или это связано с особенностями духовного мира героя романа?

3. Раскройте символический смысл имени Николай (Миколка) в романе. Почему этим именем одинаково названы два таких противоположных образа, как петербургский красильщик и мужик из первого сна Раскольникова?

4. Какая связь между фамилией героя «Раскольников» и упоминанием о том, что Миколка-красильщик «из раскольников»?

5. Почему главного героя романа «Преступление и наказание» Достоевский сделал выходцем из Рязанской губернии?

3.5. МЕЩЕРА В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Рязанский край оставил заметный след в судьбе многих известных русских писателей. Древняя история, богатые культурные традиции, уникальная природа Рязанщины привлекали внимание отечественных литераторов. Интерес этот был обусловлен также географическим положением края, находящегося в центре России и воплотившего в себе все особенности национального образа.

Знаменательно, что источником знаний о жизни Рязанской губернии были не только памятники древнерусской литературы, фольклор или непосредственные впечатления самих писателей, но специальные издания, связанные с научным изучением региона.

Одной из самых примечательных и основательных книг XIX века, посвященных рязанскому краю и Мещере в частности, можно с уверенностью назвать выпущенный в 1860 году солидный том «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами генерального штаба. Рязанская губерния». Это серьезный научный труд, подытоживший огромную работу по сбору и систематизации географических, статистических, этнографических сведений о Рязанщине середины XIX века. Составителю материалов М. Барановичу и его помощникам удалось блестяще выполнить задачу большой сложности и важности – создать своеобразную энциклопедию Рязанской губернии прошлого столетия.

Составление свода данных, касающихся статистики и географических особенностей российских губерний, начало вестись по царскому указу еще в 1836 году. Цель этой работы заключалась в сборе информации, необходимой военному ведомству, и поэтому к ней были привлечены офицеры генерального штаба, а публикации носили закрытый характер. Всего с 1837 по 1854 год были выпущены три издания военно-статистических обзоров 69 губерний и областей России. На время Крымской войны эта работа была приостановлена, а после ее окончания возобновилась, но уже в другом качестве. Российские власти вполне справедливо посчитали, что собранные сведения интересны и полезны самой широкой публике, и с высочайшего разрешения сбор и обработку материалов стали вести более масштабно. Теперь описание каждой губернии было разделено на две части: военное обозрение с грифом «секретно» и статистические материалы, адресованные всем, кого интересует подобная информация. Сведения собирались в большей части губерний России. В Рязани эту работу возглавлял подполковник генерального штаба М. Баранович. Он был человеком высокой гуманитарной культуры, обладающим обширными научными познаниями, тонким литературным вкусом. Под его энергичным руководством составление «Материалов» было завершено в самые короткие сроки, что, впрочем, ни в коей мере не отразилось на их основательности. Более того, в «Материалы» были включены главы, содержание которых простиралось гораздо дальше «чистой» географии и статистики. Это сделало «Материалы» уникальным изданием. Из него можно почерпнуть не только обширнейшую информацию географического и топографического характера, но и сведения этнографического свойства. О том, как было устроено жилище рязанского крестьянина, каковы народные поверья, праздники, как и чем питался крестьянин, во что одевался и многое другое можно узнать из книги. Ее этнографические страницы написаны живым, образным языком и лишены энциклопедической сухости. Все это делает

«Материалы» бесценным научным источником для этнографов, краеведов и фольклористов.

Не менее любопытны фрагменты «Материалов», посвященные психологии рязанского крестьянина. Исследование, проведенное авторами, незначительно по объему, но оригинально по своему подходу. В книге характер рязанского крестьянина, его поведение, даже внешний облик рассматриваются в непосредственной зависимости от природных особенностей рязанского края. По мнению авторов, психология, нравственные качества человека в большой мере обуславливаются географическими факторами: ландшафт, климат определяют род и характер деятельности крестьян, уклад их жизни, что самым решительным образом влияет на поведение людей, тем самым определяя их психологические свойства как этнической группы. Такой подход определил деление всего крестьянского населения Рязанской губернии на несколько устойчивых в психологическом отношении групп: на степняков, жителей рязанской и мещерской стороны, мещеряков, отдельно рассматриваются в «Материалах» психологические особенности касимовских татар. Другими словами, авторами книги была предпринята попытка описать менталитет рязанского крестьянства. Для середины XIX века такой подход был, несомненно, новаторским. Уже позже выдающийся русский историк В.О. Ключевский обоснует прямую связь психологического склада народа и природных условий. А еще позднее эта мысль о существовании постоянных психологических свойств у каждого этноса найдет свое развитие в трудах Н.А. Бердяева, В.С. Соловьёва, Н.О. Лосского, Г.В. Вернадского, Л.Н. Гумилёва и других мыслителей.

Необычно ярко рязанская тема была раскрыта в произведениях тех писателей, чья судьба в той или иной степени оказалась связанной с Мещерским краем – одним из самых удивительных мест на карте России.

В 1897–1899 годах в Рязанскую губернию часто приезжал выдающийся русский писатель **Александр Иванович Куприн**. Он подолгу гостил у своего родственника в селе Курша и в деревне Ветчаны (Спас-Клепиковский район). Природа рязанской земли не могла оставить писателя равнодушным и побуждала его к творчеству. Особенно восхищала и вдохновляла Куприна Мещера. О своем пребывании в этом лесном крае писатель вспоминал в конце жизни: «Там я впитал в себя мощные, самые благородные, самые широкие, самые плодотворные впечатления. Да там же я учился и русскому пейзажу»⁵⁰.

Зиму и весеннее время писатель жил в Куршинском лесничестве Касимовского уезда, которым заведовал зять Куприна Станислав Ген-

⁵⁰ Куприн А.И. Собр. сочинений : в 6 т. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 6. С. 797.

рихович Нат, талантливый лесовод. Дни пребывания в Мещерском крае были и деловиты, и разнообразны. И для творческого труда, и для отдыха писатель всегда находил время. Некоторое время он работал землемером, составляя план лесного хозяйства, и при этом не забывал заполнять свои блокноты и тетради наблюдениями и материалами для своих будущих рассказов и очерков. Куприн пристально изучал быт, нравы и психологию различных групп населения. Впечатления от пребывания в Рязанской губернии и Мещерском крае нашли отражение в рассказах «Мелюзга», «Болото», «Попрыгунья-стрекоза». Достоверное и поэтически овеянное описание природы, животного мира сочетается с зарисовками этнографического характера, с постановкой острых социальных и нравственных проблем. В частности в рассказе «Мелюзга», написанном в 1907 году, ставится вопрос об отрыве интеллигенции от народа. Тема была далеко не новой, но автору удалось сказать свое слово, создав потрясающее глубоким реализмом произведение.

Главные персонажи этого рассказа – фельдшер Смирнов и учитель Астреин. Они живут в деревне Большая Курша. Зимой ее заносит снегом выше окон, и до нее не добраться. Учителю иногда кажется, что он никогда отсюда не выезжал «и только в забытой сказке или во сне слышал про другую жизнь, где есть цветы, тепло, сердечные люди, умные книги...».

Оба они живут «точно на необитаемом острове», не замечают людей, а люди эти, темные крестьяне, так нуждаются в их помощи, совете, искре человеческого участия. Разговаривают учитель и фельдшер только друг с другом. И какие же это тяжелые, оскорбительные разговоры и споры! И чаще всего о мужиках, о России... Незлобивый, мечтательный Астреин считает чуть ли не национальной чертой русского народа ожидание чуда. Сам Астреин тоже верит: наступит чудо, и начнется какая-то новая жизнь. Самодовольный циник Смирнов всегда грубо возражает учителю. Он презирает, кажется, все доброе на свете: науку, культуру, человечность, но больше всего родную страну и крестьянство, хотя хорошо понимает, как народ обижен и исстрадался.

Но вот действительно наступает чудо. На глазах Астреина и Смирнова просыпается прекрасная природа Мещеры. Она будит в них искры надежды на что-то лучшее.

Герои рассказа плывут на лодке по только что вскрывшейся реке Пре. На ее середине их подхватывает бешеное течение, увлекая к мельничной плотине... Герои гибнут. Гибель этих опустившихся людей воспринимается как приговор автора. Весна, обновляя мир, истребляет все слабое, ненужное. Она сметает со своего пути «мелюзгу», барахтающуюся в реке жизни.

Изобразительная сила слова Куприна огромна. Он заставляет нас физически видеть читаемое: и затерянную в лесах деревушку, куда ночью забегают волки, и заледенелую школьную комнату со снежной бахромой на потолке. Мы слышим плеск волны, рассеченной лодкой, угрожающий рев воды у плотины, и вдруг перед нашими глазами невольно возникает целая картина гибели людей, их последних минут со всеми страшными, но очень точными деталями. И все это дано в движении, в развитии.

Примечательным является также рассказ «Ночь в лесу». Здесь Куприн размышляет о том, что лес без его «великого безмолвия», лишенный первоначального, превращенный нерадивым хозяином в свалку, уже не подарит человеку столько прекрасных и глубоких чувств, которые испытывает Куприн, оставшийся один на один с нетронутой природой Мещеры. «И какое же в нем великое одиночество, – пишет автор о таком лесе, – если он весь засорен окурками, замасленными бумагами, пустыми коробками из-под консервов, апельсиновыми корками и стеклом разбитых бутылок – всеми этими грязными следами, говорящими о постоянной и тесной близости человека?». И радуется Куприна, что Мещера еще девственна, что еще не вторгся человек в этот безбрежный океан лесов, не нарушил равномерной и мудрой жизни мещерской природы. Навсегда запечатлел в своих рассказах писатель образ той, к сожалению, уже оставшейся в прошлом, Мещеры, того лесного края, который представлял собой «сплошную полосу кондовых, частью еще не обмеренных лесов, раскинувшихся на многие сотни тысяч квадратных верст, на пространстве, равном среднему европейскому государству, заселенном медведями, волками, лосями, лисами, барсуками, зайцами, рысями, белками, горностаями, куницами и тысячами мелких неведомых зверушек»⁵¹.

Привлекает внимание рассказ Куприна «Фердинанд», где Куприн подробно пишет о том, как он наблюдал в окрестностях села Курша аномальное явление – «черную молнию». «Была уже ночь, – сообщает Куприн, – ни на секунду не переставая и сливаясь одна с другой, полыхали во все южное небо, точно сжимались и расширялись дальние голубые молнии. И так же непрерывно рокотал где-то под землей сдержанно глухою угрозой далекий гром. И вдруг совсем близ меня ослепительно разорвалось небо черными зигзагами, и, оглушая, трахнул сухой гром. Это странное явление повторилось еще пять или шесть раз, вселяя в меня дикий ужас. Повторяю: на колыхающейся бледно-голубой завесе дальних молний эти молнии были черные, хотя и ослепляли. Конечно,

⁵¹ Куприн А.И. Ночь в лесу // Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. С. 94.

это был оптический обман, объяснить который я не умею. Старые лесники, живущие в низинах, подтверждали мое наблюдение...»⁵².

Через всю жизнь Куприн пронес светлое воспоминание о красоте Рязанского края, его людях, впитавших в себя все прелести русского языка. Обращаясь к сестрам из-за границы, Куприн писал: «Я бы отдал сейчас все оставшиеся мне жить часы, дни, годы, всю мою посмертную память, черт бы ее побрал, за наслажденье, хоть несколько минут послушать прежний непринужденный разговор великой язычницы Марьи, жены лесника Егора на Троицком кордоне...»⁵³.

Неразрывно связано с Мещерой творчество **Константина Георгиевича Паустовского**. Солотча была излюбленным местом его отдыха. Впервые писатель посетил это местечко в 1930-х годах и был очарован неповторимой прелестью мещерского леса. На протяжении двух десятилетий Паустовский приезжал в Солотчу. Мещера сыграла важную роль в творческой биографии писателя. В «Повести жизни» он писал: «В конце лета я поехал туда, и с тех пор вся моя жизнь круто переменялась, окрепла, приобрела новую ценность – впервые я узнал как следует серединную Россию»⁵⁴. Писатель оставил нам глубоко проникновенные строки о Мещере. Его рассказы «Во глубине России», «Старый челн», «Ночь в октябре», «Кордон № 273», «Золотой линь» и многие другие передают то трепетное чувство, с которым относился Паустовский к природе рязанской земли.

К.Г. Паустовский тонко чувствовал окружающий мир и осознавал, что природа – естественная среда физического и духовного обитания человека. Как он подметил в «Повести жизни», «жизнь в природе должна быть постоянным состоянием человека», поэтому любимыми героями писателя стали люди, жизнь и труд которых неразрывно связаны с природой. Это путешественники, моряки, лесники, бакенщики, рыболовы, охотники, пастухи. Природа оказывает благотворное влияние на души этих людей – нравственное, эстетическое, целительное. Сверхзадачей Паустовского в произведениях «Мещерского цикла» становится стремление передать посредством художественного слова благотворную ауру русской природы, донести до читателя тот заряд нравственного очищения, духовности, который она содержит в себе.

Таким чувством наполнена глава «Леса» из повести «Мещерская сторона». С трепетом и восхищением описывает Паустовский столь дорогие его сердцу величественные мещерские чащобы. Он пишет: «Леса

⁵² Куприн А.И. Фердинанд // Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. С. 69–70.

⁵³ Афанасьев В. Александр Иванович Куприн. М. : Худож. лит., 1972. С. 153.

⁵⁴ Паустовский К.Г. Повесть о жизни // Собр. соч. : в 6 т. М. : Худож. лит., 1969. Т. 5. С. 339.

в Мещере разбойничьи, глухие. Нет большего отдыха и наслаждения, чем идти весь день по этим лесам, по незнакомым дорогам к какому-нибудь дальнему озеру. Путь в лесах – это километры тишины, безветрия. Это грибная прель, осторожное перепархивание птиц. Это липкие масляки, облепленные хвоей, жесткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осиновых листьев, торжественный свет, и, наконец, лесные сумерки, когда из мха тянет сыростью и в траве горят светляки»⁵⁵.

О многих живописных местах Мещеры может рассказать повесть Паустовского: о лесной реке Пре, об озерах Поганом и Черном, об окской старице Прорве, о заливных лугах и лесных каналах.

В далекие 1930–1950-е годы К.Г. Паустовский одним из первых поднял вопрос о необходимости защиты и охраны русской природы, государственного подхода к рациональному использованию природных ресурсов. В «Повести о лесах», рассказе «Клад», в очерках «Письма из рязанской деревни» писатель развивает свои мысли о сбережении неопенимого дара – родной природы и ее красоты.

Неудивительно, что именно в Солотче (1946 год) он писал свои проникновенные слова, которые звучат, как завещание потомкам: «...Родная земля – самое великолепное, что нам дано для жизни. Ее мы должны возделывать, беречь и охранять всеми силами своего существа» («Повесть о жизни»).

Мещерская проза К.Г. Паустовского – явление необычное и во многом отношении примечательное в русском литературном процессе XX века. Одной из наиболее специфических черт этого цикла, высвечивающих оригинальность творческого метода Паустовского, является решение писателем проблемы авторского присутствия в художественной ткани произведения.

Во многих мещерских вещах Паустовского часто нет традиционной сюжетной организации. В них порой отсутствует последовательная цепь взаимосвязанных событий. Этот момент, непривычный для восприятия читателя, нарушающий устоявшиеся каноны повествовательных жанров, вместе с тем не снижает читательского внимания. Не развитие действия как такового, не внешняя сторона описываемых событий и явлений стимулирует читательскую заинтересованность в мещерской прозе Паустовского, а иное: авторская мысль, индивидуальность писательского восприятия, раскрывающая новые грани окружающего мира. Образ автора, а точнее, эффект постоянного авторского присутствия в Мещерском цикле Паустовского является важнейшим средством во-

⁵⁵ Паустовский К.Г. Повесть о жизни. С. 209.

площения содержания, а последовательное развитие мысли автора, его эмоциональное осмысление бытия часто становится началом, организующим сюжетную основу.

Жемчужиной Мещерского цикла является повесть «Мещерская сторона». В ней авторский голос слышен наиболее явно. Паустовский раскрывает перед читателями свои чувства, ощущения, полученные от общения с природой, свое особое видение окружающего мира. Доверительность авторского голоса, интимность интонации сообщают «Мещерской стороне» особую сокровенность, камерность, погружают читателя в сферу духовной жизни писателя.

Знакомясь с повестью, мы обретаем редкую возможность проследить, как природа воздействует на характер повествователя, раскрывает ценностный мир его личности. Описание природы в «Мещерской стороне» обладает самостоятельным эстетическим смыслом, но не является конечной целью автора. Он идет гораздо дальше. Конкретно-эмоциональное изображение природы у писателя одновременно несет в себе большие обобщения философско-нравственного характера, выходящие за пределы пейзажной прозы.

Все увиденное и прочувствованное не только создает у автора определенное настроение, влияет на его душевное состояние, свидетельствует о радости принятия бытия, но и дает мощный импульс к размышлению о нравственных ценностях человека, поэтому закономерно, что заключительным аккордом «Мещерской стороны» становится глава «Бескорыстие», где звучат авторские мысли о вечных ценностях человечества – о Родине, любви и, конечно, природе.

В творчестве писателя природа и человек неразделимы. Такое единение, по Паустовскому, – необходимая потребность души, поэтому совсем не случайно писатель, рассказывая о наших великих соотечественниках, говорил и о природе. На это указывают уже сами названия произведений: о Пушкине – «Михайловские рощи», о Лермонтове – «Разливы рек»; о Чайковском – «Повесть о лесах». В мещерской прозе явно прослеживается мысль о том, что эмоциональное и нравственное состояние человека находится в прямой зависимости от природы. Именно поэтому герои Паустовского, неразрывно связанные с окружающим их миром природы и органично «вписывающиеся» в этот мир, так светлы и чисты помыслами.

Герой мещерской прозы Паустовского – человек, который «прост, ясен в своих размышлениях, доброжелателен в отношении к людям. Да и не только к людям, а и к каждому доброму зверю, к каждому дереву». Таковы у писателя объездчик Алексей Желтов из «Кордона-273», Семен Елесин из рассказа «Воитель» и многие другие. Эти люди обрели ту

гармонию, которая уравнивает внутренние законы природы и человеческой личности. Их жизнь протекает не на фоне природы, а в самой природе, и они ощущают себя ее неотъемлемой частью.

В общении со своими героями автор прост, ненавязчив. Он скорее играет роль внимательного слушателя, а не собеседника. Его голос в диалогах становится второстепенным, уходит на задний план и никогда не заглушает речи героев. Этот стилевой прием нам кажется примечательным, потому что он высвечивает определенную тенденцию: в общении с природой Паустовский – прежде всего наблюдатель, в общении с людьми – слушатель. И дело здесь не в пассивности авторской позиции, а в другом: такое стилевое решение придает всему, о чем сообщается в произведениях Паустовского, особую значимость, заставляет читателя пристальней вглядываться в картины описываемой природы, внимательно вслушиваться во все сказанное собеседником автора. Благодаря этому читатель может в полной мере ощутить красочность и плавность народной речи персонажей Паустовского, заключенную в их словах народную мудрость, внутреннюю одухотворенность и их неразрывную связь с миром природы.

Как мы видим, к решению проблемы авторского присутствия в мещерской прозе, Паустовский нашел оригинальные и новаторские по своей сути подходы, проявив себя как незаурядный художник слова.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Кто из русских писателей был связан с Мещерским краем?
2. Образ Мещеры в произведениях А.И. Куприна.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

1. Бочаров, Д.В. Очерки истории литературы Рязанского края [Текст] : моногр. / Д.В. Бочаров, И.В. Грачёва, В.А. Чапышкин. – Рязань : Изд-во РИРО, 1996. – 257 с.
2. Гаврилов, И.Н. Писатели и Рязанский край [Текст] : библиогр. слов. – Рязань : РИНФО, 2000. – 152 с.
3. История, культура и традиции Рязанского края. URL : <http://www.history-ryazan.ru>.
4. Коллекционеры из рязанских усадеб [Текст] : сб. очерков / сост. И.К. Красногорская. – Рязань : Издатель Ситников, 2008. – 408 с.
5. Рязанская энциклопедия [Текст] : в 3 т. / ред. В.М. Федоткин. – Рязань : Пресса, 1999. – Т. 1. – 672 с. ; Т. 2. – 670 с. ; Рязань : Александрия, 2002. – Т. 3. – 536 с.
6. Рязанская энциклопедия [Текст] : справ. материалы / ред. В.Н. Федоткин. – Рязань : Рязанская энциклопедия. – 1997. – Т. 18 : Литераторы, литературоведы. – 124 с.
7. Рязанские усадьбы и их владельцы [Текст] : сб. очерков / сост. И.К. Красногорская. – Рязань : Издатель Ситников, 2006. – 464 с.

Дополнительная

1. Вольнец, И.Н. Теория и история литературного краеведения [Текст]. – Благовещенск : Хабар, 1981. – 103 с.
2. Горбунов, Б.В. Сасовская земля. История родного края [Текст] / Б.В. Горбунов, П.А. Почиталин. – Рязань : Изд-во РИРО, 2000. – 171 с.
3. Грачёва, И.В. Касимов-город. Были и предания [Текст]. – Шацк : Шацкая типография, 2003. – 44 с.
4. Грачёва, И.В. Невольник чести (А.М.Булатов) [Текст] // Рязанский следопыт. – 1995. – № 6. – С. 16–20.
5. Грачёва, И.В. «Прекрасный тип Кулигина, тип не вымышленный...» [Текст] // Наука и жизнь. – 2005. – № 11. – С. 74–80.
6. Грачёва, И.В. «Путь чести и добра...». Жизнь и творчество С.Д. Нечаева [Текст] // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т. 19. – Рязань : Узорочье, 2009. – 56 с.
7. Грачёва, И.В. В.Г. Белинский и В.А. Жуковский в Рязани [Текст] // Четвертые Яхонтовские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Рязань : РИАМЗ, 2008. – С. 437–442.

8. Грачёва, И.В. Достоевский и Рязанский край [Текст] // Русская словесность. – 1998. – № 3. – С. 84–87.
9. «И были полки Ольговы...». Свод летописных известий о Рязанском крае [Текст] / сост. А.А. Цепков. – М. : Прогресс, 1994. – 512 с.
10. Коновалов, Д.А. Дорогие имена [Текст]. – Рязань : Московский рабочий, 1984. – 128 с.
11. Кочетова, Н.С. Провинция в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина: по материалам Рязанской губернии [Текст]. – Рязань : РГПУ, 1975. – 159 с.
12. Край Рязанский: рязанские писатели о родном крае [Текст]. – Рязань : Поверенный, 2003. – 128 с.
13. Кривошеев, М.В. Муромо-Рязанская земля: очерки социально-политической истории XI – нач. XIII вв. по материалам повестей [Текст]. – Гатчина, 2003. – 233 с.
14. Кузьмин, А.Г. Рязанское летописание [Текст]. – М. : Наука, 1965. – 288 с.
15. Милонов, Н.А. Литературное краеведение [Текст] : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М., 1985. – 192 с.
16. Мухина, С.Л. Современник декабристов С.Д. Нечаев [Текст] // Вопросы истории. – 1983. – № 10. – С. 183–187.
17. Насельники рязанских усадеб [Текст] : сб. очерков / сост. И.К. Красногорская. – Рязань : Издатель Ситников, 2007. – 376 с.
18. Нечаева, В.С. В семье и усадьбе Достоевских [Текст]. – М. : Соцэкгиз, 1939. – 156 с.
19. Никольский, А.А. Рязанские топонимы в художественной литературе [Текст]. – Рязань : Губернская Рязань, 2011. – 280 с.
20. Попов, И.П. Очерки истории культуры Рязанского края. XV–XX вв. [Текст]. – Рязань : Ряз. отд. Рос. фонда культуры, 1994. – С. 231.
21. Прессман, Л.П. Литературное краеведение в средней школе [Текст]. – М. : Наука, 1988. – 93 с.
22. Сафронов, А.В. Виноватые, отверженные, несчастные [Текст]. – Рязань : РГПУ, 2001. – 124 с.
23. Слепихин, А.И. Это было в Можарах: очерки краеведа [Текст]. – М. : Энцикл. рос. деревень, 1997. – 124 с.
24. Чапышкин, В.А. Я.П. Полонский – прозаик и публицист [Текст] // В помощь учителю-словеснику : метод. материалы по изучению лит. в шк. – Рязань : РГПУ, 1994. – С. 166–181.
25. Чечнева, А.В. М.Е. Салтыков-Щедрин в Рязани [Текст]. – Рязань : Узорочье, 1995. – 152 с.
26. Чечнева, А.В. Соратница великих [Текст]. – Рязань : Поверенный, 2003. – 176 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Фольклор. Литература Древней Руси и XVII–XVIII веков	
1.1. Фольклор Рязанского края	4
1.2. Рязанские мотивы в литературе древней Руси	17
1.3. Последняя загадка царицы Сумбеки	30
1.4. «Друг мой Иларион...» (Люди и судьбы XVII столетия)	37
1.5. Путь страдания и любви («Записки» Н.Б. Долгорукой)	52
1.6. Рязанский последователь Новикова (М.И. Невзоров)	60
Глава 2. Литература первой половины XIX века	
2.1. Первая русская поэтесса (Анна Бунина)	70
2.2. Рязанские мотивы в русской классике начала XIX века	78
2.3. «Путь трудной чести и добра» (С.Д. Нечаев)	87
2.4. Владелец села Ивановского (А.С. Хомяков)	97
Глава 3. Литература второй половины XIX – начала XX века	
3.1. Роман В.С. Соловьёва «Касимовская невеста»: реальности художественный вымысел	107
3.2. Писательница Н.Д. Хвощинская	113
3.3. М.Е. Салтыков-Щедрин – вице-губернатор Рязанской губернии.....	130
3.4. Достоевские и Рязанский край	139
3.5. Мещера в творческой судьбе русских писателей	148
Список рекомендуемой литературы	157

Научное издание

И.В. Грачёва, Д.В. Бочаров, В.А. Чапышкин

РЯЗАНСКИЙ КРАЙ
В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ РОССИИ

Учебное пособие

Научный редактор *Т.В. Федосеева*

Редактор *Г.И. Ершова*
Технический редактор *Г.И. Ершова*

Подписано в печать 29.06.12. Поз. № 025. Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 120 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, 22